

LUCCA

MADE MEN

SARAH BRIANNE

Лукку сделали младшим боссом, состоящего только из кошмаров.

Хлоя была травмирована своим прошлым, слишком рано узнав, что кошмары реальны.

Он ждал достаточно долго, чтобы забрать ее душу, но сначала он должен забрать ее у дьявола.

Лучше бы ее душу забрал дьявол.

Единственный способ спасти ее от ее прошлого — покопаться в нем.

Мир, каким она его знает, рухнет.

Я чертов Бугимен.

Я просто чертова уродина.

Перевод: t.me/sarahbriannromance

ВНИМАНИЕ! Перед прочтением данной книги обязательны к прочтению все предыдущие книги:

Пролог

История, скрывающаяся за шрамом, история печали, горя и пыток

Семь месяцев назад, в январе...

Остановив свой классический черный "Кадиллак" на обочине улицы, он расположился так, чтобы наблюдать за домом. Затем он посмотрел на часы и увидел, что все рассчитано идеально.

Школа закончилась.

Он щелкнул зажигалкой, открывая и закрывая ее, открывая и закрывая, ожидая ее возвращения. Лука никогда не умел сидеть на месте и не был очень терпеливым человеком, когда уставал. Прошедшая ночь была долгой, и его тело все еще чувствовало это. Тем не менее, он наслаждался каждой секундой.

Прошлой ночью он уложил мистера Джонсона отдохнуть и сдержал обещание трахать блондинку до тех пор, пока она не пожалеет об этом. И то, и другое удовлетворило его темную сторону... пока, во всяком случае.

Лука закрыл зажигалку, когда на подъездную дорожку въехал запыхавшийся BMW. Он никогда не доверял немецким машинам. Единственное, что в ней было хорошего, — это черный цвет краски.

Из машины вышла клубничная блондинка. Эльз Бьюкенен. Он не смог сдержать усмешку. У его младшего брата были большие гребаные проблемы.

Наблюдая за тем, как она идет к входной двери, он считал, что девушка становится только красивее, чем больше на нее смотришь.

Будет жаль, когда мне придется задушить в ней жизнь.

Одно было ясно наверняка: девушка умрет, и ничто не сможет ее спасти. Жаль, что она

оказалась рядом, когда спустили курок, но некоторые девушки просто рождаются невезучими, особенно эта. До ее восемнадцатилетия оставался еще месяц, а потом... конец.

Застрявшая машина дала задний ход, привлекая его внимание. Ему стало интересно, кто мог подбросить девушку в этот район на такой машине. По правде говоря, он был немного шокирован этим адресом, учитывая, что девушка училась в подготовительной школе.

Интуиция подсказала ему проследить за машиной. Все, с кем Элли общалась, могли стать сопутствующим ущербом, если ее поганый рот проболтается слишком много.

Снова взглянув на часы, он заметил, что до отъезда Элли на работу еще есть немного времени, поэтому он завел машину, решив проследить за BMW.

Он держался на достаточном расстоянии от нее, следуя в направлении, которого не ожидал. Эта часть города в основном принадлежала богатым, здесь располагались дорогие рестораны и магазины.

Увидев, как машина заезжает в один из самых дорогих магазинов города, он припарковался на улице и достал свой мобильный телефон, отправив другу сообщение с номером машины. Затем он стал ждать в предвкушении, любопытство медленно съедало его, и только усилилось, когда дверь машины открылась.

Он сразу понял, что это девушка, когда на землю спустились высокие черные сапоги и черные джинсы. Следующее, что он заметил, — это ее длинные шелковистые волосы. Это были самые черные волосы, которые он когда-либо видел.

Он отчаянно хотел разглядеть ее лицо, но она не оборачивалась. Поэтому Лука решил выйти из автомобиля, удивляясь, что это кажется ему более важным, чем все остальное, чем он мог бы занять свое время.

Инстинкты не давали ему покоя, и он последовал за ней в магазин.

Лука гордился тем, что может оставаться незамеченным. Его одежда — темные джинсы, черные рубашки и черные толстовки — позволяла ему делать именно это, плюс его неряшливое лицо и волосы. Он мог пройти там, где никто из членов семьи не мог пройти. Состоятельные мужчины требовали внимания своими костюмами и безупречной ухоженностью, тогда как он не нуждался в таком внимании. *У меня есть другие способы получить внимание, которого я требую.*

Войти в магазин незамеченным было легко, учитывая, что там хранилось все дорогое дерьмо. Он сориентировался в магазине и нашел девушку во всем черном, которая, похоже, искала какую-то конкретную вещь. Легкий взгляд на левую сторону ее лица показал нежную фарфоровую кожу. Он подошел ближе.

Видел ли я ее раньше?

Еще один небольшой взгляд показал ее юный возраст.

Остановившись, он уже собирался повернуться — она слишком молода, но тут девушка повернулась и пошла обратно к столику, мимо которого уже прошла.

Его сердце замерло на мгновение, когда он увидел всю левую сторону ее лица и поразительный серый глаз. Другая половина была закрыта вуалью волос. Ему захотелось протянуть руку, чтобы нащупать чистые черные пряди шелка и сдвинуть их, и это бы позволило открыть остальную часть ее лица.

Уходи сейчас же. Ничего хорошего из этого не выйдет. Он должен был уйти в тот момент, когда заметил, что она всего лишь девочка-подросток. Однако, хотя он пока не мог определить, что именно в ней влекло его, не давало отвести от нее взгляд и уйти.

Все это казалось таким неправильным и в то же время таким правильным. Его тянуло в

разные стороны. Его разум говорил ему уйти, но тело заставляло его терпеливо ждать.

Наблюдая, как она поднесла руку к лицу, он почувствовал, что у него перехватило дыхание, когда она убрала волосы за ухо.

Черт... Его сердце пропустило еще один удар при виде ее лица целиком.

Его взгляд прошелся по правой стороне ее великолепного лица, на котором был шрам от брови до впадины щеки. Еще один шрам был над и под ее сочными губами.

Инстинкт, заставивший его провести кончиками пальцев по каждой отметине, был настолько силен, что он подумал, что может нарушить свое прикрытие.

Ее серые глаза хранили историю, скрывающуюся за шрамом, историю печали, горя и пыток. Это было все равно что смотреть на идеальную фарфоровую куклу, которую слишком часто роняли. Другие увидели бы в треснувшей кукле изъян, что делал ее уже не совершенной, но он видел только красоту.

Она была самым прекрасным существом, которое он когда-либо видел.

Золотая, богато украшенная вещь, в которую она была влюблена, была ему незнакома, пока она не открыла яйцообразный предмет и не заиграла музыка. Ее глаза плясали, когда она наблюдала за балериной, кружащейся в такт музыке. Он подумал, что бы он почувствовал, если бы она так же смотрела на него.

— Красивая вещь, не правда ли? — спросила пожилая женщина, похожая на владелицу магазина, подойдя к ней.

Девушка вздрогнула и закрыла музыкальную шкатулку.

Он хотел, чтобы она снова стала такой, какой была мгновение назад. Он мог часами наблюдать, как она изучает изящную вещицу нежными руками.

Когда ее язык высунулся, чтобы облизать губы, он с нетерпением ждал ее голоса.

— Д-да. — Она вернулась к разглядыванию шкатулки, избегая взгляда женщины. — Сколько это стоит?

— Три тысячи долларов.

Она убрала пальцы от изделия.

— О.

Женщина любезно улыбнулась.

— Я знаю, что Рождество только что прошло, но вы всегда можете попросить его на свой день рождения, может быть. Я могла бы придержать его.

Она покачала головой.

— Спасибо, но это слишком много.

Дама продолжала улыбаться.

— Ну, вы всегда можете вернуться, если уговорите своих родителей.

— Спасибо. — Девушка бросила последний взгляд на музыкальную шкатулку, прежде чем покинуть магазин.

Смотреть, как она уходит, было тяжелее, чем он думал. Он не мог выйти из магазина, пока она не отъехала. Поэтому ему пришлось наблюдать за тем, как она идет к машине, через витрину, а это было недостаточно близко для него.

Вибрация в кармане заставила его достать мобильный телефон. Он не сказал ни слова, когда принял вызов.

Его друг Сэл сказал в трубку.

— BMW зарегистрирован на Максвелла Мастерса.

Это было не то, чего он ожидал, хотя это объясняло, почему ему показалось, что он

видел ее раньше.

— Девушка? — осторожно проговорила Лука в трубку, наблюдая, как она приближается к BMW со стороны водителя.

— Он женат на Элейн Масте...

— Младше, — оборвал он его.

Сэл сделал паузу.

— Со шрамами?

Глаза Луки проследили ее отметины.

— Да.

— Это дочь Максвелла, Хлоя Мастерс.

Он завершил разговор нажатием кнопки.

Время остановилось для него, пока он впитывал все, что мог о ней, пока она не скрылась в машине.

В жизни всегда наступает момент, когда нужно сделать выбор, и этот выбор был его.

Ее измученная душа взывала к его темной душе, шепча, чтобы он спас ее. Его сердце медленно и ровно билось, находя свою цель — Хлою Мастерс.

Бросив последний взгляд на шрамы на ее лице, он не мог дождаться того дня, когда сможет провести по ним пальцами. Прекрасно.

Один

Моя

Лука сидел за столом в своем кабинете, проводя руками по волосам и пытаясь сделать глубокий вдох. Ее образ все еще не выходил у него из головы. Его пальцы так и зудели от желания проследить ее великолепные отметины. Он хотел ее, несмотря на ее возраст, и ничто не остановит его.

В своей жизни он очень редко чего-нибудь хотел. Первое — это стать человеком, а второе — стать главным. И того, и другого он добился в очень юном возрасте.

Ему было всего двадцать шесть лет, и он был самым молодым младшим боссом в истории семьи Карузо, а он стал им в возрасте семнадцати лет. То, что он совершил, чтобы стать боссом, было тем, что отправило бы большинство взрослых мужчин в психиатрическую клинику, но только не Луку.

Лука родился с темной стороной. Уже в раннем возрасте он понял, что не похож на остальных людей. Он испытывал эмоции только тогда, когда причинял боль. Сначала для этого не требовалось многого — просто ущипнуть другого ребенка, пока тот не заплачет. Это приносило ему радость и удовлетворение. Но постепенно, с годами, ему требовалось все больше и больше, чтобы вернуть эти чувства. Теперь, двадцать шесть лет спустя, он был полноценным монстром, жаждущим только крови и хаоса.

Включив компьютер, он поискал в интернете имя, которое звало его. Когда на экране появилось ее изображение, его сердце гулко забило в груди. Это была фотография гораздо более молодой девушки: шрамы были более свежими, ярко-красными и не похожими на тускло-розовые, которые он видел сегодня. Проще говоря, они выглядели ужасно на ее идеальном фарфоровом лице.

Увеличив изображение, он крепче сжал мышку, кипя от ярости. Он слишком хорошо знал, что они были нанесены ножом. Порезы были чистыми и точными, с рассчитанной глубиной, чтобы причинить сильную боль в этих чувствительных местах и оставить шрам на

всю жизнь.

Кто бы к ней ни прикоснулся, лучше бы он был мертв.

Вернувшись к поиску, он искал, кто мог с ней это сделать, но единственное, что нашлось, — это автокатастрофа трехлетней давности. Прочитав старую газетную статью, он узнал, что в ту ночь за рулем был ее отец, Максвелл Мастерс, и что в ее шрамах виновато стекло лобового стекла, которое разбилось и ударило ее по лицу. Чушь.

Лука вернулся к фотографии Хлои, увеличив ее, чтобы показать, как ее отец принимает присягу в качестве мэра Канзас-Сити, штата Миссури. На нем не было ни единой царапины, что подтверждало то, что он уже знал.

Жажда крови теперь текла по его венам. Он собирался сделать все, чтобы узнать, что с ней случилось. Любой, кто имел к этому отношение, будет погребен под землей, когда он закончит.

Глядя на ее суку отца и мать, он почувствовал, что список будет очень длинным. Они все умрут.

Он вернулся к ее поискам, желая узнать все, что можно.

Увидев совсем недавно ее фотографию на каком-то мероприятии, он уставился на изображение, его сердце забило еще громче, немного утолив жажду крови. Черт, он хотел ее больше, чем того, чтобы его сделали или чтобы он стал младшим боссом.

Его нутро скрутило при мысли о том, как долго ему придется ждать, пока ей исполнится восемнадцать. Он не был уверен, как удержит себя от того, чтобы взять ее, не привыкнув к таким сильным чувствам. Ее измученные глаза, казалось, кричали ему, чтобы он спас ее, и это только усиливало его желание.

Поднеся сигарету к губам, он открыл крышку своей холодной металлической зажигалки, поджег конец и сделал длинную затяжку.

Курение всегда давало ему возможность чем-то заняться и сосредоточиться, когда на него накатывали больные, извращенные желания. Он надеялся, что это также поможет ему держаться подальше от Хлои.

Закрыв крышку, он положил Zippo обратно на стол и снова посмотрел на ее недавнюю фотографию.

Ему в голову пришла одна единственная мысль.

Моя.

Два

Если вы ищете спасения, насилие — не выход

Лука ждал в маленьком тёмном помещении, недоумевая, почему ноги сами привели его сюда. Единственный раз он приходил сюда, когда думал о матери. Однако с тех пор, как умерла его мать, он никогда не искал покаяния. Покаяние было для тех, кто искал отпущения грехов. Он не был таким человеком. Лука искал только возмездия.

Какой-то звук заставил его поднять глаза на замысловатое окно, через которое почти не проникал свет. Он увидел тень пожилого мужчины по другую сторону стены.

В его голове мелькнула мысль уйти, но вместо этого слова вырвались наружу, как будто он произносил их только вчера.

— Прости меня, Отец, ибо я согрешил. Прошло много времени с моей последней

исповеди.

Когда Лука сидел молча, не в силах подобрать слова, фигура за стеной спросила

— Да, сын мой?

— Моя мать заставляла меня приходить сюда на исповедь, когда я был моложе, но когда я стал членом семьи, она больше не могла меня сюда приводить. Я до сих пор помню тот день, когда я пришел сюда. Она умоляла и упрашивала меня прийти сюда. Я сказал ей, что после того, что я сделал, меня уже не спасти.

Она шутила, говорила, что во мне живет демон. В тот день она поняла, что это действительно так. Я никогда не забуду выражение ее глаз, когда она увидела меня таким, какой я есть на самом деле, когда она не увидела ничего, кроме чистого зла. — Лука сделал небольшую паузу. — И все же, каким-то образом, даже до тех пор, пока ее не убили, она верила, что есть способ спасти меня, что каким-то образом я все еще могу искать спасения после всего, что я сделал.

— Это то, ради чего ты здесь сейчас? Чтобы найти спасение? Знакомый голос заполнил пространство между ними.

Серые глаза снова уставились на него в его сознании.

— Да.

— Тогда ты должен покаяться, сын мой.

— Я не ищу Божьего спасения.

Священник замолчал на минуту.

— Тогда какого рода спасение ты ищешь?

Теперь, мысленно, его пальцы проследили шрам от ее брови до щеки, а затем спустились вниз, чтобы провести по шраму на ее пухлых губах.

— Мое спасение в семнадцатилетней девушке.

— Правила, Лука.

— Ты прекрасно знаешь, что я в курсе, что мы не должны прикасаться к несовершеннолетним.

— Ты? — Священник не смог закончить предложение, испугавшись ответа, который он мог услышать.

— Я виновен в самых страшных грехах, отец, но я здесь не для того, чтобы каяться в совершенных мною грехах. Я здесь, чтобы попросить прощения за то, что я могу совершить. — Так и будет. Это был вопрос «когда», а не «если».

— Ты просишь прощения за свое будущее, но не за свое прошлое?

— Несмотря на то, что их разделяла стена, недоумение старика было заметно по его голосу.

— То, что я собираюсь сделать с ней, ради нее... боюсь, это будут самые страшные преступления, которые я когда-либо совершу.

— Если ты ищешь спасения, насилие — не выход.

Насилие — это всегда выход.

— Как я уже сказал, я не ищу Божьего спасения. Мое спасение придет, когда я наложу на них свои руки, те самые руки, которые заберут жизнь из тел тех, кто прикасался к ней.

Лука собрался выйти из комнаты, но голос священника остановил его.

— Я видел, как ты сидишь в моей церкви время от времени после смерти твоей матери, когда ты думаешь, что тебя никто не видит. Бог тоже видел тебя. Я думаю, ты хочешь получить прощение за все свои грехи, сын мой.

— Может быть, вы правы, отец. Может быть, какая-то часть меня надеялась снова найти путь к матери, но путь, которым я иду сейчас, приведет меня только прямо в ад.

Когда он выходил из комнаты, он слышал беспомощные молитвы Отца и сжимал четки, когда тот зажимал четки на шее.

Молитвы были не о Луке, а о душах, которые собирался забрать бугимен.

Три

Существо за дверью

Настоящее время

Холодный металлический стол под ней резко контрастировал с ее пылающим лицом от, казалось бы, бессмысленного плача.

— Пожалуйста! Остановитесь! Никакие удары ногами и борьба не могли сравниться с тем, что ощущалось как миллионы рук, удерживающих ее.

Смех злого мужчины, державшего нож, издевательски звенел в ее ушах.

— Не шевелись, девочка, — он приблизил нож к ее лицу, — или будет еще больнее.

Глядя в его ненормально большие, черные глаза, она была уверена, что смотрит в глаза дьявола.

Серебряное лезвие все ближе и ближе приближалось к ее правому глазу, пока не оказалось в сантиметрах от зрачка.

— Не моргай.

Слеза навернулась на глаза, и ей стало еще труднее держать глаз открытым. Ее тело начало дрожать. Она собиралась моргнуть.

— Не моргай, девочка, — снова предупредил он ее.

Слеза упала, и ее глаз начал закрываться...

— Хлоя! — раздался голос Амо.

В ее сознании мелькнул свет.

— Сюда, Хлоя! — умолял Амо.

Еще одна вспышка света заставила ее открыть глаза.

От резкого подъема она почувствовала головокружение. Кровать и большая комната были ей незнакомы, отчего сердце колотилось в ушах, как барабан. Последнее, что она помнила, — как подъезжала к аэропорту, так близко к своей свободе. А потом кто-то подошел к ней сзади, и она потеряла сознание...

Нет! Он схватил меня, и никто не знает, что я здесь.

Хлоя пошатнулась, встала с кровати и подошла к тумбочке. Она протянула руку...

На этот раз дьявол убьет меня. Он обещал, что убьет.

Как только она открыла дорогую золотую музыкальную шкатулку, заиграла знакомая колыбельная. И тут она поняла, что она не может принадлежать ей.

Затаив дыхание, Хлоя подошла к огромному окну. Она медленно потянулась, чтобы отодвинуть занавеску.

На этот раз меня никто не спасет.

Отдернув занавеску, она затаила дыхание: перед ней раскинулся прекрасный сад с белой беседкой, под которой она уже оказывалась...

Дверь со скрипом открылась, и Хлоя повернулась, чтобы встретить существо, стоящее за дверью.

— Привет, дорогая.

Темный голос заставил ее задыхаться. Кровь в ее жилах медленно превратилась в лед, заморозив ее на месте. От одного взгляда этих сине-зеленых глаз по ее телу побежали мурашки. Она пыталась сформировать мысль, ее рот даже пытался сформировать слово, о котором она даже не была способна подумать, но ничего не выходило. Единственное, что ей оставалось, это просто смотреть, как Лука входит в комнату и закрывает за собой дверь.

Подойдя к прикроватной тумбочке, Лука провел пальцем по богато украшенной шкатулке, на которой все еще играла колыбельная, которую она слышала только в своих воспоминаниях. Затем он медленно закрыл крышку, и в комнате воцарилась тишина.

Когда он снова зашевелился, Хлоя обнаружила, что все еще задыхается, когда он сел в кресло, стоявшее в углу.

Казалось, под его пристальным взглядом прошли мгновения. Он молчал, казалось, что ему достаточно просто сидеть и смотреть на нее.

Когда расстояние между ними и оглушительная тишина стали донимать ее, она снова попыталась найти слова.

— Как я...? — Ее голос прервался, потеряв уверенность, когда его глаза, казалось, проследили за ее телом.

— Как ты сюда попала? — спросил он, приподняв бровь.

Она медленно кивнула.

— Я привел тебя сюда.

Если бы он не сказал это так серьезно, она бы подумала, что ослышалась.

— П-почему?

Ответ не прозвучал. Вместо этого было видно, как он тщательно обдумывает свои дальнейшие слова. Его глаза, казалось, стали зелеными, в то время как его слова начали обволакивать ее, его голос стал почти теплым.

— Я привел тебя сюда... чтобы спасти.

Хлоя неосознанно обхватила себя руками, пытаясь сохранить тепло его голоса, и сделала один шаг к нему.

— С-спасти меня от ч-чего?

Моргнув, Лука вернул глазам его странный оттенок сине-зеленого, и ей показалось, что она вообразила их зелеными. Теплота в его голосе, казалось, тоже была в ее воображении.

— Чтобы уберечь тебя от ошибки уйти.

Что!

— Зачем тебе это? Почему тебя это волнует? — Гнев пронесся сквозь нее. Она едва успела почувствовать вкус свободы от этого города, как его у нее отняли.

Улыбка коснулась его губ.

— Думаю, тебе просто придется подождать и посмотреть, дорогая.

Ее глаза расширились от его циничного тона. Она быстро потеряла всякую уверенность, которую обрела от гнева.

На мгновение ей показалось, что она увидела в нем что-то другое, но теперь она видела в нем только тьму. Улыбка на его лице воскресила воспоминания о той ночи, когда он показал свою истинную сущность...

Крэк.

Звук ломающихся костей встретил ее уши, когда бейсбольная бита обрушилась на хромое тело.

Щелчок.

Еще одна вспышка, когда бита соприкоснулась с ногой мужчины, который практически безжизненно лежал на полу.

Он снова поднял биты, остановившись только для того, чтобы посмотреть ей в глаза. Злые сине-зеленые глаза смотрели на нее, заставляя ее кровь холодеть. Она смотрела, как его руки сжимают основание биты с такой силой, что она была уверена, что она разлетится вдребезги, прежде чем бита опустится в последний раз.

Хруст.

Она смотрела, как мужчина вдыхает воздух вокруг себя, он выглядел безумным, его вид был растрепанным. Затем он зачесал свои отросшие волосы назад, и на его губах появилась легкая улыбка...

Сделав небольшой шаг назад, она поняла, что находится в настоящей опасности.

— Ты собираешься причинить мне боль?

Она увидела, как что-то промелькнуло в его глазах, а улыбка исчезла.

Когда он поднялся со стула, Хлоя снова затаила дыхание. Затем, когда он направился к ней, она отступала назад, насколько могла, с каждым его шагом, пока ее спина не уперлась в стену.

Лука остановился, когда его тело было всего в нескольких дюймах от ее тела, и слегка наклонился, чтобы приблизить свой высокий рост к ее.

— Я когда-нибудь причинял тебе боль, Хлоя? — Его голос был на октаву глубже и звучал мрачнее, чем она когда-либо слышала от него раньше.

Она медленно покачала головой, боясь не ответить демону, который держал ее в своих объятиях.

Его взгляд прошелся по шраму от брови до щеки, и она готова была поклясться, что почти чувствует его легкую ласку.

— Пожалуйста, можно мне уйти? — умоляла она, боясь, что может ждать ее в будущем с этого момента.

Лука пристально посмотрел на нее, поднеся руку к ее лицу.

— Я не думаю, что ты понимаешь.

У Хлои перехватило дыхание. Она отчаянно хотела закрыть глаза, но он не позволил ей этого сделать, заставив смотреть на него.

— Отсюда не уйти, — продолжал он, стараясь не прикасаться к ней, хотя и накручивал на палец прядь ее шелковистых черных волос.

— Теперь ты моя, Хлоя. — Он отбросил прядь, и она упала на ее грудь, которая сейчас сильно вздымалась и опадала.

Наблюдая за тем, как демон отступает к тумбочке, она начала понимать, что дьявол никогда не был ее худшим кошмаром.

Лука еще раз открыл музыкальную шкатулку, позволяя своей колыбельной наполнить комнату, прежде чем исчезнуть и закрыть ее в ее новой тюрьме.

Он. Бугимен.

Ее ноги подкосились, и она медленно опустилась на пол. Она подтянула ноги к груди, когда прекрасная мелодия начала затихать, почти обрываясь.

Теперь ты моя, Хлоя.

Четыре

Если я поймаю тебя, я не смогу остановиться

Дьявол всегда преследовал ее, но он так и не пришел. Вместо него появился бугимен, обещавший ей, что его похищение будет намного хуже, чем ее первое похищение дьяволом.

Хлоя не двигалась на полу в течение, казалось, нескольких часов, полностью оцепенев, уставившись в стену перед собой. Только когда взошло солнце, освещая комнату и согревая ее кожу, ее взгляд переместился на багаж, который Лука, должно быть, привез с собой.

Мой мобильный телефон! Быстро подойдя к своим сумкам, она отчаянно начала искать свой телефон. Его нет... И тут до нее дошли слова Луки. *Отсюда не уйти.*

Открыв сумку, она увидела золотую музыкальную шкатулку. Потянувшись, она вытащила хрупкую разбитую вещь, отнесла ее на тумбочку и поставила рядом с полированной не разбитой.

Увидев их рядом, она поняла, насколько сильно пострадала та, что была у нее с детства. На ней образовались серьезные трещины, и она не могла играть колыбельную, которую когда-то слушала каждую ночь перед сном.

Повернув ключ на полированной, она стала слушать мелодию.

Откуда у него это? Как он узнал?

Когда заиграла песня, пришло осознание, вернув ее на семь месяцев назад, когда она зашла в маленький магазинчик, где продавалась старая музыкальная шкатулка.

Время от времени она заглядывала в Интернет в поисках этого предмета, пытаясь найти его снова, чтобы услышать мелодию еще раз. Наконец, ее мечта сбылась, когда магазин, расположенный недалеко от дома, где она жила, выставил шкатулку на продажу на своем сайте. Она отправилась туда на следующий день и смогла услышать мелодию лишь на мгновение, прежде чем владелец сказал ей, что цена за вещь составляет три тысячи долларов. Это было чуть позже, когда она...

Хлоя открыла дверь в магазин и направилась прямо к тому месту, где всего неделю назад увидела красивую шкатулку. Однако, взглянув на стол, она увидела, что ее нет.

Подумав, что ее могли переместить, она осмотрела магазин.

— Здравствуйте, — поприветствовал ее знакомый голос пожилой женщины. По чертам лица женщины она поняла, что та выглядит обеспокоенной.

— Здравствуйте.

— Мне очень жаль говорить вам, но если вы ищете музыкальную шкатулку, то я продала ее только вчера.

Разминая руки, Хлоя смотрела в пол, закрыв лицо вуалью волос.

— Ох.

— Я пыталась дождаться вас, но сразу после твоего ухода пришел мужчина, который хотел ее купить. Я отказалась продать ему, но вчера он вернулся, предложил мне больше денег и объяснил, почему он должен ее получить. Мне очень жаль.

— Я... все в порядке. Я все равно не могла себе этого позволить... Я просто хотела услышать это еще раз.

Закрыв музыкальную шкатулку, которую Лука оставил открытой, она снова заставила комнату замолчать, пытаясь осознать тот факт, что Лука хранит ее у себя уже семь месяцев.

Почему? Она никогда не ожидала такого от Луки. Он был братом парня ее лучшей подруги, Неро.

Не мог же он похитить меня просто так, чтобы никто не узнал, верно?

Оглядев комнату, она вдруг поняла то, чего не понимала раньше. Она находилась в доме их семьи, поэтому кто-то должен был зайти... *Мария! Здесь жила сестра Луки и Неро. Она поможет мне.*

Подойдя к двери, она положила руку на дверную ручку, глубоко вздохнула и медленно повернула ее, легко открыв дверь. Выглянув в коридор, чтобы убедиться, что все чисто, она попыталась найти комнату Марии, в которой она была всего один раз, когда приезжала с Эллль.

Полагая, что нашла нужную комнату, она тихонько постучала в дверь. Когда ответа не последовало, она осторожно открыла дверь и обнаружила, что действительно нашла нужную комнату, но Марии там не было.

— Пойдем со мной, — раздался сзади глубокий незнакомый голос, от которого она испуганно замерла на месте. — Сейчас же! — прорычал он, когда она не двинулась с места, чтобы повернуться.

Медленно повернувшись, она увидела огромного мужчину в костюме, который, развернувшись, пошел по коридору к лестнице.

Ее ноги неохотно начали двигаться, боясь, что огромный мужчина найдет другие способы заставить ее пойти с ним, если она не сделает этого сама.

Спустившись по ступенькам, пройдя через фойе, а затем в большую, открытую гостиную с кухней, она увидела его.

— Я поймал ее, когда она заходила в комнату вашей сестры, — сказал ему крупный мужчина в костюме, стоя у стены и скрестив руки.

Она наблюдала, как Лука слегка улыбнулся, когда он наливал себе чашку кофе.

— Присаживайся, дорогая, — сказал Лука, указывая на табурет у большого кухонного острова.

Когда двое мужчин уставились на нее, она почувствовала, что у нее нет выбора. Поэтому она осторожно направилась к Луке и присела, наблюдая за каждым его движением.

Опустив волосы на лицо, она уставилась на свои сжимающиеся руки, не замечая, что он смотрит на нее. Это не слишком помогло. Она все еще чувствовала его изучающий взгляд.

Сделав глоток кофе, он сказал:

— Ты сегодня выглядишь усталой.

Ее ногти начали впиваться в ладони.

Отставив чашку, он подошел к кухонному шкафчику и достал еще одну кружку. Затем он наполнил ее темной жидкостью и поставил перед ней.

Уставившись на чашку с кофе, она не притронулась к ней, продолжая впиваться ногтями в ладони.

— Я... я не...

— Пей, — приказал Лука.

Она подняла веки, чтобы встретиться с его взглядом, который был таким же властным, как и его требование. Когда она потянулась за кофе, то не могла понять, почему легко выполнила его приказ.

Сделав достаточно большой глоток, чтобы насытить его, она поставила чашку на место, обнаружив, что теплая жидкость так необходима ее озябшему телу.

— Теперь, — Лука сделал еще один глоток, — моя семья остановилась в казино моего отца... на некоторое время. Я сказал им, что дом больше не безопасен, поэтому никто не будет приходить сюда, пока я не дам им слово, что здесь снова безопасно.

— На какой срок времени? — тихо произнесла она, снова сжимая руки от его холодных слов.

— Это будет зависеть от тебя.

Она подняла голову и посмотрела на него. *От меня?*

Прочитав ее замешательство, он продолжил:

— Когда я смогу поверить, что ты не сбежишь от меня.

Хлоя несколько раз моргнула.

— Ты не собираешься меня убивать?

Он улыбнулся ей: было очевидно, что у него на нее другие планы.

— Нет, дорогая.

Что ему от меня нужно?

Она сделала еще один глоток из своей кружки, чтобы согреть озябшее тело, пока обдумывала свои следующие слова.

— Значит, я твоя п-пленница?

Он посмотрел на нее хищным взглядом, которому понравилось, как она назвала себя его пленницей.

— Только до тех пор, пока ты это делаешь.

Теперь ее ногти пронзали кожу.

— Мне пора уходить, — сказал ей Лука. Выпив последний глоток кофе, он кивнул головой в сторону мужчины в костюме, прислонившегося спиной к стене. — Отныне Драго будет твоей тенью. Он будет следить за тобой вместо меня.

Ее кровь похолодела. Она застыла при мысли о том, что весь день проведет наедине с неизвестным незнакомцем.

Чувствуя ее страдания, голос Луки прозвучал в ее ушах:

— Хлоя, он не тронет тебя, только если ты не оставишь ему выбора. Ты поняла?

Ногти в ее ладонях впились глубже, когда она кивнула, не в силах озвучить ответ.

Лука сделала шаг, чтобы уйти, но остановился.

— Если ты попытаешься убежать, тебе повезет, если он тебя поймает. — Он сделал небольшую паузу, прежде чем его голос стал таким мрачным, что все волосы на ее теле встали дыбом. — Если я поймаю тебя, то я не смогу остановить себя от того, чтобы взять то, что я хочу, как только увижу тебя.

Кровь прилила к ее ладоням. Он не угрожал. Это было обещание.

Пять

Это закончится войной

— Думаешь, теперь ты можешь сказать мне, какого хрена мои люди вчера выгнали меня и мою семью из моего дома? — Данте набросился на него, как только Лука сел в своем кабинете в отеле-казино.

Лука закурил сигарету, отчаянно нуждаясь в ней для разговора, который ему предстоял с отцом.

— Там больше небезопасно.

— Что значит «небезопасно»? Мой дом всегда был безопасным.

Именно поэтому он мне и нужен. Однако подробности Данте он пока не мог рассказать.

— Когда угроза исчезнет, ты, Мария и Лео сможете вернуться.

Данте хлопнул рукой по столу.

— Черт возьми, Лука! Угроза? Какая, блядь, угроза?

Сбросив пепел в пепельницу, он решил, что ему придется от чего-то отказаться.

— Я заставил человека Лучано говорить.

— Дерьмо. — Подняв свой стакан с ликером, отец осушил его содержимое, прекрасно понимая, о ком говорит Лука.

Лучано были другой семьей, владевшей небольшой частью Канзас-Сити, семь месяцев назад эти две семьи жили в мире. Недавно один из пентхаусов отеля-казино подвергся нападению, когда туда ворвался человек Лучано. К счастью, ему не удалось напасть на сестру Луки, Марию.

Они не могли запятнать имя Лучано, разбрасываясь обвинениями без каких-либо доказательств. Им нужна была крыса, которая бы пищала.

— Как твой подчиненный, я хочу сказать тебе, что чем меньше я тебе скажу, тем лучше. Пентхаусы сейчас — самые безопасные места для всех. Оставайтесь здесь, пока все не закончится.

Потирая виски, Данте наконец кивнул в знак согласия.

— Кто-нибудь в семье знает об этом?

— Двое. Сэл, — Лука затаился сигаретой, зная, что отец не удивится имени Сэл, но, скорее всего, удивится следующему, — и Драго".

Ледяные голубые глаза отца сверкнули на него.

— Черт возьми, Лука, ты забираешь его у меня, не так ли?

— Да, — дал он серьезный ответ, который отец не хотел слышать.

— Все остальные твои люди будут защищать тебя, Марию и Лео здесь. Я прошу только о нем. Мне нужна его помощь и защита в другом месте.

Он видел, как его отец размышляет о том, позволит ли он своему самому опытному и смертоносному человеку покинуть его сторону и присоединиться к Луке. Данте, как босс, и Лука, как подчиненный босса, оба должны были постоянно иметь рядом с собой людей, которыми они должны были командовать и требовать того, чего сами не могли выполнить.

Правой рукой Луки был Сэл. Сэл был не только его лучшим другом и как братом, но он был искуснее в других делах, чем Лука. Лука никогда не нуждался в защите, будучи достаточно смертоносным сам по себе. Ему нужна была информация, а Сэл был одарен мозгом, который работал не так, как у других членов семьи Карузо. Он был очень умным человеком, способным взломать любой компьютер менее чем за минуту. Проще говоря, Сэл был незаменим. Однако Драго представлял собой нечто совершенно иное.

Данте был самой высокой целью на семейном древе. Ему не нужен был человек, ему нужен был танк. Танк, который мог получить несколько пуль, не дрогнув, и все равно двигаться вперед, чтобы убивать тех, кто стоял на его пути. Драго был искусным убийцей самого смертоносного типа. У него не было слабостей. Тот, кто никогда не приветствовал бы смерть, потому что... он был Смертью.

Лука находился где-то между этими двумя людьми, обладая навыками и интеллектом,

но именно его садистский, извращенный, безумный ум делали его худшим из всех. Когда он командовал двумя подчиненными ему людьми, не было ничего и никого, кто мог бы встать на его пути. Втроем они могли бы опустошить весь Канзас-Сити, если бы он этого захотел.

Данте еще раз кивнул, соглашаясь отпустить свою правую руку, пока работа не будет закончена.

Для Луки не имело особого значения, согласится он на это или нет. Драго должен был быть только под его властью. И Лука сделал бы все, чтобы так оно и было. Даже если бы ему пришлось всадить пулю в череп собственного отца, он бы сделал это... чтобы защитить ее.

Потушив сигарету в пепельнице, он встал, чтобы уйти.

— Это закончится войной, не так ли?

Голос Луки стал холодным, когда он оглянулся через плечо.

— Война началась много лет назад, мы просто не понимали этого.

— Где она? — спросил Лука, когда Драго вошел в гостиную.

— Она все еще в своей комнате.

Лука ошарашено уставился на него. — Она не покидала ее?

Драго покачал головой.

— Нет. Она просто смотрит на стену.

Взбешенный, Лука ушел в свой кабинет, закрывшись внутри.

Черт! Он хлопнул руками по столу и со злостью смахнул содержимое и разбросал его по полу. Он старался быть с ней как можно более любезным, позволяя ей выходить самой, когда ей будет удобно, но она не выходила уже два дня. Единственный раз она вышла из комнаты утром в первый день.

Он хотел, чтобы ей было комфортно здесь, чтобы ей было комфортно с ним, но Хлоя все усложняла.

Раздался стук в дверь.

— Войди.

— Все в порядке? — спросил Драго, открывая дверь.

Кивнув, он почти позволил Драго закрыть дверь, прежде чем тот остановил его.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделал.

Занимая всю двустворчатую дверную раму, Драго ждал приказа.

— Скажи ей, что если она хочет ужинать, то должна спуститься вниз. — Лука сделал небольшую паузу, решив продолжить свой заказ. — Скажи ей, что если она снова захочет есть, то должна покинуть эту гребаную комнату.

Драго кивнул и ушел, закрыв за собой дверь.

За последние два дня Лука, казалось, забыл, что он не собирается нянчиться с ней, как это делали остальные ее маленькие друзья. *Быть милым у меня никогда не получалось.*

Шесть

Игра с огнем

Хлоя сидела на кровати, уставившись в стену, ее желудок теперь урчал еще громче. Она не ела со вчерашнего обеда и смогла съесть только пару кусочков своего сэндвича.

«Если ты голодна, то отныне будешь есть внизу», — повторяла она слова огромного

мужчины по имени Драго.

Ей казалось, что она скорее умрет от голода, чем покинет безопасное место в своей комнате. Это было странно, но что-то в ней подсказывало ей, что пока она находится в комнате, они не могут причинить ей вреда, как будто она была безопасным убежищем. Она пришла к этому выводу за три дня, потому что ее не трогали, а теперь Лука пытался ее выманить.

Ага, я буду голодать.

В дверь постучали, прежде чем вошел Драго.

— Ужин готов.

Хлоя плотнее прижала к себе руки. — Н-нет, спасибо.

Услышав его вздох, она посмотрела на него. Мужчина не проявлял никаких эмоций. Каждый раз, когда он приходил, он просто в нескольких словах говорил, что еда приготовлена, и сразу же уходил.

— Ты играешь с огнем. — Карие глаза Драго сверкнули на нее. — Ты должна понимать, что эта дверь не запирается изнутри. Даже если бы она закрывалась, это не помешало бы ему прийти сюда и выбить дверь, если ты будешь продолжать проявлять неуважение к нему. Если ты умна, ты спустишь свою задницу вниз, пока у него еще осталось немного терпения.

Хлопок двери заставила ее практически соскочить с кровати.

«Ты играешь с огнем».

Ее взгляд переместился на дверную ручку, на которой не было замка, что доказывало ей, что в этой комнате она не в такой безопасности, как ей казалось.

Она не знала, что делать. Она просто пыталась понять, какой вариант дает ей больше шансов на выживание. Но в конце концов она поняла, что Лука получит от нее то, что ему нужно, и неважно, будет ли она по эту сторону двери или по другую.

Сделав глубокий вдох, она пошла по тропинке к своему похитителю, не торопясь, медленно волоча ноги. С каждым шагом она чувствовала, как жизнь, которая, как она думала, будет у нее в Калифорнии, ускользает от нее.

Спустившись вниз, она подняла глаза и увидела Луку, сидящего за столом в столовой. Когда он слегка улыбнулся, увидев ее, она почувствовала, что жизнь полностью ускользает, оставаясь лишь сном.

Лука жестом пригласил ее присоединиться к нему.

— Садись, дорогая.

Взглянув на стол, она увидела две уже наполненные тарелки: одну перед Лукой, который сидел во главе стола, а другую — на стуле рядом с ним. Хлое придется сесть рядом с ним, и, судя по выражению его лица, это было именно то, чего он хотел.

Я должна была... Тогда она поняла свою ошибку: что ее шансы были выше в комнате.

— Садись. — Его голос прозвучал жестче.

Она уже не чувствовала под собой ног, когда подошла к столу, следуя его приказу.

Его глаза на мгновение стали зелеными, когда она, затаив дыхание, смотрела на него, осторожно садясь на стул. Это было почти как смотреть в глаза другого человека. Она увидела в них что-то необычное, но прежде чем успела понять, что именно, они вспыхнули, и его обычный сине-зеленый оттенок вернулся.

Она опустила взгляд на свои сцепленные на коленях руки.

— Спасибо, что присоединилась ко мне на ужин. Я не знаю, какие блюда ты любишь, но надеюсь, что тебе понравится.

Она посмотрела на свою тарелку с курицей пармезан и лапшой, затем на него. Казалось, он гордился своим блюдом.

— Это ты приготовил?

Лука улыбнулся, взяв в руки вилку и нож.

— Да. Почему ты выглядишь удивленной?

— Прости. Просто ты не похож... — ее взгляд переместился на его черную футболку, обтягивающую широкие мышцы, прежде чем она вернула глаза к своей тарелке, — не похож на того, кто готовит.

— Мне надоело заказывать пиццу после смерти матери, и я научился готовить. — Его голос, казалось, стал мрачным.

Хотя Неро однажды сказал ей, что их мать умерла, она почувствовала, что Лука только что открыл ей что-то очень личное. Почему?

— Что-то не так? — Спросил он.

Она поняла, что подняла вилку и начала ковыряться в еде.

Отложив вилку, она едва смогла вымолвить:

— П-почему я здесь?

— Я уже сказал тебе.

«Я привел тебя сюда... чтобы спасти тебя». Видя, что он все еще верит в это, она поняла, что он еще более безумен, чем она думала. Лукк должна был быть заперт, а не она.

Она не могла понять, какой смысл держать ее здесь. Ей просто хотелось, чтобы он уже сделал с ней все, что хотел, и избавил ее от страданий.

— Ты собираешься держать меня запертой в этой комнате вечно?

— Я никогда не говорил, что ты должна оставаться в этой комнате, дорогая. Ты можешь ходить почти в любое место в доме. Драго скажет тебе, в какую комнату ты не можешь зайти. — Лука глубоко отрезал кусок курицы. — Ты даже можешь пойти на задний двор, если хочешь.

Признаться, она этого не знала.

— И все же, ты ожидаешь, что я останусь здесь и ничего не буду делать до конца своей жизни? — Если бы она могла заплакать, она бы заплакала. — Я собирался в колледж.

Отложив вилку, он указал на журнальный столик в гостиной.

— Видишь вон тот ноутбук?

Хлоя повернула голову и увидела серебристый ноутбук.

— Если бы ты пришла сегодня, тебе бы сказали, что я перевел все твои занятия в Стэнфорде на онлайн-курсы. Этот ноутбук — твой, и ты найдешь на нем все, что нужно для прохождения курсов.

Шок был ее единственной реакцией. Он сделал это?

В этот момент она поняла, как долго он планирует держать ее здесь. Достаточно долго, по крайней мере, семестр.

— Итак, ты планируешь оставить меня здесь на некоторое время, не так ли?

— Да. — Он сказал ей все как есть.

— Они будут знать, что со мной что-то случилось, — прошептала она.

Лука покачал головой.

— Кто? Твои родители? Элль? Ты оставила их, когда решила рано уехать в Калифорнию. Насколько они знают, ты улетела. Я проследил за этим.

Она была уверена, что ее родители праздновали ее отъезд после того, как она оставила

им прощальное письмо. Они не собирались искать ее, но...

— Элли. Она поймет, что что-то не так, если я не поговорю с ней.

Потянувшись в карман темных джинсов, он достал мобильный телефон и положил его на стол. Ее мобильный.

— Я написал ей.

Она впиалась ногтями в ладони. Никто не узнает правду. Никто не узнает, что она не в миллионе миль от них в Калифорнии, а прямо здесь, в Канзас-Сити, в ловушке. *Ни мои родители. Ни моя лучшая подруга, Элли. Даже...*

— Он продолжает звонить тебе. — Глаза Луки стали голубыми в соответствии с его холодным тоном. — За что Амо должен просить прощения?

Хлоя открыла рот, вспоминая первую слезу, которая упала за много лет после того, как она разбила сердце Амо всего несколько ночей назад. Она разрушила их дружбу после того, как он рассказал о своих чувствах к ней, а он пытался извиниться за то, что сделал много лет назад. За то, за что она никогда его не осуждала.

— Он... Он... Он придет за мной.

Глаза Луки стали чуть темнее голубого, а тон холоднее.

— Нет, не придет, Хлоя. Я обещаю тебе это.

Спотыкаясь, она побежала так быстро, как только могли ее ноги, в свою комнату. С каждым шагом она боялась, что он схватит ее сзади, пока не захлопнула за собой дверь.

Невидимые слезы падали из ее глаз, она плакала о потерянных друзьях, свободе и жизни, которую она отчаянно хотела, и которую у нее украли.

Тьма в нем шептала: «Беги и поймай ее. Покажи ей, какой должна быть твоя настоящая пленница».

Посмотрев на телефон, он поднес его к уху и прослушал голосовую почту.

— В тот момент, когда я крикнул «гребаный урод» в обеденном зале, я пожалел об этом, и с тех пор я только и делаю, что мечтаю вернуть эти слова обратно. — Голос Амо, казалось, сломался к концу, но потом он снова выровнял его. — Если я напугал тебя, сказав, что люблю тебя, мне жаль. Мне чертовски жаль за все, Хлоя.

Лука сжал телефон в руке, отчего экран треснул.

Семь

Привет, дорогая

Семь месяцев назад...

Когда на камере наблюдения появился черный BMW, Луке пришлось дважды перевести взгляд, чтобы понять, не привиделось ли ему. Когда он увидел, как она вошла в дом, он понял, что она действительно здесь. Это сработало.

Он надеялся, что Хлоя придет убедиться, что с Элли все в порядке после нападения. Что-то подсказывало ему, что так и будет. Привести ее сюда было очень трудно, а остаться с ней наедине — еще труднее, но надо было попытаться.

Луке нужно было, чтобы она знала о его существовании. Он хотел увидеть ее лицо, когда она впервые посмотрит на него. Он постоянно представлял, как пройдет их первая

встреча, и сейчас он был как никогда близок к тому, чтобы прожить её.

Воспользовавшись микрофоном, установленным на камерах, он увеличил громкость, чтобы подслушать. А главное, чтобы услышать ее голос, которого он не слышал с тех пор, как она рассматривала музыкальную шкатулку в магазине.

Когда она наконец заговорила, голос был таким, каким он его помнил: мягким и неуверенным.

Кто, черт возьми, сделал это с ней?

Осознание того, что она заикалась от страха, а не из-за дефекта речи, взбесило его. В то же время, это сломало его внутренности, когда он увидел, что кто-то сломал ее часть.

Он продолжал следить за каждым ее движением, вынужденный переключаться между камерами, когда они заходили в другую комнату.

Увидев Хлою в доме, в котором он вырос, его чувства к ней усилились. Он начал терять счет времени, просто наблюдая за ней. Устрашающая часть его души, глубоко внутри, казалось, насыщалась, просто наблюдая за ней.

Находясь почти в трансе, он едва заметил, как она снова и снова смотрит на заднюю дверь. Что-то внутри Луки говорило ему, что это конец. Идти.

Когда это слово всплыло у него в голове, он увидел, как Хлоя что-то шепчет Элли. Затем его сердце начало медленно и неуклонно биться, когда он увидел, как Хлоя встала и направилась к большим двустворчатым дверям.

Это было оно. Это было его время. Его момент настал.

Черт, что со мной? Нервничаю?

Выйдя через другую заднюю дверь, не ту, которой воспользовалась она, он изо всех сил старался, чтобы его ноги были легкими на небольшом снежном налете. Он должен был быть как можно осторожнее, чтобы не дать Элли заметить его или, что еще хуже, не спугнуть Хлою прежде, чем у него появится шанс поговорить с ней.

Лука знал, что он все равно напугает ее, но он не хотел пугать её слишком сильно, чтобы их первая встреча закончилась тем, что она с криком убежала. Она могла считать его пугающим, но ему нужно было провести с ней несколько минут, чтобы она смогла разглядеть в нем что-то еще. Что увидит такая девушка, как Хлоя, он не знал.

Зайдя за угол, он увидел ее, сидящую совершенно неподвижно на скамейке в центре освещенной беседки, что заставило его остановиться на месте. Лука никогда не думал, что существует что-то вроде любви или родственных душ, но теперь он был уверен в этом.

Вся его нервозность словно испарилась, когда он посмотрел на Хлою. Найдя свою цель, он глубоко вздохнул.

Дождавшись подходящего момента, чтобы дать ей знать о своем присутствии, он направился к ней, загоняя ее в клетку, как животное.

— Привет, дорогая. — Лука ожидал, что она захочет убежать, но она этого не сделала. Вместо этого он увидел, как она подпрыгнула от его голоса, а затем замерла. Что-то в этом не понравилось ему, но он продолжал подниматься по ступенькам. — Я не хотел тебя напугать.

Хлоя по-прежнему не шевелилась.

Прислонившись к колонне, чтобы загородить ей выход, он рассмотрел ее внешность. Это была самая большая близость с ней. Черное платье и колготки облегли ее тело, но бледное, покрытое шрамами лицо выделялось на фоне ее черных волос, давая ему прекрасный обзор ее шрамов. Наконец, заглянув глубоко в ее глаза, он пожалел, что не

может произнести это слово вслух. *Прекрасна.*

Она словно услышала его мысли, когда ее глаза опустились на колени, и она начала разминать руки.

— Я брат Неро, Лука. Я бы пожал тебе руку, но ты все равно ее не пожмешь. — Он хотел, чтобы она знала, что он подслушивал их разговоры.

Хлоя на секунду подняла глаза, затем снова опустила. Было очевидно, что она молча задается вопросом, откуда он это знает.

— Я подслушал, что у тебя, по-видимому, гермофобия. — Он надеялся, что подчеркнул «по-видимому» достаточно, чтобы она поняла, что он на это не купился. Он наблюдал за ней уже неделю, не замечая никаких признаков того, что она заботится о том, к чему прикасается, не проявляя никаких признаков настоящей гермафобии. Единственное, что он видел, это то, что ей не нравится контакт с людьми.

Он увидел легкую панику в ее глазах, когда она снова посмотрела на него, которая, казалось, усилилась, когда она поняла, что попала в ловушку.

Лука действительно наконец-то поймал ее. Теперь он собирался насладиться этим и посмотреть, как далеко он сможет завести свою добычу.

Он медленно потянулся к заднему карману, наблюдая, как она затаила дыхание, не зная, что он собирается вытащить. Когда он достал пачку сигарет, он увидел облегчение на ее лице, когда она снова смогла дышать. Вытащив сигарету и зажав её между губами, он положил пачку обратно в карман, затем потянулся в передний карман, увидев ее реакцию, а затем облегчение, когда там оказалась только его Zippo.

Она всего боится, не так ли?

Щелчком открыв свою Zippo, он зажег конец сигареты, пока она не вспыхнула ярким красным пламенем от его вдоха.

— Ты ведь не возражаешь?

Уставившись на него, она как-то умудрилась покачать головой.

Лука чувствовал на себе взгляды женщин еще в раннем возрасте и знал, когда они находили его привлекательным. Однако, когда он изо всех сил пытался сосредоточиться на курении сигареты, чувствуя на себе ее взгляд, он понял, что Хлоя не стелется перед ним, как большинство женщин. Он видел по ее лицу, что она просто смотрит на него долгим взглядом, почти изучает его, как будто он ее заинтриговал.

Это хорошо. Теперь он собирался повысить градус.

Он понизил голос на октаву:

— Тебе не холодно здесь, дорогая?

Хлое было неприятно, что он назвал ее так, да еще таким глубоким тоном.

— Меня зовут Хлоя.

Действительно чертовски хороша. Лука не мог не улыбнуться, когда снова поднес сигарету к губам, затягиваясь. Выдохнув, он произнес, выпуская дым с каждым словом:

— Дочь мэра, верно?

Легкий кивок дал ему ответ, который он уже знал.

Лука не сводил с нее глаз, пока стряхивал пепел в снег, не желая пропустить ее выражение лица, когда он произнес свои следующие слова. — Ты попала в авткатастрофу несколько лет назад. Я помню, что читал об этом в газетах. Так вот как ты всем рассказываешь, откуда у тебя шрамы?

— Так они у меня и появились. — Она сглотнула, быстро опустив взгляд на свои руки.

Неужели люди действительно верят в эту чушь?

— Нет, это не так. Я узнаю порез ножом, когда вижу его.

Взглянув на нее, он увидел, что она понятия не имеет, откуда он это знает.

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

Потому что ты самая худшая лгунья, которую я когда-либо видел, дорогая.

Бросив сигарету во двор, он пристально посмотрел в ее серые глаза, давая ей понять, что она его не обманывает и никогда не обманет.

— Это так.

Она быстро встала и сделала шаг вперед, ясно давая понять, что хочет уйти и закончить этот разговор.

Тебе придется подойти ближе, дорогая, и он надеялся, что так и будет. Он хотел увидеть ее вблизи, так близко, чтобы протянуть руку и коснуться ее.

Когда Лука не отошел от выхода, она слегка придвинулась ближе, чтобы дать ему еще один намек.

Еще чуть-чуть... Его тело напряглось, каждый мускул замер.

Еще один маленький шаг вперед.

Если бы я хотел, я мог бы забрать тебя прямо сейчас, дорогая. Глубокая, темная часть его сознания прошептала: «Сделай это».

Глаза Хлои сверкнули от страха, так как расстояние между ними было небольшим.

— Ты позволишь мне пройти?

То, что ее горло перехватило, показало ему, как она напугана. Он также мог слышать, как ее каблук щелкает по дереву от дрожащих ног.

Черт. Лука снова потянулся в карман за пачкой сигарет. Из-за темноты он терял контроль над собой, и ему нужно было чем-то себя занять.

Его глаза не отрывались от ее глаз, когда он снова щелкнул зажигалкой и прикурил сигарету. Затем он мастерски выдохнул, желая, чтобы дым ласкал ее тело и лицо так, как он не мог.

Хлоя, казалось, не возражала, продолжая смотреть на его серебряную Zippo, которую он уже закрыл.

Заметив ее интерес к зажигалке, он снова открыл ее, чтобы пламя стало ярко-красным. И тут он увидел блеск в ее глазах, с которым она смотрела на пламя. У него был такой же взгляд, когда его отец использовал эту же зажигалку для курения сигар, когда он был ребенком.

— Я сделаю это, если ты скажешь мне, сколько тебе лет. — Он говорил мелодичным голосом, надеясь, что сможет загипнотизировать ее этим голосом и пламенем, медленно перебирая Zippo между пальцами, наблюдая, как ее глаза танцуют вместе с движениями. Луке нужно было, чтобы она охотно вступила с ним в контакт, прежде чем он отпустит ее.

— Семнадцать. А тебе? — Слова словно выскользнули у нее изо рта.

Мне? Шокированная, она попросила его ответить взаимностью, давая понять, что ей не все равно. Выражение ее лица сказало ему, что она была так же шокирована.

— Двадцать шесть. — С этими словами Лука отодвинулся в сторону, давая ей едва достаточно места, чтобы пройти.

Наблюдая, как она осторожно поворачивает свое тело в сторону, он затаил дыхание, пока она это делала, оба не сводили друг с друга глаз, оба, казалось, немного боялись, что он может сдвинуться хоть на дюйм.

Это был самый близкий момент, когда он, возможно, увидит ее прекрасное фарфоровое лицо, и он не хотел ничего, кроме как заморозить время в тот самый момент, когда она стояла перед ним. Он практически слышал крики из ее светло-серых глаз, умолявших его спасти ее. У него перехватило дыхание, и он почти упал на колени.

Когда Хлоя, наконец, прошла, она начала идти так быстро, как только могла, обратно в безопасный дом, и каждое ее движение в сторону от него было похоже на пытку. Он позволял самому прекрасному созданию ускользнуть из его рук, и хотя темная часть внутри него умоляла его не отпускать ее, зная, что она принадлежит ему, он знал, что должен это сделать, даже если это убьет его. Он не мог заключить ее в клетку, по крайней мере, пока.

— Ты не можешь вечно бегать от правды, дорогая, — предупредил Лука, заставляя ее лишь бежать быстрее и дальше от него.

Тот единственный момент, когда он посмотрел на нее, был недостаточно долгим, чтобы насладиться им, но это было все, что он собирался получить.

«Спаси меня, Лука...». Эти серые глаза преследовали его.

Я спасу тебя, дорогая. Ты просто должна подождать меня. Ты еще не готова ко мне.

Восемь

Кошмары, которые пожинали ее душу

Сделав глубокий вдох, он встал и положил телефон обратно в карман. Эта единственная трещина на экране напомнила ему о шрамах, украшавших лицо Хлои.

— Драго, не мог бы ты разогреть и отнести наверх еду Хлои?

Драго кивнул.

Быть добрым с Лукой не получалось по той простой причине, что он никогда не был добрым. Однако быть строгим с Хлоей — это то, на что он не был способен.

Желая выкурить сигарету и побыть в одиночестве, Лука отправился в единственное место, где он хоть как-то находил покой.

Короткий стук в дверь и её открытие, заставили Хлою закричать от страха за свою жизнь. В эту долю секунды она поняла, что это лишь вопрос времени, когда Лука получит то, что хочет. Затем появился Драго с подносом, на котором стоял стакан воды и нетронутая тарелка с едой, от которой шел пар.

Наблюдая, как он ставит поднос на кровать, она не могла поверить в это. Она была благодарна после того, как ей сказали, что она умрет с голоду, если не выйдет из комнаты.

— С-спасибо, Драго.

Он кивнул в сторону окна.

— Не благодари меня. Благодарю Луку.

Что? Она вскочила с кровати и подошла к окну, услышав, как за ней захлопнулась дверь.

Она отдернула занавеску и увидела Луку, сидящего в освещенной беседке и курящего сигарету. С такого расстояния он казался ей почти красивым. Да, он всегда пугал ее и заставлял опасаться за свою жизнь с того момента, как она его встретила, но она не могла отрицать то небольшое в нем, что привлекало ее. Она могла поклясться, что иногда почти слышала, как он зовет ее.

Пламя его сигареты разгоралось все ярче, когда он глубоко затягивался, заставляя свет и

тени плясать по его красивым чертам. Лука казался глубоко задумчивым, и этот вид ему шел, заставляя ее гадать, какие мысли находятся в его голове.

Он был... призрачно красив.

Хлоя быстро задернула занавеску, пошатнулась и попятилась назад. Эта единственная мысль вызвала в ней настоящий страх, не похожий ни на что прежде. Испытывая страх ко всему на свете, она никогда не боялась себя. До этого момента.

Дверь открылась, и это нарушило его дремоту, но крики заставили его проснуться. Он пробежал прямо мимо Драго, зная, что тот пришел разбудить его, чтобы последовать за криками.

Его сердце начало бешено колотиться. Затем оно разорвалось на мелкие кусочки от боли, звучавшей в криках. Это не было похоже ни на что, что он когда-либо слышал.

Крики становились все громче, чем ближе он подходил к ее комнате, а когда он открыл дверь, то от увиденного зрелища чуть не упал на колени.

Лука всегда считал себя неуязвимым во многих отношениях, но пронзительные крики, вырывавшиеся из нее, и дрожь, сотрясавшая ее тело, доказали ему обратное.

Он боялся, его разрывало на части и раздирало на две части. Он отчаянно хотел разбудить ее, прижав к себе, навсегда стереть кошмары, терзавшие ее душу. Но как бы сильно он этого ни хотел, другая его часть знала, что не сможет. Он знал, что она еще далека от того, чтобы принять прикосновения, которые он жаждал подарить.

— Хлоя... — Его голос прозвучал прерывистым шепотом. *Пожалуйста, очнись, дорогая.*

Она разбивала его сердце, и если ее кошмар продлится еще долго, он сломается.

Сделав шаг ближе, его голос стал повышаться с каждым выкриком ее имени.

— Хлоя... Хлоя... Хлоя!

Кровь, стекавшая по ее лицу, обжигала кожу. Она знала, даже тогда, она никогда не забудет это чувство, когда ее слезы встречаются с кровью, выжигают дорожки кровавых слез по ее лицу.

— *Пожалуйста, просто убей...* — *Ей было трудно прошептать свою мольбу хриплым голосом, но она должна была попытаться, надеясь на милосердие.*

Маньяк начал смеяться, поглаживая острием лезвия ее кожу.

— *Девочка, это только начало.*

Закрыв глаза, еще одна слеза упала, смешиваясь с горячей кровью. Пощады сегодня не будет, и у нее осталась последняя надежда. Быть спасенной...

Ее глаза медленно открылись от повторения слов.

— Хлоя, проснись, и все будет хорошо.

Полностью открыв глаза в темной комнате, она увидела в двух шагах от себя тень Луки с сиянием, окружавшим его от света в коридоре. Страх от ночного кошмара остался, и она проснулась только для того, чтобы увидеть другого похитителя.

Лука почувствовал ее страх, но он остался спокоен и сказал ей: — Видишь? Все в порядке. Я обещаю тебе, что не причиню тебе вреда.

Хлоя расслабилась на матрасе. Его голос был мягким и в то же время сильным, он заставлял ее чувствовать себя в безопасности, чего она никогда не ощущала после пробуждения от кошмара. Она также знала, что он говорил серьезно, просто по тому, как он

произнес эти слова.

Лука сделал шаг ближе к ней.

— Это ведь был не просто кошмар, правда?

Поплотнее закутавшись в одеяло, она торжественно покачала головой. Не было смысла отрицать это. Один взгляд в глаза Луки сказал ей, что он видит правду.

— Спи, дорогая.

Ей показалось, что он протянул руку, но он быстро исчез в темной комнате. Только когда он снова заговорил, она поняла, что он сел в кресло в углу.

— Я здесь...

Должно быть, все дело в том, что она совершенно не спала с тех пор, как оказалась здесь, но ее глаза медленно уплывали в ночь.

— ... прямо здесь, Хлоя.

Прошел час, прежде чем Лука разжал кулаки и расслабился в кресле. Ему стоило всех сил не обнять ее, не прикоснуться к ней, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Возможность наблюдать за тем, как она спит, показала ему, насколько ее преследует прошлое, даже во сне.

Это было последней каплей. Он ждал достаточно долго. Завтра его жизнь и жизнь Хлои изменится, слившись в одно целое.

Одно можно было сказать наверняка: это были далеко не кошмары. Это были воспоминания.

Девять

Я бы не хотел наказывать тебя, дорогая

Хлое потребовалось все, что у нее было, чтобы спуститься по ступенькам после прошлой ночи. Элль была единственным свидетелем ее кошмаров, кроме родителей. Каждый, кто видел ее, словно отдергивал занавес, показывая ее истинную сущность, то, чем она была. Тот факт, что это видел именно Лука, означал, что теперь у него будет ее часть. Глубокая, темная, запертая часть ее самой, которую она никогда не сможет вернуть.

Ее отец, ее мать, ее лучшая подруга — все они были важной частью ее жизни, и теперь у нее было непреодолимое чувство, что Лука тоже будет такой. *Как будто наши жизни теперь переплелись.*

Странно было то, что он был так... добр. Еще более странным было то, как сильно она это ценила.

Проверив лестницу, она поискала хоть какие-то признаки присутствия Луки, но когда их не оказалось, решила, что он уже ушел на работу.

Увидев ноутбук на журнальном столике, она вспомнила, почему вообще решилась спуститься.

Хлоя села на диван, взяла ноутбук и загрузила его. На экране появилось несколько страниц, в том числе подробные инструкции о занятиях и о том, как сдать курсовую работу. Кто-то уже потратил время на создание ее аккаунта и, должно быть, написал инструкции, поскольку они не были получены из школы. Неужели это сделал Лука?

Войдя в свой школьный аккаунт, она поняла, что подключена к Интернету. Она может

получить помощь!

Она быстро попыталась зайти на свою электронную почту, но сайт ответил «заблокирован». Затем она попыталась зайти на другой сайт электронной почты, но он тоже был заблокирован. Тогда она поняла, что у нее есть новая школьная электронная почта для Стэнфорда.

Войдя в эту почту, все получилось. Она быстро попыталась напечатать письмо Элли в поле отправителя, но оно отменилось и исчезло. Она попыталась снова... и снова исчезло.

Что за...? Она оглядела дом, чтобы убедиться, что рядом никого нет.

Теперь она ввела одно из писем своего профессора, а в теме письма напечатала: ПОМОГИТЕ МНЕ! МЕНЯ ОБМАНУЛИ...

Ноутбук был закрыт и вырван из ее рук.

Она медленно подняла глаза и увидела стоящую над ней крупную фигуру Луки.

— Я-я-я просто...

— Я был бы очень осторожен, не лги мне, дорогая.

Внушительный мужчина занял место на кофейном столике напротив нее, вторгшись в ее пространство. Он положил локти на колени, чтобы еще больше вторгнуться, приблизившись к ее лицу. Несмотря на то, что он сгорбился, он все равно был выше ее.

Хлоя постаралась стать как можно меньше, вжавшись в диван, чтобы между ними было хоть какое-то пространство.

— Откуда ты знаешь?

— Твой компьютер предназначен только для курсовой работы. Большинство сайтов, таких как социальные сети, будут для тебя заблокированы. Тем не менее, ты сможешь найти все, что тебе может понадобиться. Единственный сайт, с которым ты сможешь взаимодействовать, предназначен для твоей курсовой работы, например, твоя электронная почта Стэнфорда. Теперь, если ты введешь, скажем, адрес электронной почты Элли или слова «помогите мне», это автоматически уведомит человека, запрограммировавшего компьютер. Затем он сможет переключить твой компьютер и позвонить мне, чтобы сказать, что ты ведешь себя не очень хорошо.

— О. — Хлоя прикусила губу. — Кто он?

Лука улыбнулся.

— Друг.

Лука, Драго, друг. Это означало, что по крайней мере три человека знали, что она здесь. Честно говоря, она была шокирована, что он вообще назвал кого-то другом. Не похоже, чтобы у Луки были друзья. Даже они с Драго не вели себя как друзья.

Когда она заметила, что он все еще улыбается, а она продолжает кусать нижнюю губу, она быстро остановилась и посмотрела вниз на свои сжимающиеся руки.

— Я пытаюсь быть добрым с тобой, Хлоя, позволяя тебе проходить курсы онлайн. Для этого ты должна иметь возможность связываться со своими преподавателями и сдавать работу. Что случится, если мой друг будет занят, когда ты снова решишь сказать: «помоги мне»? — Лука поднялся с колен, заставив себя сидеть прямо, что еще больше запугало ее. — Я еще не уверен, могу ли я тебе доверять. Мне бы не хотелось наказывать тебя, дорогая.

— Я думала, ты сказал, что не причинишь мне вреда?

— Я никогда не причиню тебе вреда, но, — его глаза стали холодного голубого оттенка, — я не против причинить боль тому, кто тебе дорог.

Глаза Хлои расширились. Элли. — Ты бы не тронул ее. Она девушка Неро.

Лука наклонился вперед, снова положив локти на колени, наклоняясь к ней еще ближе. Ее сердце начало вырываться из груди. Его лицо было так близко к ее лицу, что она чувствовала, как его холодное дыхание жалит ее кожу с каждым словом, которое он произносил.

— Ты же не думаешь, что я бы сделал это, — протянув руку, он накрутил прядь ее черных волос на палец, как в ту ночь, когда схватил ее, — чтобы ты подольше оставалась со мной?

Посмотрев в его холодные глаза, ей не нужно было заглядывать слишком глубоко, чтобы понять, что так оно и есть.

— Да, — прошептала она.

Он позволил пряди соскользнуть с пальца.

— Тогда не заставляй меня.

Она полагала, что он не должен больше шокировать ее, но почему-то ее челюсть упала на пол.

Лука встал, забирая с собой ноутбук.

— Ты получишь его обратно, когда я снова буду тебе доверять.

Если бы его глаза не были по-прежнему холодного голубого оттенка, она бы подумала, что он обижен тем, что она попыталась обратиться за помощью. Однако это было бы невозможно.

Лука не был способен на такие чувства. Она была просто одурачена его добротой прошлой ночью, но это был всего лишь спектакль.

Десять

Продала душу бугимену

— Тебя ждут внизу.

Хлоя снова заперлась в своей комнате после того, как Лука оставил ее в гостиной сегодня утром. Обычно в это время Драго сообщал ей, что ужин готов, но сегодня он требовал чего-то другого. Как бы ей не хотелось уходить, но его присутствие не оставило ей выбора.

Вслед за ним она спустилась по лестнице, и в нос ударил чудесный запах еды, заставивший ее пустой желудок заурчать. Когда они вошли в столовую, перед ней предстала та же картина, что и вчера, за исключением некоторых небольших изменений: на обеденном столе стояла только одна тарелка, а Лука уже ел свой стейк с картофельным пюре.

— Садись со мной, — приказал он, когда Драго исчез, оставив их наедине.

Хлоя осторожно села рядом с ним, сжав руки на коленях, пока Лука глубоко вгрызался в свой стейк, отрезая небольшой кусочек, прежде чем съесть его.

Когда кусок был прожеван, он наконец обратился к ней.

— Я хочу заключить с тобой сделку, дорогая.

По ее позвоночнику пробежали мурашки. Она не была уверена, что кто-то выйдет живым из сделки с бугименом.

— Какую сделку?

На его губах появилась злая улыбка.

— Ты останешься здесь со мной, и если ты все еще хочешь, я обещаю, что позволю тебе

выйти через парадную дверь в конце первого семестра.

— И это все? — Он не позволит, чтобы все было так просто.

— У меня есть правила.

Хлоя проглотила комок в горле, слишком напуганная, чтобы спросить, что это такое. *Я знала, что он не спросит.*

— Первое легко, так как я буду делать то же самое для тебя. — Он начал отрезать еще один кусок своего стейка. — Когда я задам тебе вопрос, ты не должна лгать.

Она нахмурила брови.

— Значит, я могу спросить тебя о чем угодно, и ты мне ответишь?

— Да, но спрашивай, только если хочешь знать правду.

Она уже была готова задать ему вопрос, но его предупреждение заставило ее передумать. Ей придется хорошенько подумать, действительно ли она хочет знать о нем некоторые вещи.

— Что еще?

— Я хочу проводить с тобой вечера. Ты будешь ужинать со мной каждый вечер, а после я хочу помочь тебе преодолеть, — сине-зеленые глаза Луки поднялись, удерживая ее взгляд, — твой страх прикосновений.

Хлоя похолодела, не желая принимать участие в этих планах. — Н-н-н...

— Тогда ты останешься здесь столько, сколько я захочу, — бесстрастно сказал он, возвращаясь к еде.

Ее ногти впились в ладони. Он ставил ей ультиматум. Она боялась, что если она когда-нибудь выйдет за эту дверь, ей придется уступить.

— Есть что-нибудь еще? — прошептала она.

Лука снова поднял на нее глаза. — И последнее. Когда я попрошу тебя что-то сделать, ты это сделаешь. Но знай, что я не буду просить тебя ни о чем, с чем, как мне кажется, ты не справишься.

Вот и все. Она подписывала свою жизнь. Лука собиралась забрать у нее все, за что она цеплялась, все, что она использовала, чтобы выжить.

Хлоя торжественно кивнула головой. Не видя другого выбора, ей повезет, если она выйдет через парадную дверь живой.

Он поднял бровь.

— Договорились?

Это был момент, когда Хлоя отдавала свою жизнь Луке в надежде, что однажды он вернет ее ей.

— Договорились.

Надвигающаяся гибель не заставила себя долго ждать. Она видела, что он воспринимает это как игру. Игру, которую он уже выиграл.

— Ты голодна? — спросил он просто, как будто разговора между ними не было.

Как бы ей ни хотелось убежать обратно в комнату, она больше не могла. Теперь это было частью сделки. *Ты будешь ужинать со мной каждый вечер.*

— Да.

Лука подцепил вилкой кусок стейка и протянул ей, ожидая, что она возьмет его ртом. Его глаза сказали ей, что это не предложение, а требование.

— Я не хочу брать твою еду. Я могу из своей тарелки.

Он опустил руку.

— Может быть, я решил не делать тебе ничего. Ты еще не сидела здесь и не ужинала со мной.

Хлоя уставилась на него. Что-то в ней подсказывало, что он обижен тем, что она не посидела с ним и не съела одно из блюд, которые он приготовил для... неё?

— Я понимаю.

Я хочу проводить вечера с тобой. Теперь она действительно понимала. Он готовил ужин каждый вечер, и каждый вечер она не присоединялась к нему. Драго предупреждал ее, говорил, что она играет с огнем, что она и делала.

Лука снова поднял руку, поднося сочный стейк к ее губам, требуя, чтобы она взяла его. «Когда я прошу тебя что-то сделать, ты это делаешь».

Медленно раздвинув губы, она хотела бы закрыть глаза, но его взгляд держал ее в плену. Она взяла стейк в рот и оттолкнула губы от вилки. Только тогда он позволил ей опустить глаза на колени, когда она начала жевать.

Он улыбнулся.

— Я говорил тебе, Хлоя, что не буду просить тебя ни о чем, с чем ты не сможешь справиться.

Она не ожидала, что он положит вилку на место, а затем встанет и пойдет на кухню. Когда он вернулся к столу, он поставил перед ней полную тарелку.

Каким-то образом он всегда удивлял ее.

— С-спасибо.

— Не за что, дорогая.

Для Луки было легко есть после того, как он сел обратно, но для нее это было не так. Она только что продала свою душу бугимену.

Они молча съели свой ужин, и, когда он отнес их тарелки на кухню, она надеялась, что он отпустит ее. Однако у него были другие планы.

Она наблюдала, как он прошел в гостиную и сел в большое кожаное кресло, а затем пригласил ее к себе.

Она неохотно встала и пошла к нему, отчаянно сжимая руки.

— Я хочу, чтобы ты села, — убрав подушку со своего бока, он положил ее на пол у своих ног, — вот здесь.

Сжатие рук превратилось в их разжимание, так как она начала сильно нервничать.

Оглянувшись на большой диван, она попыталась вымолвить:

— П-почему я не могу с-с-сесть...

— Потому что я хочу, чтобы ты сидела у моих ног. — Лука улыбнулся.

Хлоя начала качать головой.

— Я не думаю, что смогу.

— Нет, ты можешь, дорогая.

Видя, как он лениво откинулся в кресле, она подумала, что любая другая женщина сочла бы его невероятно сексуальным, и ей не пришлось бы повторять дважды. Однако все, о чем она могла думать, — это о том, как широко расставлены его ноги, зная, что его левая нога может коснуться ее.

Когда она не сделала ни одного движения, чтобы выполнить его просьбу, его голос приобрел властный тон.

— Мы заключили сделку, помнишь?

Я хочу помочь тебе преодолеть страх прикосновений.

Она была уверена, что никогда не сможет объяснить, почему выполняет его приказы, когда его голос стал еще глубже. И все же, проглотив нервы, она медленно опустилась на подушку у его ног. Опираясь спиной о рычаг кресла, она сидела неподвижно, стараясь не задеть его темные джинсы.

Теперь, когда она оказалась здесь, Хлоя боялась даже пошевелиться, боялась находиться так близко к нему. Он пугал ее до глубины души, заставляя гадать, какие еще игры он приготовил на сегодняшний вечер.

Лука включил телевизор с большим экраном. Прокручивая каналы, он остановился на старом футбольном матче.

Уставившись на экран, она не двигалась ни на дюйм, ожидая, что он двинется или заставит ее сделать что-то еще. К счастью, он так и не сделал этого, казалось, он был увлечен игрой и даже не обращал на нее внимания.

Когда она наконец расслабилась в кресле, и тепло его ноги перестало отвлекать, он выключил телевизор, вернув ее внимание к себе.

«Пожалуйста, отпусти меня», — мысленно взмолилась она.

— Ты можешь идти...

Хлоя быстро вскочила, прежде чем было произнесено последнее слово. Она даже не оглянулась, когда шла прямо в свою комнату, боясь, что он может передумать.

Теперь, в безопасности своей комнаты, она провела рукой по руке, которая все еще была теплой от его близкого тела. Она делала это бессознательно в течение нескольких минут, потирая ее снова и снова, прежде чем опустила руку, понимая, что пытается удержать тепло. Его тепло.

Хлоя еще не знала этого, но та часть ее души, которая жаждала человеческих прикосновений, возвращалась к жизни. И скоро она встретится с той частью себя, которую давно похоронила.

Одиннадцать

Всегда

Лука перешёл из лежачего положения в наклоненное вперёд, поставив локти на колени. Он провел руками по волосам, думая о том, что не успел закончить фразу, как она исчезла.

Если Хлоя не могла убежать от него достаточно быстро, то он хотел обратного.

Все время, пока она сидела рядом с ним на полу, это было испытанием не только для нее, но и для него. Лука сказал ей, что собирается помочь ей преодолеть страх прикосновений, но он не сказал ей, что он также собирается бороться с тьмой, чтобы не завладеть ею слишком рано. Он хотел убедиться, что сможет выдержать ее близость. Быть рядом с ней, но не требовать ее, было одной из самых трудных вещей, которые он когда-либо делал. Извращенная часть его мозга все время шептала: «Прикоснись к ней, поцелуй ее, возьми ее...». Но он не сделал этого. Он боролся со своими темными желаниями... ради нее.

Он планировал сблизиться с ней каждую ночь. Он представлял себе, что бороться с тьмой будет еще труднее, еще больнее, когда его пальцы наконец перейдут на ее шрамы.

Подняв голову на звук шагов, он увидел, что в комнату вошел Драго. Он опустил голову и провел руками по волосам.

— Я не вижу, как она справится с этим... тобой. Она слишком испорчена, — сказал

Драго, скрестив руки, прислонившись к дальней стене.

Был только один вариант.

— Она научится.

Другой вопрос Драго кружил в воздухе вокруг него:

— Действительно ли эта девушка стоит всего этого?

Лука на мгновение закрыл глаза...

Хлоя отвергла руку, протянутую к ней.

— И-извини. У меня гермофобия.

— Нет, мне жаль, — сказала ей Лейк, подняв руки. — Если тебе когда-нибудь понадобится с кем-то поговорить, я выслушаю. Я знаю, каково это — быть одной. Лука наблюдал за обменом издалека. Он вышел вслед за Хлоей, но Лейк, одна из его солдатских дочерей, тоже последовала за ней. Должно быть, она почувствовала беду Хлои, как и он, наблюдавший за ней во время выпускного вечера.

Прежде чем девушка повернулась, она бросила Хлое несколько последних слов.

— Ты не должна прятать свое лицо. Оно прекрасно.

Он не знал, чего ожидать от Лейк, когда она подошла к Хлое, особенно после того, как он услышал об ужасах, через которые Хлоя и Ээль прошли в школе, но такого он, честно говоря, не ожидал.

Когда он смотрел на Хлою сейчас под освещенной беседкой, в окружении распустившихся цветов, у него перехватило дыхание. Он ждал этого дня уже несколько месяцев.

То, что он держался от нее на расстоянии и наблюдал за ней только издалека, сводило его с ума. С того последнего раза он ни разу не смог поговорить с ней, но теперь время пришло.

Загнав ее внутрь, как в прошлый раз, он загородил вход своей рамой.

— Привет, дорогая.

Она подняла на него испуганный взгляд.

Вытащив сигарету, он поднес ее к губам, заставляя палочку подпрыгивать, и сказал:

— Я слышал, ты все еще говоришь, что ты гермафобка. А ты не думала хоть раз сказать правду? — Он зажег конец своей Zippo.

Переведя взгляд на давление, которое она производила в своих руках, ее мягкий, неуверенный голос утихомирил что-то внутри него.

— Я... это не ложь.

Тогда докажи это.

Сделав несколько шагов вперед, он встал над ней, протягивая руку.

— Давай, дорогая, попробуй один раз.

Если бы он все еще молился, он бы молился в этот момент. Наблюдая, как она смотрит на руку перед собой, он отчаянно нуждался в том, чтобы она просто протянула руку и коснулась ее.

Будучи слишком сосредоточенным на ее лице, Лука почти пропустил это — легкое движение ее руки, движущейся к его руке, прежде чем она остановилась.

— Я не могу.

То, что она только что сделала, было знаком. Она тоже это чувствует. Даже если она игнорировала это, нельзя было отрицать, что между ними существует электризирующее притяжение.

Его голос принял властный тон, не желая больше лгать, и он спросил:

— Почему ты не можешь?

Ее глаза встретились с его глазами, глядя вверх сквозь темные ресницы, когда она прошептала свой секрет:

— Потому что я боюсь.

Она боялась прикосновений. Он знал об этом с самого начала, но ему нужно было заставить ее признаться ему в этом, чтобы однажды она смогла преодолеть этот страх. Ему нужно было, чтобы она начала доверять ему свои секреты.

Он сел напротив нее.

— Это было не так уж плохо, дорогая. — Затянувшись сигаретой, он захотел еще. — Сейчас лето, а ты все еще носишь длинные рукава.

Она ничего не ответила, но, глядя, как она проверяет их длину и опускает рукава своего черного платья, он понял, что снова был прав. Он ни разу не видел ее в коротких рукавах, независимо от погоды, что говорило о том, что она что-то скрывает под материалом.

Поймав на себе ее взгляд, он понял, что какая-то ее часть все еще заинтригована им.

Желая заинтриговать ее еще больше, он достал свою Zippo и открыл ее. Ему не потребовалось много времени, чтобы очаровать ее светом, пробивающимся сквозь его пальцы.

— Ты собираешься в колледж?

— Да, конечно.

Он начал плести быстрее. Важность этого вопроса она пока не могла понять.

— Где?

— Стэнфорд... в Калифорнии. Она говорила так легко, когда была очарована им, без запинок.

Он щелчком выключил зажигалку, получив то, что ему было нужно.

— Это ужасно далеко, дорогая. Думаю, ты сможешь бежать дальше. — Стоя, он посмотрел вниз. Снова смотрел на нее, впитывая все, что мог, до следующего раза. Это делало ожидание менее мучительным.

Затаив дыхание, она не двигалась.

Следы на ее лице заставили его задуматься о том, что только что сказала ей Лейк.

— Знаешь, она права. Эти шрамы прекрасны.

Он мечтал прикоснуться к ним каждый день и представлял, как сделает это прямо сейчас. «Прикоснись к ее шраму...» — прошептала тьма.

Уйти от нее, пока он не сделал то, о чем потом пожалеет, означало уйти от своей мечты. На мгновение он почти почувствовал, каково это — прикоснуться к ней. На мгновение он почти почувствовал, каково это — быть с ней. Это было самое блаженное, что он когда-либо испытывал в своей жизни...

Открыв глаза, он не сомневался:

— Она будет всегда.

Двенадцать

Урод

Прошла уже неделя с тех пор, как они с Лукой договорились, и она уже привыкла к

распорядку их жизни. Дни ее были заняты учебными делами, что было удивительно приятно, поскольку она проводила их в одиночестве. Ну, насколько она могла быть одна, когда за ней наблюдал Драго.

Она перестала бояться находиться там, и даже не могла признаться себе в этом, но какая-то часть ее души училась быть счастливой. С тех пор как она получила шрамы, она боялась за свою жизнь, не только в школе, но и дома. К страху почти каждую минуту своей жизни на протяжении многих лет ей пришлось привыкнуть, чтобы сохранить рассудок. Она почти забыла, каково это — не чувствовать себя таким образом.

Хлоя надеялась достичь этого в Стэнфорде, но она все еще боялась оказаться там в полном одиночестве, в окружении новых людей, которые будут смотреть на нее, как на ненормальную. С Лукой такого не было. На нее никогда не пялились и не относились как к ненормальной, потому что... здесь, с Лукой, *я такая же, как он. Мы оба монстры.*

Урод и бугимен.

Она больше не возражала против ужинов с ним. В обществе друг друга им было довольно спокойно, а Лука на удивление хорошо готовил. Если бы ей не приходилось сидеть рядом с ним каждый вечер, он бы ее даже не беспокоил.

Было только одно, по чему она действительно скучала, и это была Элль. Да, она скучала по Амо, Неро и даже по Винсенту, но она никогда так долго не общалась со своей лучшей подругой, и это начинало ее раздражать.

Если бы Элль была здесь, это могло бы не быть...

Отгнав эту мысль, она вернулась к готовому заданию, над которым билась несколько часов. Она собиралась отправить его, когда на экране появилось окно чата:

Они все неправильные, кроме № 8. Попробуйте еще раз.

Что за...?

Хлоя моргнула на экран, проверяя, не устала ли она от работы над этим заданием за все утро. Однако окно чата все еще было там, доказывая, что она ошибалась.

Друг Луки. Третий человек, который знал, что она здесь.

Проигнорировав предупреждение, она собралась снова отправить задание, когда пришло еще одно сообщение.

Вы провалите задание.

Прикусив губу, она нависла над кнопкой отправки, раздумывая. Ее ответы казались ей правильными, но ей было очень трудно с ними справиться. Она не привыкла, чтобы математика преподавалась через компьютер, не говоря уже о вычислениях.

Она воздержалась от ответа и набрала в чате:

Можете ли вы сказать мне, почему № 1 неверно?

Задача тут же начала решаться перед ней, заставив ее открыть рот от того, как быстро она была решена. Излишне говорить, что она была не права.

Набрав в поле еще раз, она быстро ответила:

Спасибо. Я попробую еще раз позже, прежде чем захлопнуть ноутбук.

Черт побери. Калькуляция убивала ее, и ей становилось все труднее понимать ее из-за компьютера.

Смирившись с поражением, она спустилась вниз, чтобы пообедать. Там она заметила какое-то движение на заднем дворе, и ей стало любопытно выглянуть через заднюю дверь, чтобы лучше видеть.

Выглянув, Хлоя увидела Луку, лежащего в грязи. Похоже, он... занимался садоводством?

— Я вижу, ты наконец-то решила спуститься, — сказал Драго хрипловатым голосом у нее за спиной.

Она быстро обернулась, нервничая, что ее застали за разглядыванием Луки.

— Я... я спустилась, чтобы... найти что-нибудь поесть.

— Не сомневаюсь. Ты не спускаешься ни за чем другим. — Его кислый тон сказал ей, что это не сарказм.

Она снова посмотрела на задний двор, на Луку, понимая, что Драго имел в виду. Время, которое она провела с ним, было не по ее воле, а по той причине, что она была вынуждена это делать, чтобы выполнить условия сделки.

— Он сегодня не на работе? — Слова словно выскользнули у нее изо рта, когда она смотрела, как Лука вытирает пот со лба.

— Нет, сегодня суббота. Ты бы знала это, если бы перестала вести себя как пленница.

Повернувшись, она в замешательстве посмотрела на него.

— Я и есть пленница.

Вид Драго потемнел, когда он сделал шаг к ней.

— Мы оба знаем, каково быть настоящим пленником, Хлоя. Скажи мне, как это по сравнению с прошлым разом? — Он сделал еще один шаг к ней. — Когда ты видишь сны, кто преследует тебя? Лука? Или человек, который нанес тебе эти шрамы?

Она могла только смотреть в ответ на огромного мужчину, прекрасно понимая, что он говорит правду.

Оставив Хлою с ее правдой, он сказал напоследок:

— Я уверен, что Лука тоже голоден.

Отвернувшись, она несколько минут в одиночестве наблюдала за своим похитителем.

«Мы оба знаем, каково быть настоящим пленником, Хлоя».

То, как Драго говорил с ней, словно намекал... что она здесь не просто так. *Но... я ведь пленница, не так ли?*

Покачав головой, она подошла к холодильнику, решив сделать себе сэндвич. Она сделала только один, затем положила все приборы на место. Уставившись на одинокий бутерброд, она перевела взгляд на заднюю дверь. *Должна ли я?* Она сильно тряхнула головой, пытаясь выкинуть эту мысль из головы.

Взяв тарелку, она села за кухонный остров и быстро съела свою еду, время от времени поглядывая в окно, чтобы понаблюдать за ним. По меньшей мере, Хлое было интересно, что этот бугимен умеет заниматься садоводством.

Она убрала за собой, затем начала возвращаться, но ноги остановили ее, когда она пошла посмотреть на Луку через окно в последний раз.

Тихий голос, которого она раньше не слышала, прошептал: «Сделай это».

Хлоя прислушалась к голосу, и приготовила еще одну тарелку. Она решила, что он, вероятно, сможет легко съесть две, наполнив хлеб мясом, салатом и помидорами. Если ему что-то не понравится, он сможет это просто убрать.

Она отнесла сэндвичи вместе с бутылкой воды к задней двери. Когда она открыла ее, то поняла, что совершила ошибку, прислушавшись к незнакомому голосу. Но когда Лука повернулся, чтобы посмотреть на нее, было уже слишком поздно.

Нервно прикусив губу, она направилась к нему, жалея, что не может повернуть назад. Дойдя до него, она на мгновение остановилась и посмотрела на него сверху вниз.

Его длинные, неухоженные черно-коричневые волосы, которые он постоянно зачесывал назад, беспорядочно лежали вокруг его красивых черт лица. Темные джинсы и черная рубашка, которые он всегда носил, были грязными, что придавало ему еще более грубый вид, чем обычно. Она не привыкла к мужчинам, похожим на него. Она привыкла к хорошо одетым, ухоженным мужчинам, которые носили дорогую одежду. Он был полной противоположностью.

Лука подождал, пока она что-то скажет, и улыбнулся, когда понял, что она рассматривает его внешность.

— Это для меня, дорогая?

— Д-да. Д-драго сказал, что ты, возможно, голоден, — заикаясь, пролепетала она, быстро переводя взгляд на тарелку.

— Полагаю, и это он тоже приготовил

. — Его голос, казалось, потерял тональность, как будто он был разочарован.

Хлоя покачала головой и снова посмотрела на него.

— Нет, это я.

Улыбка вернулась на его губы, когда он снял свои грязные рабочие перчатки и встал. Подойдя к ней, он взял у нее тарелку и воду.

— Спасибо, дорогая.

— Не за что.

Она наконец-то выдохнула, когда он повернулся.

Ей захотелось, чтобы он был менее привлекательным. Его сочетание ужасающей и одновременно прекрасной красоты было слишком много для одного мужчины.

Он сел на траву и похлопал по месту рядом с собой.

— Присядь со мной. — Он не сказал это приказным тоном, что было странно. Это было больше похоже на просьбу.

Сделав глубокий вдох, она сделала все наоборот, сидя на траве на расстоянии чуть больше вытянутой руки от него и глядя на потрясающий сад, пока он приступал к еде.

Здесь, среди травы и цветов, все было по-другому, как будто даже более спокойно, чем обычно в беседке.

С того момента, как она впервые вышла сюда, от этого сада у нее захватывало дыхание, и так продолжалось до сих пор. Ей казалось, что он становится все прекраснее и прекраснее.

— Я не знала, что ты занимаешься садоводством. Мысль, которая должна была остаться в ее голове, прозвучала шепотом.

— На самом деле нет. То есть, я занимался этим с мамой, то тут, то там, когда была маленьким, но это скорее недавнее увлечение.

Хлоя действительно огляделась вокруг, заметив, что сад выглядит более ухоженным с

тех пор, как она впервые увидела его несколько месяцев назад. Поэтому она решила, что он стал еще красивее.

Когда она посмотрела на Луку, внутри нее поселилось жуткое чувство, которое проникало ей в душу, и она спросила:

— Почему ты начал заниматься садоводством?

Задавать ему вопрос было опасно, так как ответ мог быть не иначе как правдой. Просто нужно было быть готовой к ответу.

Его глаза приобрели самый красивый оттенок зеленого, который она когда-либо видела, когда солнечный свет играл в них. Ей было почти больно смотреть на него, но отвести взгляд было невозможно.

— Я сделал это ради тебя, — раскрыл он ответ, который она уже знала. — Когда я впервые увидел тебя под беседкой, окруженную снегом, я подумал, как бы ты выглядела в окружении цветов. А потом я подумал, насколько больше тебе понравится здесь.

С трудом сглотнув, она наконец смогла отвести от него взгляд, впитывая эту информацию и изо всех сил пытаясь понять ее. Понять его.

Я никогда его не пойму...

Лука встал.

— Оставайся здесь.

Она смотрела, как он уносит пустую тарелку и бутылку с водой в дом. Затем он вернулся через минуту, надел перчатки и направился к тому месту, где она нашла его, когда вышла сюда.

— Иди помоги мне, дорогая.

А?

— Что?

— В том ведре есть лишняя пара перчаток. — Он указал на ведро, надевая последнюю перчатку. — Ты хочешь помочь мне? Или ты опять хочешь весь день сидеть дома?

Она подумала о вычислениях, которые она действительно не хотела делать, прежде чем встать и подойти к ведру, доставая запасные перчатки. Она надела их, прежде чем подойти к Луке и встать на колени на землю рядом с ним.

— Ты знаешь что-нибудь о садоводстве? — спросил он.

Покачав головой, она подумала, что сейчас ей не до этого.

Он рассмеялся, почувствовав ее мысли.

— Ничего страшного. Я научу тебя.

Она сглотнула.

— Хорошо.

— Я просто убираю сад, избавляюсь от сорняков и любых мертвых цветов. — Он показал ей, как это делается, объяснив, как выглядят сорняки и как определить, какая часть цветка мертва. — Теперь ты попробуй.

Перейдя к следующей грядке цветов, она аккуратно удалила сорняки вокруг нее и обрезала уже мертвую луковицу.

— Как это было?

Лука усмехнулся.

— Отлично.

Впервые за все время пребывания здесь она улыбнулась.

— Ты был прав.

На его красивом лице появилось замешательство.

— В чем?

— Я действительно люблю его больше.

Его черты вернулись к своему обычному призрачному виду, когда он понял, что она говорит о том, что ей нравится больше в окружении цветов.

— Хорошо.

Тринадцать

Спокойной ночи

Его нога все ближе?

Хлоя сосредоточилась на экране телевизора, изо всех сил стараясь не обращать внимания на тепло, исходящее от ноги Луки рядом с ней. Она думала, что становится легче, но сегодня ей казалось, что между ними недостаточно пространства.

Пряди волос упали с ее шеи, заставив ее оглянуться, и когда она это сделала, ее дыхание перехватило в горле. Лука крутила прядь ее черных волос.

— Тебе понравился сегодняшней день, дорогая? — Его голос был таким же темным, как и прядь, которую он искусно наматывал на палец.

— Да, — тихо произнесла она.

— Не хочешь ли ты помочь мне завтра закончить оставшуюся часть садовых работ?

Ее нервы, вызванные тем, что он постоянно крутил ее волосы, заставили ее промолвить:

— Нет!

Подставка, которую он держал, упала к нему на колени.

— Хорошо.

— Нет, я имею в виду... — Она повернулась, чтобы лучше видеть его. Она не хотела, чтобы это слово прозвучало так резко. — Я бы хотела, но я не могу.

— Почему ты не можешь?

— Я не закончила задание по расчету, в этом причина, — посмотрев на свои руки, она начала их разминать, — я не совсем понимаю его, а у меня скоро тест.

— О. — Он снова взял прядь волос и начал крутить ее. — Если я смогу найти кого-нибудь, кто поможет тебе с вычислениями завтра, не хочешь ли ты помочь мне с садом в понедельник?

Она ошеломленно посмотрела на свои руки.

— Ты сделаешь это?

— Да, дорогая. — Он усмехнулся, глядя на нее. — Даже если бы ты не хотела мне помогать.

Хлоя, как ни странно, улыбнулась в ответ.

— Если ты уверен, что сможешь позвонить в понедельник, чтобы отпроситься с работы, то я бы хотела.

Казалось, его позабавили ее слова.

— Я уверен.

Не зная, что она такого сказала, что-то подсказывало ей, что она не хочет спрашивать.

— Хорошо.

После того, как он закрутил ее волосы, она почувствовала тоску в нем, когда шелк

покинул кончики его пальцев.

— Теперь ты можешь идти спать.

Уход был совсем не таким, как в прошлые разы. Она чувствовала ту же разрядку, что и обычно, но не испытывала потребности бежать. *Что со мной не так?*

Она медленно пошла прочь, пытаясь разобраться в другом чувстве, которое, казалось, пыталось вырваться наружу.

— Спокойной ночи, Хлоя.

Повернувшись к нему, ее сердце заколотилось.

— Спокойной ночи, Лука.

— Где она, блядь, находится! — Он хлопнул кулаком по столу.

Двое других мужчин в комнате смотрели себе под ноги, прежде чем один наконец заговорил.

— Мы все еще не нашли ее...

— Как, блядь, трудно найти восемнадцатилетнюю девушку? Когда он снова хлопнул кулаком по столу, один поднялся.

— Это... Это как будто она исчезла. Как будто исчезла с лица земли.

Подойдя к ним, он достал из кармана нож и приставил его к горлу мужчины.

— Ты помнишь, что мы с ней сделали?

Мужчина начал дрожать, когда кивнул.

— Твоя дочь ее ровесница, верно? — Он легонько провел лезвием по влажному лицу мужчины. — Или ты найдешь ее, или я покажу тебе, как девушка, блядь, исчезает с лица земли.

Когда мужчина снова кивнул, он отпустил его, и оба вылетели из комнаты.

Сев обратно за свой стол, он откинулся на спинку стула, закрыв свои черные, зловещие глаза. В его голове возник образ четырнадцатилетней девочки, когда он начал мечтать о прошлом...

Девочка начала терять сознание, и ее теперь уже травмированные серые глаза начали уплывать вдаль. Ему нравилось видеть, как глаза меняются от того, какими они были раньше, к тому, какими они стали после того, как он покончил с ними. Это была его метка, то, как он их использовал.

Он забрал молодую девушку, которой она когда-то была, и превратил ее в свое прекрасное творение. Ее тело, ее разум, ее душа принадлежали ему и всегда будут принадлежать... пока он не заберет ее последний предсмертный вздох.

Его глаза закатились к затылку, прежде чем веки закрылись.

— Спокойной ночи, моя маленькая девочка.

Четырнадцать

Даже Бог не может спасти мужчину, который возлагает на тебя руки

Спускаясь по ступенькам на следующий день, она услышала незнакомый голос, разговаривающий с Лукой. *Кто-то нашел меня?* Их голоса приблизились, и тут она увидела мужчину в костюме со светло-каштановыми волосами. Тогда Лука заметил ее.

— Хлоя, я хочу познакомить тебя с Сэлом.

Хлоя знала о Сэле, видела его в окружении Карузо, когда была с Элли, но она никогда не видела его так близко, никогда не заглядывала в его глубокие черные и темно-синие глаза. Что-то в нем заставило каждый волосок на ее теле встать дыбом, а в голове зазвенел сигнал тревоги.

— Привет, Хлоя. — Он лукаво улыбнулся. — Приятно наконец-то познакомиться с тобой.

Застыв на месте, она могла только смотреть на ухоженного мужчину.

— Сэл пришел присмотреть за тобой и помочь с вычислениями, пока мы с Драго решаем некоторые деловые вопросы.

— Он пришел? — Ее трясущиеся руки сжались в кулаки.

Лука уставился на нее на мгновение, прежде чем его голос стал мрачным.

— Пойдем со мной, дорогая

Это приказание заставило ее последовать за ним через дом и по коридору. Он открыл дверь и подождал, пока она войдет первой.

Когда он захлопнул за собой дверь, закрывая их, ее сердце начало колотиться и вырываться из груди.

Теперь, когда они остались одни, на его лице проступила тревога. — Скажи мне, что случилось?

Все еще пытаясь выкинуть из головы взгляд Сэла, она изо всех сил старалась говорить.

— Я... я просто... не знаю его.

Он сделал шаг ближе к ней.

— На Драго гораздо страшнее смотреть, чем на Сэла, и ты тоже его не знала, так что не лги мне, дорогая.

Сильно прикусив губу, она подумала, что скоро появится кровь. *Не знаю, почему он меня пугает.*

Лука сделал еще один шаг к ней, когда она не ответила.

— Я не знаю... — прошептала она. — Мне кажется, что я знаю его, но это не так.

Сделав последний шаг, он прижал ее к большому столу позади нее, когда она попыталась оставить между ними пространство. Их разделяло всего несколько сантиметров, когда он взял прядь ее волос и закрутил ее тем же движением, что и всегда.

— Думаешь, я бы оставил тебя с кем попало, Хлоя?

Ее грудь опустилась так же сильно, как она ее подняла. Это было странно, и она не понимала как, но где-то в глубине души она знала, что он бы этого не сделал.

— Н-нет.

— Неужели ты думаешь, что я когда-нибудь позволю кому-то подойти настолько близко, чтобы прикоснуться к тебе, — он слегка накрутил ее волосы на палец, его глаза путешествовали по ее бледному лицу, а затем по шее, — когда я еще не прикоснулся к тебе первым?

Она медленно покачала головой, сильнее прикусив нижнюю губу. Она была уверена, что это тот самый момент, когда он наконец-то прикоснется к ней, но она не была готова. *Пожалуйста, не сейчас.*

Он посмотрел на темный шелк, который он крутил.

— Я продолжаю накручивать твои волосы на палец, потому что это так близко к тому, чтобы прикоснуться к тебе. Я обещаю тебе, что больше никто и никогда не прикоснется к

тебе ни в этом доме, ни за его пределами. Даже Бог не сможет спасти человека, который наложит на тебя руки.

Давление на губы ослабло, и ей стало легче дышать. Она верила каждому его слову, но пугало ее то, что это также успокаивало ее. Она была почти благодарна за то, что ей больше не придется беспокоиться о том, что кто-то может причинить ей вред, а тем более прикоснуться к ней.

Что со мной происходит?

Лука дала ей несколько сантиметров передышки.

— Я считаю Сэла своим единственным другом, но он — нечто большее. Я ближе к нему, чем к Неро, который является моим родным братом. — Это был один из тех случаев, когда он позволил проявиться эмоциям. — Мой отец взял Сэла к себе, когда мы были маленькими, и мы росли вместе. Может, Сэл и не моя кровь, но он мой брат. Я доверяю ему свою жизнь, и я доверяю ему твою. Он не причинит тебе вреда, дорогая.

Лука был не из тех, кто доверяет кому-то, кроме себя, поэтому она поверила ему на слово, что Сэл не причинит ей вреда, несмотря на то, что он заставлял волосы вставать дыбом на ее шее.

— Хорошо.

Он улыбнулся ей, прежде чем выпустить прядь из рук.

— Мы с Драго вернемся, как только сможем.

Кивнув, она сделала храброе лицо и последовала за Лукой из его кабинета к месту, где ждал Сэл. Она села за кухонный остров со своим ноутбуком, пока мужчины тихо переговаривались между собой. Она не могла удержаться от того, чтобы не сжать руки в кулаки, до такой степени, что ногти впились в ладони. Она никогда не думала, что когда-нибудь пожалеет о том, что Лука ее оставит, только не сейчас.

У Хлои было две мысли. Первая: почему Драго следил за каждым ее шагом, когда его настоящим другом была Сэл?

Входная дверь закрылась, и она услышала приближающиеся шаги. Повернув голову, она тяжело сглотнула, пытаясь сдержать непонятный страх перед человеком, которого Лука называл своим братом.

Другая мысль... *Почему он напоминает мне о нем?*

Пятнадцать

Чудовищное имя

Уставившись в окно на окружающую их пустоту, Лука сосредоточился на грунтовой дороге, ожидая, когда появятся машины. Семья Карузо приехала двумя часами ранее, чтобы осмотреть место, где был их враг. Их черные Cadillacs выстроились перед пустым складом, и каждый солдат собирал вещи на случай, если в этом году Лучано решат покончить с миром.

Раз в год две мафиозные семьи Канзас-Сити проводили встречу на равных за городом. Это был способ сохранить мир между ними, чтобы не допустить новой войны, ведь последняя война почти уничтожила фамилию Лучано.

Лука начал открывать и закрывать зажигалку, не отрывая взгляда от дороги. С тех пор как он стал членом семьи, каждый год он приезжал сюда, не испытывая никаких чувств. Однако в этом году он не мог избавиться от ощущения тревоги в воздухе.

Он начинал терять терпение. Ему не нравилось оставлять Хлою дома, когда он был так далеко, а защитить ее мог только Сэл.

Если бы я не хотел его видеть... я бы уехал.

Наконец, начали появляться машины. Лука наблюдал, как они подъезжают и из них выходят мужчины. Он наблюдал за каждым мужчиной, пока наконец не увидел того, кого ждал.

Лука засунул зажигалку обратно в карман, услышав, как она ударилась о другой металлический предмет. Вытащив большое, тяжелое золотое кольцо, он уставился на прямоугольник с подковой в центре, окруженный мелкими бриллиантами.

Дверь склада открылась, заставив его убрать кольцо обратно в карман. Повернувшись, он посмотрел на два длинных стола, стоящих друг напротив друга. Данте сидел в центре одного стола, а его Консильери, Винни, справа от него. Слева от Данте было свободное место для него. Однако он ждал, пока Лучано заполнят другой стол, прежде чем направиться к своему месту.

Прежде чем сесть, он положил на стол свою пачку сигарет и зажигалку. Затем Лука послушал, как два босса начали совещание, ни разу не заговорив. Вместо этого он рассматривал мужчин.

Лучано выглядели полярной противоположностью Карузо. Если Карузо выглядели безупречно, то Лучано выглядели сурово. Те мужчины, которые носили костюмы, были далеки от дорогих итальянских костюмов, которыми часто славилась мафия. Ухоженность также не была для них обязательным условием. Некоторые мужчины были покрыты татуировками от рук до шеи. Это была грубоватая семья, соответствующая своему окружению — грубому району Канзас-Сити, которым они владели. Здесь, на складе, Карузо выглядели не в своей тарелке, в то время как Лучано смотрелись как дома.

По одну сторону сидела пара темноволосых близнецов, покрытых татуировками, а по другую — мужчина-ястреб с каштановыми волосами, который, похоже, занимался тем же, чем и Лука — отлавливал врагов.

В обязанности Луки входило знать каждого из них. Все трое были братьями, у них был один отец, но только у близнецов была одна мать. Анхель и Маттиас были младше своего старшего брата, Доминика. И он, и Лука, были младшими в семье, подчиняясь своему отцу. Однако, несмотря на то, что Доминик был немного старше его, он не был высокопоставленным так долго, как Лука. Только год назад Доминик получил этот титул.

Вытащив сигарету, Лука держал ее между губами, пока щелкал запястьем, поднося пламя от своей Zippo, чтобы зажечь конец. Он глубоко затянулся и перевел взгляд на человека, сидящего в центре стола.

Карузо называли его по фамилии, Лучано, но своим людям он был известен под другим именем. Имя, которое его люди дали ему из уважения, имя, которого следовало бояться. Данте давно сказал Луке не называть его чудовищным именем, потому что он был не кто иной, как он, и его не стоило бояться.

Лучано поправил пиджак.

— Прежде чем мы закончим эту встречу, ты знаешь, что я должен попросить тебя, Данте, о большей территории в Канзас-Сити.

— Ты уже должен знать ответ на этот вопрос, Лучано, и мой ответ не изменился за все эти годы.

На тонких губах Лучано появилась ехидная улыбка.

— Я надеялся, что в этом году мы сможем забыть об этой части контракта.

— Тогда, может быть, нам стоит забыть обо всем контракте?

Лука стряхнул пепел сигареты на пол.

— Я думаю, время заставляет тебя забыть, насколько близко к исчезновению фамилия Лучано. Это Карузо хотели закончить войну и решили дать опцион на контракт, чтобы фамилия Лучано не вымерла. Скажите, сколько вас сейчас?

Двое из людей Лучано переместились, чтобы встать позади него, а единственным, кто переместился за Карузо, был Драго. Драго был больше, чем оба Лучано вместе взятые.

Лучано слегка выпятил челюсть. — Я и три моих сына продолжим фамилию Лучано.

Лука улыбнулся, глубоко затягиваясь сигаретой.

— Да, и благодаря щедрости семьи Карузо вы сможете продолжать это делать на согласованной территории.

Воздух в просторном складе словно втянулся. Только когда Лучано кивнул головой, воздух вернулся.

Данте кивнул, встал, застегивая пиджак и завершая встречу. Лучано тоже встал, и оба мужчин вышли из-за своих столов, чтобы пожать друг другу руку.

— Рад, что мы смогли провести еще одну успешную встречу. Увидимся в следующем году, Лучано.

— До следующего года, Данте.

Они сбросили руки друг друга, а затем Данте вывел семью Карузо первой. Однако Лука продолжал сидеть, наблюдая, как его люди и Лучано один за другим покидают склад, пока не остались только он сам и еще один человек.

Наконец, он встал, наступив на сигарету, которая все еще дымилась там, где он ее уронил. Подобрал сигареты и зажигалку, он положил их обратно в карман, одновременно взявшись за тяжелое кольцо, которое его отягощало.

Холодный мужчина оглядел его с ног до головы.

— Рядом с твоим отцом ты выглядел так, словно сидел не за тем столом. Ты мог бы сойти за Лучано.

— Почти. — Он покатал кольцо между пальцами и подошел к единственному мужчине на складе.

— Да, но мы оба знаем, как ты выглядишь, когда приводишь себя в порядок.

Когда голос Лучано стал мрачнее, голос Луки стал таким же, но в разы больше.

— Да, знаем. — Протягивая ему кольцо, Лука продолжил: — Ты видел это кольцо раньше?

Взяв кольцо в руки, Лучано стал говорить тем же голосом.

— Нет, не видел. Почему ты спрашиваешь?

Лука загадочно улыбнулся.

— Я пытаюсь найти хозяина моей новой собаки.

Поняв его намек, он вернул кольцо.

— Я удивлен, что ты не усыпил собаку.

— Мне нравятся собаки. — Он положил кольцо обратно в карман.

Лучано, казалось, позабавил его выбор слов.

— До свидания, Лука.

Лука уставился в бездушные черные глаза стоящего перед ним человека.

— Мы еще увидимся, Люцифер.

Он хотел — должен был — назвать его по имени, чтобы показать, что Лука не боится ни одного человека, даже самого Дьявола.

Скоро.

Шестнадцать

От худших до лучших типов людей

Несмотря на то, что Сэл был другом Луки, она ожидала, что он в любую секунду может причинить ей боль. Она ничего не могла с этим поделать, это в ней укоренилось.

Сэл поднял бровь.

— Я так понимаю, ты решила не сдавать задание.

А?

— Это ты через к-компьютер, да?

Смеясь, он сел рядом с ней, отодвинув стул достаточно далеко от нее, чтобы у нее было достаточно места.

— Да. Разве я не похож на парня, который мог бы запрограммировать твой компьютер?

— Н-нет. Да. Я имею в виду... Я не знаю. Я просто подумала, что ты работаешь с Лукй. Драго, Неро и остальными. Они не похожи на тех, кто работает с компьютерами.

— Я работаю с ними. — Он посмотрел на нее в замешательстве. — Лука еще не сказал тебе, в какой сфере мы работаем?

Теперь она была единственной, кто смотрел на него в замешательстве.

— Элли сказала мне, что все работают на Луку и отца Неро в казино. А вы все нет?

На его лице появилось забавное выражение.

— Ну, да, я отвечаю там за безопасность. Я слежу за тем, чтобы все работало исправно, и настраиваю любое новое оборудование.

— Значит, остальные тоже работают в службе безопасности?

— Ну, да, в некотором роде.

По выражению его лица Хлоя поняла, что ей, похоже, чего-то не хватает. *Не спрашивай. Возможно, ты не хочешь знать.*

— Чем именно занимается Лука?

— Я думаю, этот вопрос ты должна задать Луке.

Посмотрев на свои руки, лежащие на коленях, она сжала их.

— Я немного боюсь спрашивать его. Я знаю, что он скажет мне правду, но я не уверена, хочу ли я знать всю правду. Я просто хотела узнать, чем он занимается, чтобы понять, стоит ли мне спрашивать.

— Хорошо, ну... — Почесывая голову, он, казалось, думал, как лучше это сказать. — Его отец — президент казино, а Лука — вице-президент.

Правда?

— Я и не знала, что он так высоко. Он не носит костюмы, как все вы.

Сэл хмыкнул.

— О, да, он настолько высоко, насколько, блядь, можно подняться в семье — в смысле, в казино.

Она улыбнулась при мысли, что Лука не так уж плох, как она думала.

— Ну, это совсем не плохо. Я подумала, что он может быть замешан в чем-то

незаконном.

— Ну, я бы...

— А как насчет Драго? Он выглядит достаточно пугающе, как будто он из службы безопасности.

Еще одно молчание в раздумьях. — Да, он личный телохранитель Данте.

Она снова посмотрела на свои руки.

— А что насчет Амо?

— Он определенно работает в охране. — Сэл снова начал усмехаться, похоже, работа Амо казалась ему самой забавной.

— Так и есть? — Это начинало обретать смысл для нее. Он действительно выглядит как более молодая версия Драго.

— Да, он работает на самом нижнем уровне казино вместе с Неро и Винсентом. — Продолжая, он улыбнулся еще шире: — Амо просто обожает свою работу. Неро и Винсент действительно попросили сменить место в подвале.

Прикусив губу, она почувствовала замешательство. Эти трое были почти неразлучны, поэтому она не могла представить, почему Неро и Винсент хотят уйти, а Амо — нет.

— Почему Неро и Винсенту не нравится их работа?

И снова в голове Сэла закрутились колесики, пока он пытался придумать, как лучше сформулировать свои слова.

— Неро и Винсенту не нравится вид из подвала, но Амо, похоже, не возражает.

Х... должно быть, слишком мрачно для них.

— Я вижу это. Амо не привередлив, и ему гораздо легче угодить, чем Неро и особенно Винсенту. Эти двое всегда добиваются своего, когда мы выбираем, где поесть.

— Да... Как я уже сказал, тебе стоит спросить об этом у Луки. Я, наверное, рассказал тебе слишком много.

— Я не думаю, что Лука будет против. — Или, она не понимала, почему он будет возражать. Она знала, что он расскажет ей, если она будет достаточно смелой, чтобы спросить.

— Ну, если ты расскажешь ему, о чем мы говорили, не забудь сказать ему, что я сказал тебе, что Амо любит свою работу. — Он подмигнул. — Это Лука их туда устроил и хотел бы знать, что хотя бы одному из них это нравится.

— Я так и сделаю. — Судя по тому, как вел себя Сэл, что-то подсказывало ей, что лучше не спрашивать Луку о его работе в ближайшее время.

— Итак, ты готова приступить к заданию по расчету, или есть что-то еще, о чем ты боишься спросить Луку?

Хлоя не могла в это поверить. Ее страх перед ним рассеялся почти сразу, как только они начали разговаривать. Сэл казался полной противоположностью Луки — таким теплым и привлекательным, в отличие от того, что говорили ей его глубокие черно-синие глаза.

Стряхнув с себя остатки страха перед ним, она не могла поверить, что подумала, будто Сэл напоминает ей...

Хлоя открыла ноутбук, не в силах даже произнести имя Сэла в одном ряду с полным чудовищем.

— Что-то случилось, дорогая? — Лука отложил свою ложку, наблюдая, как она вертит свою в домашнем овощном супе. — Я могу приготовить тебе что-нибудь другое, если тебе не

нравится.

Хлоя подняла глаза от супа и поняла, что углубилась в свои мысли.

— Нет, извини. Это очень вкусно. Я просто задумалась, вот и все.

Он смотрел, как она откусывает от еды с поникшим выражением лица.

— То, что ты была с Сэлом, все еще беспокоило тебя после моего ухода?

— Нет, он мне нравится. Он был милым.

Ей понравилось, что Лука только в самом начале задалась вопросом о ее неправильных чувствах к Сэлу, а не о том, что Сэл мог расстроить ее или сделать что-то с ней. Это показало ей, насколько Лука доверяет ему, и что она тоже может доверять Сэлу. Сильная связь между ними была очевидна. *Прямо как между мной и Эльль...* Увидев Луку и Сэла вместе, она захотела быть со своей лучшей подругой.

— Тогда скажи мне, что случилось, дорогая. Могу ли я что-нибудь сделать для тебя?

— Я просто скучаю по Эльль. Мы разговаривали каждый день, а я чувствую, что не разговаривала с ней целую вечность. У меня даже нет девушки, с которой я могла бы поговорить здесь, и я думаю, что это заставляет меня скучать по ней все больше и больше.

Глубокий, задумчивый вздох вырвался из его груди.

— Я посмотрю, что можно сделать.

Правда?

— Правда?

— Я не могу тебе ничего обещать, но я посмотрю, что я могу сделать, чтобы тебе было удобнее.

Было странно думать, что он сделает это, учитывая, что он держал ее в плену. Она постепенно начинала понимать, что по какой-то причине он хочет, чтобы она была счастлива. Она была благодарна за любую причину.

Улыбаясь, она сказала ему:

— Спасибо.

После этого Хлоя смогла полностью насладиться вкусной едой. Черт, он действительно хорошо готовит. За все время пребывания здесь у нее не было ни одного плохого блюда, и уже сейчас она чувствовала, как скучает по еде, когда ее наконец освободят.

— Значит, тебе понравился Сэл? — спросил он, усмехаясь.

— Да, он был очень мил со мной и терпелив, когда учил меня решать задачи.

— Хорошо.

Посмотрев на него, она увидела, что Лука не удивился ее ответу.

— Ты знал, что он мне понравится, не так ли?

— Да, Сэл нравится всем. Я не встречал ни одного человека, которому бы он не нравился, от самых плохих до самых лучших людей.

Хлоя не сомневалась в этом.

— Он как гений, не так ли?

Оторвавшись от еды, он уставился прямо на нее.

— Он не то что гений, дорогая, он и есть гений.

По серьезному выражению его лица было ясно, что Сэл еще умнее, чем она считала возможным. Она просто не могла поверить, что эти полярные противоположности относятся друг к другу.

Она не была уверена, что он ответит, но ей было слишком любопытно, чтобы не спросить: — Почему твой отец взял его к себе?

Вопрос, казалось, ничуть не обеспокоил его.

— Сэл жил то на улице, то на улице со своей матерью с самого детства, но к тому времени, как ему исполнилось десять лет, его мать умерла от передозировки. Она была мертва некоторое время, пока мой отец не подобрал Сэла, и после этого он стал членом семьи.

— Это было мило со стороны твоего отца.

Он кивнул.

— Да, мой отец принял Сэла. Он понравился ему больше, чем когда-либо нравился я. Сэл определенно тот сын, которого он всегда хотел.

Ее охватила грусть от его слов. Ей стало жаль мальчика, который думал, что он не тот сын, которого хотел его отец.

— Мне жаль, что ты так считаешь.

— Не извиняйся, дорогая. Меня это никогда не беспокоило. Я никогда не был склонен к каким-либо чувствам, особенно по отношению к отцу. Я был рад, что у Сэла были отношения с отцом, даже если он был моим. Он заслуживал этого больше, чем я.

Она закусил губу, глядя на свою еду, чувствуя каждое его слово и зная, что в его словах не было ревности к отношениям Сэла с отцом. Черт возьми, ей очень хотелось, чтобы он перестал удивлять ее тем, как мало она его понимает.

— Я рада, что вы нашли друг друга.

Его глаза приобрели прекрасный оттенок зеленого.

— И я рад, что он тебе нравится. Для меня многое значит, что ты чувствуешь себя комфортно рядом с ним.

Безумие заключалось в том, что так оно и было. Она даже чувствовала себя комфортно со страшным Драго. Вопрос был в том, как? Ей не было комфортно ни с кем, особенно с мужчинами. Однако ни разу она не боялась, что они даже прикоснутся к ней.

Хлоя вспомнила, что, когда Сэл сел за стол, он отодвинул свой стул достаточно далеко от нее и был очень осторожен, чтобы не прикоснуться к ней во время занятий. То же самое было и с Драго. Он всегда следил за расстоянием между ними и не приближался к ней.

Глядя в зеленые глаза, она теперь знала, почему, и это было перед ней все время.

— Ты сказал Сэлу и Драго, чтобы они были осторожны рядом со мной, не так ли?

Улыбаясь, он ответил:

— Да.

— И что же ты им сказал?

Лука наклонился, поглаживая прядь её волос.

— Что им разрешено подходить к тебе только так близко. — Он накрутил прядь на палец. — И что они никогда не должны прикасаться к тебе, если речь не идет о жизни или смерти. — Еще один поворот заставил прядь обернуться вокруг пальца. — Или я убью их на хрен.

Холодная дрожь пробежала по ее телу. Она видела в его глазах, что он убьет человека, которого считал братом, если тот прикоснется к ней. В этом не было никаких сомнений: она была уверена, что он даже не сомневался в этом.

— Почему?

Он погладил большим пальцем прядь, намотанную на палец.

— Для тебя.

Оказалось, что она не только никогда его не понимала, но и вообще не знала.

Семнадцать

Сегодня день, когда ты хочешь умереть?

Лука припарковал свою машину в гараже, прямо напротив двери, из которой должен был выйти человек, ожидаемый Лукой. Выйдя из машины, он прислонился к капоту своего классического черного Cadillac. Затем, вытащив сигарету, он закурил ее. Это была его первая сигарета за день, так как было еще раннее утро.

Он втянул содержимое быстрее, чем обычно, пока ждал. Затем он достал еще одну, желая насладиться ею.

Лука редко нуждался в помощи, но он собирался попросить ее. Он должен был попросить об этом, возможно, единственного человека, который понимал его: единственного человека, который знал, как работает его разум, потому что этот разум был похож на его.

Мы оба слышали шепот.

Наконец, дверь открылась, и он услышал стук каблучков. Человек, вышедший из двери первым, поднял руку, останавливая того, кто стоял за ним. Когда он понял, что это всего лишь Лука, он вышел, помахав рукой тому, кого держал, чтобы тот вышел.

Звук каблучков приближался, пока шпильки не остановились прямо перед ним.

— Почему это выглядит так, будто мой старший брат чего-то от меня хочет?

Лука указала на двух мужчин, стоявших позади нее.

— Оставьте нас. Сегодня я отвезу Марию в школу.

— Нет. Нет, не отвезешь! Я злюсь на тебя. Не оставляйте меня с этим психопатом! — кричала она вслед своим телохранителям. Но, несмотря на ее усилия, двое мужчин вышли.

Вынув сигарету изо рта, он недоверчиво посмотрел на сестру.

— Это я-то психопат?

Мария скрестила руки.

— Да, ты неуравновешенный и агрессивный человек, которому не хватает сочувствия и угрызений совести. — Она явно проводила слишком много времени в своих книгах по психологии.

— Во-первых, я стабильный человек, а ты нет. Но я думаю, что ты забываешь основную часть этого диагноза. Настоящий психопат выглядит нормальным и обаятельным, скрывая тот факт, что он агрессивен, ему не хватает сочувствия и раскаяния. — Сделав одну длинную и последнюю затяжку, он бросил сигарету на землю. — Ну и на кого это похоже? Потому что это точно не я.

Разжав руки, она откинула свои длинные золотистые волосы за плечи.

— Ты никогда не умел скрывать свое истинное лицо. В отличие от тебя, мне нравится удивляться, когда они узнают, что я сумасшедшая.

— Потому что ты настоящая гребаная психопатка.

Мария на мгновение замолчала, став серьезной.

— Да, но если я психопатка, то что это значит для тебя?

Вопрос не предполагал ответа, потому что ответить на него было невозможно. Они оба знали, что Лука слишком испорчен, чтобы поставить точный диагноз.

Сложив руки на груди, он закончил разговор о том, кто из них более хреновый.

— Итак, почему ты злишься на меня?

Топнув каблуком по тротуару, она прошипела:

— Потому что ты выгнал нас из дома!

— Я думал, тебе здесь нравится? У тебя есть возможность попасть в еще большие неприятности.

— Так было до того, как они усилили охрану. Теперь со мной в туалет практически никто не ходит.

— О, бедная, бедная принцесса мафии. — Он притворился, что ему не все равно.

— Ты знаешь, что мне не нравится, когда ты так меня называешь, Лука.

— Мы оба знаем, что нравится. Иначе ты бы так себя не вела

Настала ее очередь сменить тему, когда она направилась к пассажирской двери.

— Ты отвезешь меня в школу или нет?

Лука быстро двинулся вперед, не давая ей открыть дверь.

— Нет, мне нужна твоя помощь кое в чем.

Она снова стукнула каблуком.

— Это зависит от того, в чем именно.

Он бросил на нее предупреждающий взгляд.

— Тебе придется держать это в секрете. — Или ему придётся её убить.

Лукавая улыбка тронула ее слегка покрашенные розовой помадой губы.

— Я давно ждала этого дня, Лука. Надеюсь, ты накопил достаточно денег для шантажа, которому я тебя подвергну.

Открывая перед ней дверь, он насмешливо рассмеялся.

— До сих пор никому не удавалось шантажировать меня, принцесса.

Она похлопала его по груди.

— О, бедный, бедный повелитель мафии. Я уже знаю твой секрет. Я просто ждала, когда ты возьмешь верх.

Повелитель мафии?

— Ты что, смотрела фильмы с Эльль, ага... Неважно. Просто садись в эту гребаную машину. Ты ни хрена не знаешь.

Идеальная бровь приподнялась. — Скажи мне, Лука, это все, о чем ты мечтал?

Его голос потемнел.

— Садись в эту чертову машину.

— Думаю, у Амо теперь нет шансов с Хл...

Закрыв ей рот холодной рукой, он заставил ее замолчать.

— Скажи мне, Мария, сегодня тот день, когда ты хочешь умереть?

Восемнадцать

Уверен, что заставит любую девушку поддаться ему и тогда, и тогда

Хлоя сидела у кухонного острова, ела свой тост с апельсиновым соком и удивлялась, почему Лука еще не встал. К этому времени он всегда уже давно просыпался, и он сказал ей, что сегодня они собираются закончить садоводство.

Когда Драго вошел, она ожидала, что Лука последует за ним, но он не последовал.

— Его здесь нет. Он ушел сегодня рано утром, — сказал ей Драго, делая себе чашку

кофе.

Она посмотрела на него, недоумевая, почему он так сказал.

— Я... я ничего не говорила.

— Может, и нет, но ты искала его.

Пытаясь изо всех сил проглотить свой сухой тост, она сцепила руки вместе.

— Н-нет, не искала.

Отпив темной жидкости, он долго, пристально смотрел на нее.

— Ты уверена в этом?

Нет.

Открытие входной двери избавило ее от необходимости отвечать на неудобный вопрос.

Драго улыбнулся, сохраняя низкий голос, чтобы она могла слышать только его.

— Похоже, он вернулся как раз вовремя.

Повернувшись, она увидела Луку, вошедшую с блондинкой...

— Мария!

Драго практически проглотил вою чашку с кофе.

— О, блядь, нет.

Вошла Мария, улыбаясь от уха до уха, как прекрасная богиня, которой она и была.

— Привет, Хлоя. Привет, Драго!

— Нет, нет, нет. Я вижу, к чему все идет, и я не собираюсь в этом участвовать. Я подписался смотреть на ту, которая боится собственной тени, а не на отроде Сатаны.

Отроде Сатаны? Мария, одетая в легкое платье цвета розы с туфлями голого цвета, была похожа на прекрасного ангела. Хлоя тоже всегда считала ее таковой. Она была самым милым человеком на свете.

Мария выглядела так, будто вот-вот расплачется.

— Это задело мои чувства.

Он засмеялся.

— Какие чувства...

— Ты грубишь, — не подумав, сказала Хлоя, разозлившись на мужчину. — Может быть, тебе нужно вернуться ко сну, потому что ты был не очень-то любезен сегодня утром.

Марии пришлось закрыть рот рукой, чтобы не рассмеяться, когда лицо Драго опустилось.

Ухмыляясь, Лука шагнула вперед и встал рядом с Хлоей.

— Он был груб с тобой, дорогая?

Она надолго задумалась, глядя на взбешенного Драго. Всего несколько минут назад он пытался надавить на нее по поводу Луки, и она была не прочь согласиться. «Или я убью их на хрен». Но... она решила, что пощадит его жизнь. На этот раз.

— Нет. — Она улыбнулась Драго, храбро только потому, что Лука была в шаге от нее.

Взяв свой кофе, Драго начал выходить.

— Я буду наблюдать за ними из комнаты охраны, но если они сожгут дом, не надейся, что я их спасу.

Теперь, когда он ушел, Хлоя сосредоточилась на Марии.

— Я не могу в это поверить, ты здесь. — Иногда ей казалось, что ее больше не существует, но теперь, когда здесь был кто-то, кто действительно был ее другом, она снова почувствовала себя живой.

— Да. — Мария радостно улыбнулась ей. — Дай мне секунду, я сейчас вернусь.

Она смотрела, как Мария направляется к лестнице, а затем оглянулась на Луку, не понимая. — Но почему?

Он показал улыбку, что не была похожа на ту, которую она видела раньше. Она была похожа на улыбку Винсента, только еще более смертоносную, которая заставила бы любую девушку поддаться ему в любой момент. — Я сказал тебе, что посмотрю, что я могу для тебя сделать.

Ей пришлось отвести взгляд от его глаз, боясь, что улыбка подействует на нее.

— О.

Как всегда, он поднял прядь ее волос.

— Я знаю, что сегодня мы должны были заняться садом, но я подумал, что тебе больше понравится быть с Марией.

Наблюдать за тем, как он накручивает ее черные волосы на палец, было почти завораживающе.

— Может, завтра?

— Да. — Ей было трудно отвести взгляд от его кружения, но, наконец, она смогла снова посмотреть на него. — Спасибо, Лука.

Еще одна смертоносная улыбка заставила ее сердце пропустить удар.

— Не за что, дорогая. — Они услышали, как Мария начала спускаться по ступенькам, а Лука стал крутить прядь медленнее, словно смакуя ее.

— Я вернусь ближе к вечеру.

Когда позже вечером? Куда он собирается?

Мысли, возникающие в голове, пугали ее до костей. Почему это имело значение? Это не должно иметь значения. Это не имеет значения.

Шаги стали ближе, и перед тем, как они оказались слишком близко, черный локон упал с кончиков его пальцев с последним витком.

Вошла Мария, теперь в розовых шортах и майке, неся фильмы.

— Так, теперь мы готовы к девичнику!

Щеки Хлои стали теплыми. Если бы Мария вошла секундой раньше, она бы подумала, что между Хлоей и Лукой что-то происходит.

Мария начала отталкивать Луку с дороги, пока усаживала Хлою за стол с фильмами.

— Ладно, пока, Лука. Ты можешь идти.

Его темный голос прозвучал как угроза, когда он уходил.

— Помни, что я сказал, принцесса.

Его голос, казалось, нес в себе угрозу.

— Не волнуйся, я буду вести себя хорошо...

— До свидания, дорогая. Развлекайся, потому что я не верну твою задницу обратно.

— Он шутит. — Мария хихикнула, когда он захлопнул за собой входную дверь.

Не похоже, что он шутил.

Мария разложила фильмы о девчонках на прилавке.

— Итак, что ты хочешь посмотреть...

— Как Элли? — Хлоя не обращала внимания на фильмы.

— Она хороша. Сейчас у нас есть «Грязные танцы»...

— Просто «хорошо»? А как насчет Амо?

— Да, оба хорошо. А как насчет «Сумерек»?

Теперь она безумно смотрела на свою подругу.

— Мария, ты ведь скажешь им, где я? Ты собираешься кому-то рассказать?

Сделав длинный вдох, она прошептала:

— Я не могу.

— Почему? Лука заставляет меня быть здесь. Я не хочу быть здесь.

Мария должна была быть ее подругой. Она не понимала.

— Я... Я просто не могу, Хлоя. Мне жаль. — Мария не смотрела ей в глаза до этого момента. — Послушай, он причиняет тебе боль?

По выражению лица Марии Хлоя поняла, что она уже знает ответ. Тем не менее, она торжественно покачала головой.

— С тобой как-то плохо обращаются?

И снова Мария знала ответ еще до того, как Хлоя покачала головой.

Ее голос звучал уверенно, когда она сказала:

— Это не навсегда. Я обещаю тебе, Хлоя. Он отпустит тебя.

Хлоя не была так уверена. *Я боюсь, что он никогда не отпустит меня.*

Мария села рядом с ней.

— Элли скучает по тебе. Очень. Они оба скучают.

Ей так хотелось плакать. Она так скучала по Элли... и по Амо.

— Элли говорит, что колледж без тебя уже не тот, но ей там нравится гораздо больше, чем в школе. Ее больше не дразнят, и хотя она хочет, чтобы ты была с ней, она все равно наслаждается этим.

Это было горько-сладко слышать. Она была так счастлива, что Элли наконец-то смогла полюбить учебу, но ей было грустно, что она не может испытать это вместе с ней.

— Амо тоже скучает по тебе, но у него все хорошо. — Она замолчала на секунду, а затем продолжила с улыбкой на лице: — Он много работает. Он действительно любит свою работу!

Она рассмеялась, удивляясь, почему все так говорят.

— Это хорошо. Я рада. — Снова став серьезной, она посмотрела на Марию, желая, чтобы та знала, как много для нее значит то, что она слышит о том, как идут дела у ее друзей.

— Спасибо.

— Не за что, Хлоя. А теперь... — она встала, улыбаясь, и взяла в руки фильм... — «Русалочка»?

Зная, что это был любимый диснеевский фильм Элли, она улыбнулась.

— Звучит неплохо.

Девятнадцать

Слово, о котором она вскоре пожалеет

Проведя день с Марией, Хлоя снова почувствовала себя девочкой. Она была счастлива, как никогда, и была так благодарна, что ей дали провести этот день с ней. Единственное, что могло бы быть лучше, если бы Элли тоже была здесь.

Они набивали свои рты попкорном и смотрели слишком много фильмов про девчонок. К тому времени, когда они перешли к «Bring It On», было уже довольно поздно.

Глядя в окно на крошечную тьму, а потом на часы, она не могла поверить, что уже

поздно. Обычно он уже приходил с работы. *Что он делает?*

Она тряхнула головой, удивляясь, почему вообще задалась этой мыслью. *Ты скучаешь по нему...*

Она застыла на месте, не понимая, откуда взялась эта мысль. Это было похоже на ее голос, но это был не он.

— Какой цвет тебе нравится? — спросила Мария, отложив маникюрный набор. Когда Хлоя не ответила, Мария бросила на нее обеспокоенный взгляд.

— Хлоя?

Стараясь изо всех сил отбросить свои мысли, она посмотрела на широкий спектр цветов и увидела тот, который хотела, спрятавшись в середине.

— Черный.

Мария внимательно посмотрела на нее.

— Ты носишь какой-нибудь другой цвет, кроме черного?

Посмотрев вниз на свои черные леггинсы и безразмерный темно-серый свитер, она окинула их внимательным взглядом.

— Это темно-серый.

Мария закатила глаза.

— Это один из оттенков черного, и ты это знаешь.

— Нет, это не так. — Это скорее полтора оттенка.

— А как насчет этого? — Она взяла в руки другой лак. — Я всегда хотела увидеть на тебе фиолетовый. Это подчеркнет твои черные волосы и серые глаза.

Черт, нет.

— Нет. Я возьму черный.

— Да ладно тебе, Хлоя! Почему ты всегда носишь черное?

— Я не знаю. — Ей пришлось глубоко задуматься на секунду. — Наверное, я ношу черное, потому что оно не привлекает ко мне больше внимания. Мне кажется, что если я буду носить цветное, это заставит людей больше обращать на меня внимание.

— Вы двое идеально подходите друг другу, — пробормотала Мария себе под нос, слишком тихо, чтобы Хлоя могла расслышать.

— Что ты сказала?

— Ничего. — Она улыбнулась и взяла еще два маленьких бутылечка с лаком. — Может быть, ты хотя бы пойдешь мне навстречу?

Хлоя уставилась на два цвета, которые она выбрала. Один был очень темным фиолетовым, а другой — темно-темно-синим. Оба были близки к черному.

— Ладно, — проворчала она.

— Выбирай тот, который тебе больше нравится. — В любом случае, это не имеет значения. Она никуда не пойдет.

— Ура! Мне нравится этот. Неудивительно, но она протянула ей темно-фиолетовый.

Открыв лак, Хлоя начала жалеть о своем решении, когда он оказался не таким близким к черному, как она думала. Она почти решила взять черный, но не хотела снова вступать в спор с Марией, зная, что Мария победит, как она всегда делала, когда хотела чего-то очень сильно.

Начав красить ногти в розовый нюд, Мария задала вопрос, на который Хлоя не рассчитывала. — Так тебе действительно здесь не нравится?

Ошеломленная, Хлоя вопросительно посмотрела на нее.

— Ты собираешься рассказать Луке?

— Нет. — Ее лицо выражало явную возможную ложь.

Хлоя указала на потолок, где находились возможные камеры. — Драго нас слышит?

— Нет. — Это была еще одна возможная ложь.

Хлоя посмотрела на нее, пытаясь определить, правда это или нет, прежде чем сдаться.

— Если бы Лука не удерживал меня против моей воли и позволил бы мне поговорить с Элли, тогда я... могла бы не ненавидеть его. Но это сильное желание.

— Он тебе нравится?

Она не просто так это сказала!

— Что!

Подув на ногти, Мария без труда уточнила.

— Тебе, ну, знаешь, нравится Лука?

— Ты серьезно спрашиваешь меня, нравится ли мне сумасшедший — и пугающий, добавлю, — мужчина, который держит меня в заложниках? — Я в стране ла-ла? Что, черт возьми, происходит?

Мария подняла руки.

— Боже, ладно. Я просто спросила. Каждая девушка сразу же влюбляется в Луку, поэтому мне просто интересно, не запала ли и ты на него.

Каждая девушка влюбляется в... Нет, мне все равно.

Голос Марии изменился, став почти зловещим, когда она спросила:

— Ты уверена, что тебя держат в заложниках?

Она тоже сумасшедшая, как и он?

— О чем ты говоришь, Мария? Он не позволяет мне уйти. Драго следит за каждым моим движением. На что это похоже?

— Прости, я просто... Неважно. Прости. Ты права.

Странное чувство нахлынуло на нее, она не понимала, почему Мария ничуть не обеспокоена. Как будто она привыкла, что Лука так поступает, как будто это нормальное поведение, как будто это его работа или что-то в этом роде.

— Лука — вице-президент отеля-казино? — Слова словно вырвались у нее изо рта.

Мария разразилась смехом.

— Забавный способ сказать об этом. Кто тебе это сказал?

Когда она опустила кисточку во флакон с лаком для ногтей, по ее спине пробежал холодок.

— Сэл.

Когда Мария посмотрела на Хлою, она увидела серьезное выражение на ее лице.

— Черт. Он еще не сказал тебе.

Теперь холод охватил все ее тело.

— Что он мне не сказал?

— Тебе действительно нужно спросить об этом у Луки.

— Именно это мне и сказал Сэл, — прошептала она.

Закрыв бутылочку с лаком для ногтей, Мария положила ее обратно в набор.

— Да, не просто так.

Хлоя покачала головой.

— Нет, я хочу, чтобы ты мне рассказала.

Мария покачала головой.

— Ни за что.

— Пожалуйста, ты мой друг, Мария.

Глядя на нее, Мария, казалось, что-то обдумывала, прежде чем встать.

— Пойдем со мной.

Что за...?

— Поторопись, — сказала она ей, быстро направляясь к лестнице и заставляя ее следовать за собой.

Взбежав за ней по лестнице, они вошли в огромную ванную комнату наверху.

Закрыв за собой дверь, Мария заперла ее на ключ, отчего Хлое стало еще холоднее, чем было.

— Ты захочешь присесть для этого.

Присев на край ванны, Хлоя почувствовала, что сейчас потеряет сознание.

— Почему мы пришли сюда?

— В ванной нет ни видео, ни аудио наблюдения, — сказала она, как будто в этом не было ничего особенного.

— Ты сказала, что он нас не слышит!

— Да, ну, я солгала. — Мария положила руки на бедра. — Так ты хочешь знать или нет?

Нет. Теперь она была уверена, что не хочет, судя по тому, как Мария себя вела, но именно по этой причине она, вероятно, должна знать.

Затаив дыхание, она произнесла слово, о котором вскоре пожалела.

— Да.

Двадцать

Затишье перед бурей

Закрыв за собой дверь, Лука достал ключи, чтобы запереть свой пентхаус в отеле-казино, когда услышал, как за его спиной открывается дверь на другом конце коридора. Обернувшись, он увидел Неро, Эль, Винсента, Лейк, Адалин и Амо, выходящих из пентхауса Неро.

Повернувшись к двери и поняв, что он опоздал или опоздал на минуту, он вставил ключ в замок и запер его.

— Привет, Лука! — Адалин выскользнула из-за парней с огромной улыбкой на лице.

Проклятье. Он слишком устал для этого и просто хотел попасть домой.

Вставляя следующий ключ в верхний замок, он не обернулся, когда сказал:

— Привет.

Следующим из-за спины Винсента и Неро выскользнула Лейк.

— Ты убедился, что твой дом заперт, раз это теперь охраняемая

территория.

Чтобы уберечься от любопытных, маленьких засранцев...

— Почему я никогда не видела внутренности твоего дома? Ты был там, Неро? — Эль тоже вышла из-за спин мальчиков.

Наконец, Лука повернулся, прислонился к двери и скрестил руки. Он посмотрел на Неро, надеясь, что тот солжет.

Элль, Лейк и Адалин нетерпеливо повернули головы в сторону Неро.

Винсент тоже смотрел на него с сомнением.

Затем Амо тоже повернулся.

Неро с жалостью посмотрел на Лукку.

— Нет.

Я убью тебя на хрен. Его младший брат, на самом деле, не лгал за него.

— Это довольно странно...

Винсент схватил Лейк, чтобы заткнуть ее.

— Да...

Неро сделал то же самое со своей девушкой.

— Ты даже не пустил собственного брата к себе домой, — заявил Амо.

Лука сжал челюсть, уставившись на Амо. Перед ним возникла картина, как он выкалывает глаза Амо. Всего одно моргание заставило удовлетворенное жуткое видение исчезнуть, после чего он спокойно посмотрел на Элль.

— Он выглядит так же, как твой и Неро, только перевернутый. Нет причин видеть это.

— Я уверена, что он оформлен по-другому. Неужели никто не видел? — спросила Лейк, прожигая взглядом дыру в двери, как будто надеялась, что у нее вдруг появится рентгеновское зрение.

— Я видела, как Сэл выходил оттуда раньше, но только он один, и это было всего один раз, — сказала ей Элль.

— Может быть, у него есть второй вход? — ответила Лейк, как будто его там и не было.

Лука одарил Неро и Винсента взглядом смерти.

— Очевидно, что Лука любит уединение, и мы должны уважать это, — заявила Адалин.

Он слабо улыбнулся ей в ответ. — Спасибо, Адалин. — Услышав, возможно, пару обмороков, он начал идти к лифту.

Девушки последовали за ним, когда он вошел в лифт, пропуская одного из своих людей, который смеялся, глядя в пол.

— Мы пойдем в закусную, чтобы перекусить, если ты голоден, — предложила Адалин.

— Нет, спасибо. Я приготовлю что-нибудь, когда вернусь домой.

Поторопись, мать твою. Он не успел ввести код достаточно быстро, чтобы доставить их на первый этаж, когда Амо, наконец, затащил свою задницу в лифт.

— Хм... Это странно, — прошептала Лейк достаточно громко, чтобы все услышали.

Черт возьми, что теперь? Кажется, что двери никогда не закроются.

— Что? — любопытствовала Элль вместе с Адалин.

— Наверное, то, что я сам готовлю свою гребаную еду, — проворчал он любопытным девушкам. Хлоя была практически шокирована тем, что он знает, как вскипятить воду.

— Нет. — Лейк улыбнулась слишком лукаво, прежде чем продолжить: — У тебя мокрые волосы. Кто принимает душ в одном из своих домов только для того, чтобы уйти в другой? Должно быть, ты сильно испачкалась... — хихикнула она.

— Хм... Что ты там делал? — Элль хихикнула вместе с ней.

Я сверну их маленькие гребаные шеи...

— Наверное, у него есть второй вход для его женщин, — сказал Амо низким тоном, но не настолько низким, чтобы они все не услышали.

Перед ним промелькнула мысль о том, чтобы перерезать слепому Амо горло своим

перочинным ножом, но, к сожалению, исчезла после того, как он моргнуул.

— Тебе стоит завести такой же, Амо, чтобы мне не приходилось видеть гребаный мусор, который ты приносишь к себе домой каждую ночь.

В лифте воцарилась гробовая тишина от его слов.

Амо не открывал рта, явно слишком разозленный и шокированный тем, что Лука узнал о девушках, которых он приводил домой посреди ночи.

Лука еще не закончил с ним.

Наблюдая за тем, как цифры мигают все ниже и ниже, он знал, что двери откроются в любую секунду. Он ждал до самого конца, прежде чем в последний раз посмотреть на Амо и спросить:

— Как там Хлоя?

В его мыслях можно было практически увидеть, как Амо убивает его, именно таким, каким он был. Это был вопрос, на который он не мог ответить, учитывая, что телефон Хлои был у Луки с тех пор, как он забрал ее. Бесчисленные сообщения и телефонные звонки Амо оставались без ответа.

Теперь Лука был рад, что не убил его. Это было гораздо лучше.

— С ней все хорошо. — Элли нервно пыталась снять напряжение между ними.

Наконец, двери начали открываться, и он дал свой ответ Амо, продолжая смотреть на него.

— Приятно слышать.

Лука выпустил девушек первыми, и когда Амо прошел мимо, на лице Луки появилась зловещая ухмылка.

Когда перед ним появилось другое видение, оно не было связано с ужасным способом убить Амо. Это было совсем другое. Видение, которое вскоре должно было сбыться, когда Амо наконец узнает, что Хлоя — его.

После того, как он отдал заказ официантке, аппетит Амо, казалось, исчез. Он действительно исчез в лифте с Лукой.

Сидя в конце стола, он не обращал внимания на смех своей группы. Ему даже не очень хотелось быть здесь, но он столько раз отказывал им с тех пор, как Хлоя уехала в Калифорнию, что не хотел, чтобы они подумали, что он сломался. Хотя так оно и было.

Как будто часть его самого ушла вместе с ней, чтобы никогда не вернуться, пока не вернется она.

Амо снова и снова прокручивал в голове ту ночь, когда все пошло прахом. Ночь, которая заставила ее уехать в Калифорнию раньше...

Амо наблюдал за Хлоей с другой стороны торгового центра, пока она забирала свой чемодан. Она уезжала завтра, а он еще даже не сказал ей о своих чувствах к ней. Он был глупцом, что ждал так долго, но он боялся спугнуть ее. Это должно было произойти в нужное время.

Увидев, как Хлоя начала выходить из магазина, он не мог поверить, что провел с ней три с половиной года в средней школе и ни разу не посмотрел на ее шрамы. Он будет сожалеть об этих трех с половиной годах до самой смерти.

Он почувствовал минутное умиротворение, глядя на нее издалека. У него перехватило дыхание, но это было лишь на мгновение.

Бах. Бах.

Затишье перед бурей прошло, и красота, которую он ощущал, смылась. Теперь остались только ужас и страх...

Он резко встал, и за столом воцарилась тишина.

— Я сейчас вернусь.

Амо направился к выходу из закуской, нуждаясь в свежем воздухе. Как только это произошло, он почувствовал, что снова может дышать...

Он широко раскрыл руки, наблюдая, как Хлоя бежит к нему. Он был так близок... так близок к тому, чтобы спасти ее. Только когда ее тело столкнулось с его телом, он понял, что задержал дыхание.

Обхватив ее руками, он впервые смог прикоснуться к девушке, которая украла его сердце. Буря прошла, и на ее месте была настоящая красота, о существовании которой вы даже не подозревали.

Он прижался к ней, планируя никогда не отпустить.

— Я держу тебя.

Это был тот знак, который был ему нужен, чтобы сказать ей о своих чувствах. Она выбрала его...

Когда рядом с ним открылась дверь, он повернулся, чтобы увидеть Элли, выходящую на улицу.

— Еда должна быть готова с минуты на минуту.

— Я буду через минуту, — сказал он ей.

Она не сделала ни малейшего движения, чтобы войти внутрь. Вместо этого она посмотрела вниз на свои ноги.

— Мне жаль, что она не хочет с тобой разговаривать.

— Это не твоя вина, Элли. Это моя. — На минуту между ними воцарилось молчание, прежде чем он заговорил снова: — Она действительно в порядке? — Это убивало его, когда он не знал, действительно ли она в порядке или нет.

Ее голос стал болезненным.

— Думаю, да. Я пишу ей каждый день, но пока не могу уговорить ее поговорить со мной по телефону.

— Ты вообще не разговаривала с ней по телефону?

Элли покачала головой.

В его голове прозвучал сигнал тревоги.

— Пусть она поговорит с тобой по телефону. Убедись, что с ней все в порядке.

— Хорошо, — прошептала она.

— Заходи, здесь холодно. Я сейчас приду.

Идя к двери, Элли остановилась, и на ее глаза навернулись слезы. — Я думала, ты уговоришь ее остаться. Я думала, что ты действительно сделаешь это, когда я потерпела неудачу. Оказалось, что никто из нас не способен спасти ее.

Ему пришлось отвернуться, его собственное зрение стало размытым...

— Подожди, — остановил он ее, чтобы она не покинула его машину так внезапно.

— Оставайся и иди в колледж здесь... с Элли и Лейк. Я могу взять несколько уроков. Кто будет провожать тебя на занятия, когда ни Элли, ни меня там не будет?

Хлоя даже не смогла посмотреть на него.

— Мне придется привыкнуть быть одной.

Он попытался снова:

— Но если ты останешься здесь, тебе не придется.

— Элли больше не придется присматривать за мной. Наконец-то она сможет наслаждаться учебой без моего вмешательства. Я хочу этого для нее.

С каждым ее словом он начинал понимать, что, что бы там ни произошло, когда она бросилась к нему в объятия, все было не так, как он думал.

— А как же ты? А как же я?

Она все еще не могла заставить себя посмотреть на него.

— Я приспособлюсь. Это будет хорошо для меня. У тебя есть Неро, Винсент и твои работа в казино, и ты будешь так занят, что даже не вспомнишь обо мне.

— Я буду помнить тебя... — Он был едва в состоянии говорить.

Перемена в ней началась тогда. — Что ты провозжал меня на занятия в течение нескольких месяцев? Что моя лучшая подруга — девушка твоего друга?

Он хлопнул рукой по рулю, и все начало выходить наружу.

— Ты не похожа ни на одну другую девушку, которую я знаю, Хлоя. — Он сделал вдох, чтобы успокоиться, прежде чем прошептать, почему она должна... почему она должна остаться здесь с ним: — Я люблю тебя.

Хлоя выскочила из машины и побежала к своей входной двери.

— Блядь, подожди! — Амо бежал за ней. Она должна была выслушать. Она должна была остаться!

— Мы друзья, Амо. Если я останусь... Я не могу. Я никогда не стану той, кто тебе нужен. Тебе нужна девушка вроде Элли или Лейк. Даже такая девушка, как Кассандра, была бы лучше меня. Ты любишь быть со своими друзьями, а я люблю быть одна. Вот почему я ухожу.

Это была очевидная ложь. Он понял это в тот момент, когда это сорвалось с ее губ. Она уезжала, потому что боялась. Боялась этого города. Боялась того, что случилось с ней четыре года назад. Боялась его. Боялась, что впервые в жизни ее могут полюбить.

Его голос стал мягким.

— Никто не любит быть одиноким.

— Я ненормальная, я ненормальная.

Тогда он понял это. Он сделал то, чего боялся сделать. Он отпугнул ее.

— Ты сам так сказал.

Сердце Амо упало в желудок, он вспомнил первый курс, когда она пришла в столовую со свежими шрамами.

«Чертова уродина!» — заорал он, заставив обеденный зал разразиться хохотом от эха слова «уродина».

Теперь он не мог смотреть на нее, стыдясь поступка своего молодого «я». Он даже не понял, что она это помнит, и что это он выкрикнул. Она поверила ему, простила его за тот больной комментарий, хотя он еще не простил себя.

— Почему ты ничего не сказал?

— А что я должна была сказать? — Хлоя начала открывать дверь, готовая закрыть ее. — Пока, Амо.

Он почувствовал, как она ускользает.

Со слезами на глазах он сказал ей:

— Я не хотел этого.

— Все в порядке, Амо. Мы квиты. Я назвала тебя зверем. — Ее голос прозвучал

спокойно, когда она вошла в дом, хотя он видел, как слезы начали проступать на ее глазах.

Когда она начала закрывать дверь, он в глубине души понял, что видит ее в последний раз. Однако он не знал, что это также будет последний раз, когда он услышит ее милый голос.

— Меня не исправить. Ни ты. Ни кто-либо другой. Я просто сломана.

Закрывая перед ним дверь, она закрывала ее навсегда.

Слезы катились по его щекам, и он не знал, о ком он плачет больше: о себе или о ней, потому что он не смог ее спасти...

Амо не хотел, чтобы слезы падали из его глаз, как в ту ночь. Она ушла, но не навсегда. Я спасу ее.

Двадцать один

На ее тело претендовал Бугимен

Хлоя сидела, застыв на месте, когда ее мир медленно рушился вокруг нее. Она знала, что ей чего-то не хватало последние семь месяцев, и теперь все обрело смысл. Это было похоже на головоломку, которую она не могла решить, потому что ей не хватало последнего кусочка, и Мария только что дала ей его.

Она знала все. Как все началось с Эльль, как они столкнулись в мире мафии.

— Все это время все знали, кроме меня? — прошептала она, предательство ударило ее по лицу. — Амо знал...? Эльль знала, и она не сказала мне?

— Она защищала тебя. Мы все пытались защитить тебя, Хлоя. Мы не были уверены, что ты справишься с этим, — сказала ей Мария.

Услышав, как внизу хлопнула дверь, Хлоя вскочила.

Мария встала с края ванны.

— Лука знает, что я тебе рассказала, и, судя по тому, как хлопнула дверь, он недоволен. Подчиненный босса...

Ее тело дрожало, когда она пыталась встать.

— Не оставляй меня с ним наедине.

— Я же сказала тебе, он не причинит тебе вреда, Хлоя. Я не думаю, что ты понимаешь, что ты для него значишь.

Они могли слышать, как он поднимается по ступенькам, и от этого страх проникал в нее еще быстрее.

— Ты должна сказать Эльль, что он держит меня у себя. — Но, черт возьми, после того, как она узнала, что представляет собой Лука, Эльль не сможет ее спасти. — Амо, скажи Амо. Он спасет меня. Пожалуйста, Мария!

Покачивая головой, Мария не поддавалась на ее умоляющий взгляд.

— Я не могу.

Нет, ты можешь! Ей хотелось встряхнуть ее. Это должна была быть ее подруга, но девушка перед ней не была ею.

— Что значит «не можешь»? Он держит меня в заложниках.

Дверная ручка начала покачиваться.

— Это не то, что ты думаешь. Ты здесь не просто так, Хлоя, — прошептала Мария.

— Открой дверь, Мария, — раздался мрачный голос Луки с другой стороны двери.

— Что это значит? — прошептала она в ответ.

Его голос стал опасно темнее.

— Открой эту дверь сейчас же, Мария.

— Мне жаль, — это все, что сказала Мария, направляясь к двери.

Пожалуйста, нет.

Рука Марии повернула замок, и дверь начала медленно открываться.

Его взгляд упал на Хлою, его голос прозвучал командным низким рычанием:

— Спускайся вниз и жди в моем кабинете.

— Она заслужила знать. Она хотела услышать это от друга. Ты должен был сказать ей не...

Он шикнул на сестру и прорычал:

— Теперь, Хлоя, — немного резче.

Было невозможно не послушаться его, и она ненавидела, что ноги сами начали выводить ее из помещения.

Затаив дыхание, она смотрела в его холодные голубые глаза, от которых лед пробежал по ее венам. *Как я этого не заметила?* Мафия практически сочилась от него. От него исходил крик босса. Бугимен... Теперь она знала, почему они дали ему это имя.

Когда он наконец перевел взгляд с нее на Марию, она смогла быстрее передвигаться.

Сбежав по ступенькам, она приготовилась выбежать через парадную дверь, когда дорогу ей преградил недовольный Драго.

— Кабинет, — огрызнулся он, словно точно знал, о чем она думает.

Ничего не оставалось, как смириться со своей участью, и она направилась к кабинету Луки, надеясь, что он не станет обижать собственную сестру и отпустит ее. Тогда, может быть, Мария жжалится над ней и расскажет Амо о ее похищении.

В его кабинете она села и начала разминать руки. Когда через некоторое время дверь кабинета открылась, ее руки были почти сырыми. Ей не нужно было оборачиваться, чтобы понять, кто это был. Не нужно было видеть его, чтобы почувствовать его присутствие.

Лука занял место за столом, молча глядя на нее.

Взглянув на руки, она со всей силы сжала их.

— Ты причинил ей боль?

— Я думал об этом, — сказал он. — Но нет. Драго отвезет ее домой.

Ее охватило облегчение от того, что с Марией все в порядке. В то же время она была в ужасе от того, что он так честно признался, что эта мысль приходила ему в голову. Теперь у нее оставалась последняя надежда, и она зависела от Марии. *Пожалуйста, скажи Амо. Он должен спасти меня.*

Он откинулся в кресле.

— Скажи мне, дорогая, почему ты боишься меня сейчас больше, чем раньше?

— Потому что теперь я знаю тебя настоящего, — прошептала она.

Он поднял брови.

— Разве я не показывал тебе себя настоящего с того самого момента, как встретил тебя?

Она подняла глаза и посмотрела на него. Его глаза вернулись к сине-зеленому оттенку, который пленил ее с их первой встречи в беседке, как и его грубая внешность. Он не был похож на других: он был темнее других, и да, она всегда это знала.

— Но теперь я знаю правду, которую мне никто не сказал, потому что они думали, что защищают меня.

Никто не является тем, кем кажется. Она не чувствовала себя такой одинокой с тех пор, как впервые получила свои шрамы.

— Все, что тебе нужно было сделать, это спросить. Я бы рассказал тебе все и обо всем, что ты хотела знать обо мне, о семье. Я сказал тебе, что никогда не солгу тебе, и я это серьезно. Ты просто слишком боялась спросить, потому что тогда это было бы реальностью. Вот почему я ждал, когда ты спросишь меня. Я хотел, чтобы ты была готова к правде.

Ее глаза вернулись на колени, и она поняла, что он прав. Именно поэтому она не спросила его.

— И да, они думали, что защищают тебя, но я с этим не согласен. Они лгали тебе: притворялись теми, кем не были. Я никогда не лгал. Я с самого начала дал понять, кто я такой. Я всегда хотел, чтобы ты видела меня таким, какой я есть, Хлоя.

Она вспомнила ту ночь, когда он несколько раз ударил битой по безжизненному телу, и как он смотрел прямо ей в глаза, показывая свое истинное «я»...

Мысль, предназначенная только для нее, пронеслась мимо ее губ:

— Ты убийца.

— Да, я убийца. Я убил многих и еще больше пытал. — Темный голос заполнил пространство между ними.

Хлоя продолжала сжимать свои измученные руки от того, что в нем проявился монстр. Ей нужно было уйти от него. Далеко, далеко.

Пытаясь успокоить себя, она начала повторять слова:

— Амо придет за мной.

Голос Луки стал смертельно опасным.

— Он тоже убийца, дорогая.

Она начала трясти головой, не желая слышать это.

— Он убивал, как и Неро с Винсентом.

Она еще сильнее замотала головой, отказываясь в это верить.

— Нет, Элль не была бы с...

— Она научилась принимать это, как и ты. — Он сказал это так, как будто это было обещание.

— Амо не такой, как ты.

— Нет, не такой, — согласился он. — Амо притворяется тем, кем он не является с тобой.

Она снова покачала головой, не веря.

Она повторила слова своей последней надежды:

— Он спасет меня.

Встав, он подошел к другой стороне стола, возвышаясь над ней.

— Ты думаешь, Амо спасет тебя от меня? — Он взял прядь ее волос, крепко намотав ее на палец.

Ее дыхание перехватило в горле, слова больше не могли вырваться наружу.

— Посмотри на меня, — приказал он.

Когда она отказалась, он потянул за темный шелк, который держал в плену.

Хлоя медленно подняла свои серые глаза, встретившись с его сине-зелеными глазами сквозь ресницы.

— Никто не заберет тебя у меня, дорогая. — Еще раз погладив ее по волосам, он притянул ее ближе к себе. — Ты моя, Хлоя Мастерс. Ты была моей с того момента, как я

увидел твоё покрытое шрамами лицо. Ты просто не знала об этом.

Четыре долгих года её тело принадлежало тому, кого она считала самым отвратительным из существ, но теперь она чувствовала, как старые узлы, наложенные на неё дьяволом, разрываются, и на их место приходят новые цепи. Эти цепи были тяжелее, крепче, показывая ей, что она попала в руки более злого существа. Её телом завладел бугимен.

Распутывая прядь вокруг пальца, он был так близко, почти касаясь кончиками пальцев её шеи.

Зажмурив глаза, она ждала этого момента, момента, когда он наконец прикоснется к ней. Но проходили секунды, а он все не наступал.

Открыв глаза, она обнаружила, что он уже исчез. Однако цепи все еще были на месте, такие же тяжелые, такие же крепкие.

Двадцать два

Это было оно: время пришло

Хлоя боролась с кошмарами каждую ночь после последнего раза, но не сегодня. Её тело теперь принадлежало одному монстру, а разум и душа — другому. Она позволила своим демонам прийти за ней, и бороться с ними больше не было смысла...

Её последняя надежда на спасение от дьявола исчезла. Никто не придет её спасти, а если кто-то и придет, то будет уже слишком поздно. Спасти её сейчас означало бы, что кто-то худший должен был забрать её душу у дьявола и присвоить её себе. Однако такого человека не должно было существовать, а если бы он существовал, то это было бы вовсе не спасение...

— Хлоя..... Хлоя, проснись, и все будет хорошо. — Повторение этих слов вывело её из кошмара.

Открыв глаза, она увидела Луку, сидящего на краю кровати и играющего с кончиками своих волос, которые лежали на подушке.

Испугавшись, она быстро села, отстраняясь от него — кошмары и усталость не помогали.

— Ты действительно думаешь, что я причиню тебе боль, дорогая? После того, как увидел тебя такой?

«Я не думаю, что ты понимаешь, что ты для него значишь» — слова Марии эхом отдавались в её голове.

Сжав кулаки, она коснулась ногтями ладоней и поморщилась от боли.

— Что случилось? — Лука начал изучать её.

— Н-ничего.

Включив прикроватную лампу, он оглянулся на неё и увидел, что её сжатые кулаки окрасились в розовый цвет.

— Дай мне посмотреть на них.

— Я... я...

— Или дай мне их, или я сделаю это сам, — оборвал он её.

Проглотив комок в горле, она разжала руки, обнажив воспаленные и окровавленные ладони.

Не говоря ни слова, он встал и вышел из комнаты.

Прошло несколько минут, прежде чем он вернулся с коробкой. Вернувшись на край кровати, он открыл ее и обнаружил аптечку.

— Подвинься ко мне поближе, — приказал он мелодичным голосом.

Она послушалась его, придвинувшись чуть ближе. Либо так, либо он сам подвинет ее.

— Теперь ты позволишь мне прикоснуться к тебе, дорогая. — Он не спрашивал разрешения, он говорил ей.

— Н-нет. — Она попыталась отстраниться, но он прижался к ней, положив обе руки по обе стороны от нее и не давая ей пространства. Бежать некуда.

Голос, который когда-то был мелодичным, стал темным и властным.

— Теперь ты позволишь мне прикоснуться к тебе.

Она закрыла глаза, затаив дыхание. Вот и все: время пришло.

Застыв как только можно, она почувствовала, как холодные кончики пальцев слегка коснулись ее раскаленных рук. Его холодные пальцы перевернули ее и стали успокаивающе гладить ладони.

Открыв глаза, она увидела, что Лука полностью сосредоточен на ее коже. Казалось, он запоминал ее руки: его холодные кончики пальцев гладили воспаленные участки, осторожно обходя порезы.

Его руки оставили ее, он полез в аптечку и налил спирт на подушечку. Когда холодные прикосновения вернулись, она слегка отпрыгнула назад, заставив его посмотреть ей в глаза.

Посмотрев в его глаза, она увидела, что теперь они полностью зеленые, без малейшего следа синевы.

— Это будет больно.

Она медленно кивнула, не в силах отвести взгляд от его зеленых глубин.

Теперь, когда он прикасался к ней, она не отстранялась от его прикосновений. Она обнаружила, что не может отвести от него взгляд. Она как будто увидела его с другой стороны.

Он отвел взгляд от ее глаз, вернув свое внимание к ее рукам. Ключья его темных волос, которые обычно были убраны назад, упали перед его лицом. Он беспечно оставил их там, пока ухаживал за ее руками. Это выглядело так, будто... ему не все равно, если это вообще возможно.

Когда он проводил подушечкой пальца по порезам, было жгуче, но физическая боль больше не беспокоила ее. Она не могла сравниться с душевной болью, которую она испытывала и продолжала испытывать.

Лука не спеша протер каждый порез, стараясь не пропустить ни одной открытой раны. Он снова полез в ящик, достал мазь и начал наносить ее на обе ладони.

Мазь хорошо ощущалась на ее сырой коже, как и его легкое, ледяное прикосновение. Она все еще была заморожена мужчиной, находившимся перед ней.

Затем он не спеша обернул каждую руку белой марлей. После того как она была закреплена, он провел пальцем по одному из ее накрашенных ногтей.

— Мне нравится этот цвет.

Чувствуя необходимость объяснить темно-фиолетовый оттенок, она сказала:

— Его выбрала Мария.

— Он хорошо смотрится на фоне твоей светлой кожи, — пробормотал он.

Хлоя словно вынырнула из оцепенения, когда его пальцы задержались на ее пальцах еще на мгновение. Она быстро отдернула руки, не в силах больше выносить его близость.

Неужели я только что позволила ему...? Она тяжело сглотнула, не понимая, как она позволила ему прикоснуться к себе так долго.

Когда он собрал свой чемодан, его зеленые глаза исчезли, вместе с его мягким поведением.

— Я хочу, чтобы ты подстригла ногти завтра, когда проснешься. — Он встал, выключив прикроватную лампу. — Засыпай.

Тяжело дыша, она легла обратно, переместившись на середину кровати и укрывшись одеялом, как будто это могло защитить ее от него.

Она смотрела, как его темная фигура прошла через ее комнату в ванную, где он закрыл за собой дверь.

Пытаясь замедлить дыхание, она делала длинные, глубокие вдохи. «Ты позволишь мне прикоснуться к тебе сейчас...»

Она все еще чувствовала ледяное прикосновение, которое гладило ее больные ладони, словно на них отпечатались его движения. Она должна была бы восстать против его прикосновений, но вместо этого он словно наложил на нее чары.

Она слышала, как в ванной течет вода, и этот звук принес ей успокоение.

«Засыпай...»

Еще один долгий, глубокий вдох, и она закрыла глаза, погружаясь в дремоту. Было очевидно, что его чары все еще действуют на нее.

Лука вымыл руки, затем плеснул холодной водой на лицо, пытаясь взять себя в руки. Прикоснуться к ней, пока она смотрела, было лучше, чем все, что он когда-либо испытывал в своей жизни. Он прикоснулся ко многим женщинам, но ни с одной не испытывал таких ощущений, как с ней.

Если ему придется провести остаток жизни, имея возможность просто прикоснуться к ней, он сделает это. Даже если это означало, что его темная сторона никогда не успокоится от извращенных вещей, которые он хотел сделать с ней, он мог жить с этим.

Это было все, что он мог сделать, чтобы не вернуться туда и не сделать все заново.

«Сделай это», — шептала его тьма.

Отталкивая влажными руками волосы, он попытался отогнать образ того, как проводит пальцами по ее шрамам.

«Ты знаешь, что хочешь...»

— Заткнись, — сурово прошептал он себе в зеркало.

Как бы ему этого ни хотелось, сейчас было не время. Благодаря Марии она боялась его больше, чем когда-либо. Он хотел быть тем, кто скажет ей, когда она будет готова принять его таким, какой он есть. Теперь все, ради чего он старался, чтобы ей было комфортно с ним, чтобы она доверяла ему, вылетело в окно, и он начал все с начала.

Подойдя к двери в ванную, он выключил свет и открыл дверь, заглянул в комнату и увидел, что Хлоя уже крепко спит.

Он тихонько сел на стул в углу. Откинувшись назад, он устроился поудобнее, не желая снова оставлять ее наедине с кошмарами.

Она практически уничтожила свои руки, и у него было чувство, что он виноват в этом, заставив ее столкнуться с пугающей правдой в его кабинете.

Понимая, что завел ее слишком далеко, он оставил ее в покое, позволив ей удалиться в безопасное место в своей комнате. Вместо этого она превратила ее в ад, занимаясь вредом.

Никогда больше.

Лука не мог не вспомнить то, что повторяла Хлоя. «Амо придет за мной... Он спасет меня»

Для человека, который не должен был ничего чувствовать, эти слова глубоко ранили его. Она еще не могла этого видеть: она даже не знала, что именно это он пытается сделать.

Двадцать три

Мы видим только то, что хотим видеть

Когда Хлоя проснулась на следующее утро, она чувствовала себя так, будто восстала из мёртвых. Ее руки болели, а разум был затуманен от чистого изнеможения. Если бы она не заснула так крепко после прихода Луки, она не знала, в каком состоянии был бы ее разум.

Приподнявшись в постели, она увидела, что уже десять минут одиннадцатого, гораздо позже, чем она привыкла просыпаться.

Ее взгляд упал на не сломанную музыкальную шкатулку, которую ей подарила Лука. Затем они переместились на серебряные щипчики для ногтей, которых она раньше не видела.

Она вспомнила просьбу, с которой он обратился к ней вчера вечером, и поняла, что он, должно быть, положил их туда, чтобы убедиться, что она подстрижет ногти. Обычно она оставляла их немного длинными, ей так нравилось. Это была плохая нервная привычка, к которой она приспособилась, — разминание рук, которое превращалось в то, что её ногти впиваются в кожу, когда она была напугана. Она не могла объяснить, почему она это делает.

Не желая расставаться со своими ногтями и выполнять все просьбы Луки, она проигнорировала его, и пошла в ванную, чтобы смыть с себя вчерашние ужасы.

Она быстро воспользовалась ванной, почистила зубы, а затем заскочила в душ. Выйдя из душа, она заметила мазь, которую Лука использовал вчера вечером, а также новый бинт на стойке в ванной.

Почему? Она никогда не поймет его и не поймет, почему он делает то, что делает. Даже если это был заботливый жест, он все равно исходил от ненормального человека.

Посмотрев на свои больные и распухшие руки, она увидела, что давно не причиняла себе столько вреда. Она решила, что лучше всего использовать те средства, которые он приготовил.

Одевшись, она направилась вниз, решив, что там безопасно, так как Лука уже несколько часов как на работе. Однако она поняла, что ошиблась, когда спустилась вниз и увидела, что Лука на кухне, готовит.

Когда она уже собиралась развернуться, он поднял голову и увидел ее.

— Доброе утро.

— Доброе утро. — Не желая открыто убежать от него, она заметила свой ноутбук на кухонном острове, где оставила его в последний раз, и решила вернуться с ним наверх.

Взяв его, она повернулась, но его голос остановил ее.

— Обед почти готов.

— Я не очень хо...

— Я не спрашивал, голодна ли ты, дорогая. Теперь садись.

Она не знала, почему она решила, что сможет убежать от него.

Повернувшись обратно, ее тело выполнило его приказ.

Лука оторвал взгляд от плиты и посмотрел на нее.

— Ты подстригла ногти?

Она приблизила руки к телу, пытаясь спрятать их.

— Мне не нравятся короткие ногти.

Подойдя к ней, он полез в карман и достал маленькие щипчики для ногтей, положив их перед ней.

— Я не позволю тебе сделать это с собой снова, Хлоя. Я хочу, чтобы они были короткими. Ты поняла?

Она кивнула, снова потерпев поражение.

Его голос, казалось, стал мягче. — Когда ты преодолеешь привычку, ты сможешь отрастить их снова.

Прикусив губу, она снова кивнула.

— Хорошо.

Он еще секунду смотрел на нее, а затем вернулся к плите, чтобы закончить приготовление обеда.

Хлоя взяла щипчики и начала подстригать ногти так коротко, как только могла. Она понимала, почему Лука заставляет ее это делать. Это было то, что она должна была заставить себя сделать уже давно. Она просто ненавидела то, что ее тело чувствовало необходимость угодить ему, независимо от того, как сильно ее разум хотел бороться с этим. Что-то в Луке всегда звало ее тело к нему, но разум знал лучше, всегда понимая, насколько он опасен.

Время от времени она поглядывала на него, чтобы посмотреть, как он готовит. Затем она возвращала взгляд к тому, что делала, когда обнаруживала, что он задерживается. Каждый раз, когда она смотрела, она говорила себе, что это в последний раз, но его не случилось. Когда он готовил, его лицо выражало ту же заботу и внимание, что и вчера вечером, когда он ухаживал за ее руками. Ей было слишком трудно не наблюдать за ним, когда он был таким. Это было редкостью и неожиданностью для такого мужчины, как он.

Закончив с ногтями, она убрала со стола и выбросила обрезки, после чего села обратно и обнаружила, что чизбургер и картофель фри уже ждут ее. Хлоя заправила свой бургер приправами, которые он положил, заняв место рядом с ней со своей тарелкой. Она съела бесчисленное количество чизбургеров, но, откусив кусочек, вынуждена была признать, что этот был чертовски хорош. Конечно, так и есть.

В этот момент он действительно начал действовать ей на нервы.

Хлоя прикончила свою еду в рекордное время, не зная, было ли это потому, что было так вкусно, или потому, что она хотела убежать наверх.

— С-спасибо. Это было вкусно.

— Я рад, что тебе понравилось, дорогая. — Он улыбнулся, забирая их пустые тарелки.

Она потянулась к ноутбуку, более чем готовая подняться наверх.

— Я взял выходной, чтобы закончить с садом, — сказал он ей, ставя посуду в раковину.

Она замерла, забыв об этом. Неудивительно, что он здесь.

— Ты все еще хочешь присоединиться ко мне? — спросил он не приказным тоном. Сжимая в руках ноутбук, она изо всех сил старалась солгать.

— У меня много учебных заданий, которые я должна сделать.

— Хорошо, дорогая. Я просто подумал, что тебе будет приятно подышать свежим

воздухом. Но если ежедневное пребывание в доме тебя не беспокоит, тогда я понимаю.

— У меня просто много работы, — попыталась соврать она, хотя знала, что это чушь. Не из-за того, что произошло прошлой ночью, а потому что он специально привел Сэла, чтобы помочь ей с работой в школе, чтобы у неё всё получилось. Черт возьми... Она начинала чувствовать себя плохо!

Он улыбнулся, прислонившись к кухонной стойке.

— Я же сказал, что понимаю, дорогая. Иди и сделай свою учебную работу. Это важнее.

Он саркастичен или просто чертовски мил?

Прикусив губу, она пыталась решить. *Что он пытается сделать со мной?*

Она встряхнула головой, надеясь, что это прогонит мысли, и направилась к лестнице, не желая поддаваться чувству вины за то, что не хочет провести день в саду с чертовым убийцей.

— Ладно, пока.

Смеясь над ее резким уходом, он повысил голос, чтобы она могла слышать его, пока бежит. — Хорошо, надеюсь, ты успеешь сделать много работы, дорогая.

Вбежав в свою комнату, она закрыла за собой дверь и поставила ноутбук на маленький стол в своей комнате. Ух! «Надеюсь, ты успеешь сделать много работы, дорогая». Что это вообще значит?

Что бы Лука ни пытался с ней сделать, она на это не купилась. Он был сумасшедшим, и точка.

Сев в кресло, она открыла ноутбук, чтобы посмотреть, что ей нужно выполнить. Ничего из того, что ей нужно было сделать, не требовалось, поэтому она сидела и крутила пальцами, стараясь не думать о нем. Наконец, она решила решить несколько задач по математике для предстоящего теста, чтобы проверить, понимает ли она то, чему учил ее Сэл.

Она не проработала над задачами и десяти минут, когда открылось окно чата.

Как продвигается вычисление?

Закатив глаза, она подумала, что это очень удобно.

Это Лука попросил тебя проверить, делаю ли я уроки?

Подумав, она спросила:

Это Лука?

Что? Нет? Что-то случилось? Ха-ха.

Прежде чем ответить, она встала, чтобы выглянуть в окно. Лука уже была в саду, грязный и усердно работающий. Ну... Черт. Это просто убило ее теорию.

Вернувшись к компьютеру, она перечитала его ответ, ей не понравился смех, который он добавил к сообщению, но она знала, что он, скорее всего, улыбается на другом конце компьютера.

Набирая текст на клавиатуре, она хотела, чтобы он знал, что она больше не купится на его невинный способ объяснения мафии.

Вице-президент, да?

Ну, я пытался тебя немного предупредить, но ты не услышала.

Это неправда.

Это неправда!

Я дал тебе ту версию, которую ты хотела услышать, не так ли?

Уставившись на клавиатуру, она тут же набрала букву "Н", но не смогла закончить слово, зная в глубине души, что он прав.

Мы слышим только то, что хотим слышать, и видим только то, что хотим видеть, Хлоя.

Ее взгляд метнулся к окну, ее мысли были заняты Лукой, прежде чем она вернула глаза к компьютеру и напечатала:

Ты все еще лгал мне, как и всем остальным.

Лука солгал тебе?

Она прикусила губу, не в силах солгать.

Нет.

Если уж на то пошло, он был слишком честен.

Тогда в чем проблема?

В том, что он сумасшедший. Подчиненный босса. Держит меня в заложниках. Это был лишь короткий список, но она не собиралась говорить об этом его лучшему другу.

Ни в чем.

Ты уверена в этом? Ха-ха.

Да!

Тогда ладно, если ты уверена.

Уф, она, должно быть, вообще не понимает парней, потому что не знала, был ли это

сарказм или нет.

Постукивая пальцами, она думала, что есть кое-что, о чем она гадала с тех пор, как узнала о мафии. Гений Сэл заинтриговал ее, и она хотела узнать, что он на самом деле делает для них, поскольку не думала, что он занимается только безопасностью.

Чем ты на самом деле занимаешься? По-настоящему?

Терпеливо ожидая ответа, она получила его только через несколько минут, и это было совсем не то, чего она ожидала, хотя и должна была.

Я его правая рука.

Она точно знала, о ком он говорит.

Значит, ты помогаешь ему попадать в неприятности?

Или я помогаю ему выбраться из них.

Оставался последний вопрос, на который она хотела знать ответ. Она просто не знала, как его задать. После прошлой ночи, когда Лука говорил об Амо, как будто он ничем не отличался от него, и что Неро и Винсент тоже не отличались, она должна была спросить:

Можно ли быть хорошим, но при этом быть в мафии?

Думаю, тебе придется это выяснить.

Хлоя отошла от компьютера, подошла к окну и посмотрела на Луку в саду. У него было такое выражение лица, словно он заботился о том, что делает, тщательно концентрируясь на задании, как будто это было самым важным делом на свете. И хотя она не хотела признавать этого, ей нравился его взгляд. Он подходил ему. И каждый раз, когда она наблюдала за ним, когда у него был такой взгляд, она чувствовала себя полностью замороженной.

Чем больше она смотрела на него снаружи, вне этих стен, тем больше они начинали ее беспокоить. «Я просто подумал, что тебе будет приятно подышать свежим воздухом. Но если ежедневное пребывание в доме тебя не беспокоит, тогда я тебя понимаю».

Она поспешно вернулась к своему столу. Нет, нет, нет, нет, нет.

Она посмотрела в сторону окна, где светило солнце. *Не делай этого. Не слушай его.*

Птицы начали щебетать, пролетая мимо ее окна...

Глядя вниз, она не чувствовала ничего, кроме поражения. *Проклятье!*

Двадцать четыре

Самая прекрасная тюрьма

Как только она открыла дверь, глаза Луки встретились с ее глазами, и самая красивая улыбка коснулась его губ. Он прекратил свои занятия, опустился на пятки и стал ждать ее.

С каждым шагом в сад солнце и ветер начинали подхватывать ее, делая поражение менее болезненным.

Она остановилась, стоя в футе от него. Можно было подумать, что она должна смотреть на него сверху вниз, учитывая, что он лежал на земле, но на самом деле это было не так. Макушка его головы оказалась у нее на груди. Ее маленький рост только заставлял ее чувствовать себя еще более ущербной по сравнению с ним.

У нее вырвался беспомощный вздох.

— Я... я передумала.

Он просто продолжал улыбаться. — Хорошо, дорогая.

Его ответ был таким, какого она не ожидала. Она ждала момента, когда он скажет: «Я же тебе говорил», но этого не произошло.

Сняв перчатки, он оставил их в грязи, затем встал и сократил расстояние между ними. Он встал перед ней и протянул руки. — Могу я увидеть твои руки? — Это не было приказом. Он вежливо попросил разрешения.

Она должна была сказать «нет», повернуться и уйти, но ее тело не хотело этого делать.

Подняв забинтованные руки, она протянула к нему ладони.

Сделав последний маленький шаг к ней, он медленно подставил одну из своих рук под ее руку. Ее рука слегка дрогнула, когда его кончики пальцев коснулись ее. Она обнаружила, что они были очень теплыми из-за перчаток.

Она крепко держала свою руку поверх его, в то время как он другой рукой оттягивал повязку, чтобы внимательно рассмотреть ее ладонь.

Почему я позволяю ему...

Вот так он вернул повязку на место, а затем взял ее за другую руку и повторил процесс. И снова он держал ее руку всего несколько секунд, осматривая ее и возвращая бинт на место, после чего убрал свои руки от ее руки. Он не задерживался и не прикасался к ней достаточно долго, чтобы она испугалась.

Лука подошел к ведру и выбрал пару мягких садовых перчаток. Затем он вернулся к ней, расправил отверстие в перчатке, чтобы она могла легко просунуть руку.

Она снова протянула правую руку, и он начал осторожно надевать перчатку поверх повязки.

— Я не хочу, чтобы ты слишком часто двигала руками, так что не спеши.

Кивнув, она протянула левую руку.

— Если они начнут болеть или даже побаливать, я хочу, чтобы ты остановилась, дорогая.

— Хорошо.

— Тогда ты можешь просто остаться здесь, составить мне компанию и наслаждаться тем, что ты не дома. — Ухмыляясь, он убедился, что вторая перчатка закреплена.

Когда он убрал свою руку с ее, она не могла не улыбнуться ему в ответ. Ей нравилось, что она позволяла ему прикасаться к себе, и что он не злоупотреблял этим.

Лука вернулся к грязи, надел перчатки и принялся за работу.

Смущение — это все, что она теперь знала. Она никогда не понимала Луку, а теперь не понимала себя. Чем дольше она оставалась здесь, тем больше запутывалась.

Работая вместе с ним в саду, она делала то, о чем ее просили, бережно относясь к своим рукам и не перетруждая их в течение дня. Иногда она просто сидела там, любуясь красотой всего этого. Что-то в этом саду так хорошо подходило к ней. Он вызывал в ней неопишное

чувство, которого она раньше не испытывала. Она чувствовала себя как дома. Хотя она не должна была. Она должна была чувствовать себя как в тюрьме, но это было не так. А если и так, то это была самая прекрасная тюрьма, которую она когда-либо видела.

В ее мире таких мест не существовало, но здесь, по какой-то причине, они были.

Хлоя перевела взгляд на потного Луку, который убирал инструменты. *Что ты хочешь от меня?* Ничего. Ей нечего было ему предложить. Чего он хотел или ожидал от нее, она не знала, но знала, что его ждет разочарование, когда он узнает, что ей нечего предложить. Хлоя надеялась, что он отпустит ее целой и невредимой, когда узнает об этом.

После того как Лука убрал все принадлежности, он сел рядом с ней, чтобы посмотреть, как его тяжелая работа воплощается в жизнь.

— Что ты думаешь, дорогая?

— Это прекрасно, — прошептала она.

— Весной, когда появятся цветы, будет еще красивее.

Для нее это не имело значения. Ей нравилось, как он выглядит на всех стадиях. Она только жалела, что не могла увидеть его до смерти его матери.

— Могу я задать тебе вопрос?

Он повернулся к ней.

— Я же сказал тебе, ты можешь спрашивать меня о чем угодно, Хлоя.

— На что это было похоже, когда твоя...? — Она запнулась, не в силах произнести вопрос, боясь, что это может его расстроить.

— Когда твоя мама заботилась о нем?

Он кивнул.

Лука окинул взглядом просторы огромного двора.

— Он выглядел более полным, здоровым и даже казался ярче. Большинство цветов погибло вместе с ней. Я заставил некоторые из них вырасти снова, но другие я все еще пытаюсь.

Она не сомневалась, что однажды ему удастся вернуть все на прежний уровень, если не лучше. Изменения, которые она заметила с тех пор, как впервые увидела его, были радикальными.

Ей нравилось слушать о его матери. Это заставляло его казаться более... человечным. Глядя на него, она хотела услышать больше, надеясь, что это поможет ей понять, почему он был таким, каким был.

— Ты расскажешь мне, какой она была?

— Ее звали Мелисса, у нее были светлые волосы, как у Марии, и зеленые глаза, как у Неро. Она была самым милым и добрым человеком, которого только можно было встретить, и все ее любили. Быть дома с детьми и садом — это все, чего она когда-либо хотела или в чем нуждалась. — Его глаза потемнели, а голос стал мрачным. — Никто из нас не заслуживал ее, ни мой отец, ни особенно я. Она была такой милой, что я не могу представить, каково было ей когда её первый ребёнок родился чудовищем. — Он сделал небольшую паузу, прежде чем продолжить: — Но ни разу она не любила меня меньше, даже когда видела меня в худшем виде.

Хлоя тихо сидела рядом с ним, не зная, что сказать человеку, который считал себя чудовищем. Не было ни слов, ни утешения, которое она могла бы дать, чтобы помочь ему пережить потерю матери. Она могла сказать, что он любил ее, но не была уверена, знает ли он об этом в глубине души, потому что считал себя лишенным чувств.

Некоторое время они сидели в тишине, ни один из них не хотел разрушать то, что было перед ними или между ними. Она не знала, сколько прошло времени, прежде чем он заговорил.

— Я собираюсь привести себя в порядок, а потом приступить к ужину. Не торопись.

Он собирался покинуть ее, но она должна была сказать ему что-то прежде, чем он это сделает.

— Лука...?

Он остановился, глядя вниз на нее, туда, где она сидела в траве.

Было трудно отвести взгляд от океана цветов, которые колыхались на ветру, напоминая ей волны, на Луку, но она хотела, чтобы он увидел, что она имеет в виду каждое слово.

— Если бы она все еще была здесь, я думаю, она была бы довольна тем, что ты сделал. Ей бы понравилось здесь, так же как и мне.

Было очевидно, как сильно он хотел протянуть руку и коснуться ее в этот момент, но он не сделал этого, удовлетворенный словами, которые она дала ему.

— Я тоже так думаю, дорогая.

Хлоя продолжала сидеть и смотреть, как он уходит. С каждым шагом, который он делал, удаляясь от нее, она чувствовала, что сад становится все более красивым.

Двадцать пять

За все приходится платить

Когда перед ней поставили тарелку с фрикадельками и спагетти, она не могла не улыбнуться.

Лука заметил это, когда сел рядом с ней со своей тарелкой.

— Все в порядке?

— Да. — В этом-то все и дело. Каждый день он готовил ей ужин, и каждый раз это было блюдо, которое ей нравилось. Однако ни разу он не спросил ее, что ей нравится или не нравится. Он всегда, как ни странно, знал. — Спагетти с фрикадельками — вообще-то одно из моих любимых блюд.

Он выглядел довольным.

— Что ж, хорошо. Надеюсь, тебе понравится.

Взяв свою посуду, она откусила кусочек спагетти, зная, что это будет вкусно, но не настолько, насколько вкусным он показался ей в ту же секунду, как оказался во рту. Она должна была догадаться, основываясь только на том факте, что он итальянец.

— Это лучшее, что я когда-либо ела.

— Спасибо, дорогая. — Разрезая фрикадельку, он спросил: — Какое твое любимое блюдо?

Хм. Ей пришлось на мгновение задуматься. Это был трудный вопрос, когда перед тобой была вкусная еда, а ты не была привередливым едоком.

— Это сложно, но я думаю, что мое любимое блюдо — это чили.

Он, казалось, не поверил в это, так как сделал сомнительное лицо.

— Чили?

Она сделала недоверчивое лицо в ответ.

— Что не так с чили?

— Я просто никогда не слышал, чтобы кто-то говорил, что его любимое блюдо — чили. Не думаю, что я когда-либо пробовал достаточно хороший чили, чтобы он мне понравился.

Подумав об этом, она тоже никогда не слышала, чтобы кому-то он так сильно нравился. Казалось, что это одна из тех вещей, без которых можно прожить, в отличие от пиццы или картошки фри.

— Ну, когда это правильное чили, это одно из лучших блюд, которое можно попробовать.

— Что тебе в нем нравится? — спросил он с любопытством.

— На самом деле я не знаю. — Она погрузилась в размышления, пытаясь понять это до того, как ее осенит.

— Оно просто заставляет меня чувствовать себя тепло и дома, я думаю... И счастливой. Я чувствую себя счастливой, когда ем это. Это странно?

Посмотрев на нее зелеными глазами, он покачал головой.

— Нет, дорогая.

— Я думаю, мне так нравится это блюдо, потому что это единственное, что моя мама умела готовить. — Ее мама украли рецепт у своей сестры, и только поэтому он получился вкусным.

— Я никогда не готовил его раньше, но я попробую сделать его для тебя.

— Все в порядке. Я не хочу...

— Нет, я хочу. Я не могу обещать, что это будет хорошо, но я хочу попробовать для тебя.

— Хорошо. С-спасибо. — Она улыбнулась и вернулась к еде.

Остаток трапезы прошел в молчании. Это было слишком вкусно, чтобы продолжать разговор. Это действительно были лучшие спагетти, которые она когда-либо ела, вплоть до последнего кусочка.

Только когда последний кусочек был съеден и Лука встал, она поняла, что будет дальше.

Она нервно поднялась и взяла свою тарелку.

— Я могу отнести это в раковину и помыть за тобой посуду.

— Все в порядке, дорогая. Я не хочу, чтобы ты испачкала свои чистые бинты.

Когда тарелка выскользнула из ее рук, она почувствовала, что ее надежда на то, что ей не придется сидеть рядом с ним, улетучилась. Она привыкла сидеть так близко к нему на полу каждый вечер, но это будет впервые с тех пор, как она узнала, чем он зарабатывает на жизнь. Она чувствовала, что в этот раз все будет по-другому, потому что он начал прикасаться к ней.

Лука поставил посуду в раковину и прошел в гостиную, заняв свое место в большом кожаном кресле и положив подушку для нее рядом с его ногами.

Она не сдвинулась ни на дюйм.

— Иди сюда, Хлоя, — приказал он, чувствуя ее нервы.

Ее тело двигалось, как всегда, по его требованию, не останавливаясь, пока она не выполнила его просьбу, усевшись на подушку рядом с ним. Она сидела неловко, прижавшись к его широко расставленной ноге ближе, чем обычно.

— Ты весь день прекрасно себя вела рядом со мной, дорогая: почему ты так нервничаешь сейчас?

Он прав, сказала она себе в шоке. Она нервничала рядом с ним, когда только спустилась вниз, но когда она вышла с ним в сад, все было в порядке. Возможно, дело было в

спокойствию, царившем на улице, или даже в его сегодняшнем спокойствии. Однако, когда пришло время сидеть здесь с ним, все изменилось.

Сжав руки вместе, она пожалела, что не может их сжать.

— Потому что я знаю, что ты ждал этого весь день.

Когда Лука потянулся вниз и собрал прядь ее волос, она почувствовала, как его холодные пальцы так легко коснулись ее шеи, заставляя ее сомневаться, действительно ли это произошло или нет.

— Откуда ты знаешь? — мрачно спросил он, начиная крутить ее волосы.

— Я просто чувствую это. — В своих костях.

— Знаешь, почему мне нравится сидеть здесь с тобой вот так каждую ночь?

Она покачала головой, не зная, хочет ли она услышать ответ.

— Это расслабляет меня. Успокаивает меня... — Он сделал паузу, плотнее наматывая волосы на палец. — И это успокаивает тьму.

— Тьму? — прошептала она, задыхаясь.

— Та часть во мне, которая шепчет, чтобы я делал очень темные вещи. —

Повернувшись, она снова посмотрела на леденящего душу мужчину.

— Та часть, которая делает тебя боссом?

Лука кивнула.

Отвернувшись от него, не желая смотреть на него, когда он отвечал, она спросила:

— Как ты стал боссом?

— Моя фамилия и мой отец. Только мужчины с фамилией Карузо могут занимать должность босса или младшего босса. То, что я первенец своего отца, закрепило мое положение, так как мой отец был младшим боссом до того, как занял место своего отца. Так было на протяжении многих поколений.

Она оглянулась на него, потрясенная информацией, которую он ей сообщил.

— Значит, однажды ты займешь место своего отца?

Он провел большим пальцем по темному шелку, ощущая его мягкую текстуру.

— Да.

Она должна была ожидать, что он так поступит, но какая-то часть ее сознания словно заблокировала это, не желая, чтобы он продолжал вести опасный образ жизни.

— Тогда кто займет твоё место в качестве младшего босса? — Каждый вопрос, который она задавала, и каждый ответ, который он давал, вызывал только новые вопросы.

— Это зависит от того, когда я займу его место. Скорее всего, это будет Неро, если он захочет.

— О." — Интересно, знает ли Эльль об этом? — Сколько тебе было лет, когда ты стал младшим боссом?

— Мой отец назначил Энцо своим младшим боссом, пока я не был готов. Он не носил фамилию Карузо, поэтому я занял его место, когда мне исполнился двадцать один год.

— Они сделали тебя младшим боссом так рано?

Он улыбнулся ее явному беспокойству.

— Ну, я стал полноправным членом, когда мне было семнадцать.

— Стал? Ты даже не был взрослым. — Она не думала, что можно стать еще более шокированной.

— Да, когда ты становишься полноправным, ты должен быть совершеннолетним, но я был исключением.

Хлоя сглотнула.

— П-почему?

— Я сделал кое-что, что отпугнет тебя от меня, если я расскажу тебе. — Он распутал ее волосы и снова намотал их на палец. — Может быть, когда-нибудь я расскажу тебе, дорогая, но не сегодня.

Отведя от него взгляд, она была более чем благодарна, что он не сказал ей, зная, что, что бы это ни было, оно должно было быть ужасным, чтобы его сделали младшим боссом в таком молодом возрасте.

— Что ты делаешь в качестве младшего босса?

— Я слежу за тем, чтобы в семье все шло гладко, и чтобы мои люди были в порядке, наряду со многими другими вещами.

Она вспомнила, как Сэл рассказывал ей, что дал Неро, Амо и Винсенту их работу.

— Какую работу ты поручил Амо? — спросила она.

На его лице появилась улыбка.

— Почему ты спрашиваешь об этом?

— Сэл сказал мне, что он работает на нижнем уровне в казино.

— Правда? — спросил он, все еще улыбаясь. — Сэл говорил с тобой о семье?

— Да. Ну, вроде того. — Она посмотрела вниз на свои руки. — Он сказал мне, что ты вице-президент.

Лука откинул голову назад, смеясь, что она не очень ценила, так как это было ценой ее наивности.

— Это не так уж смешно, — сказала она, когда он не перестал смеяться.

— Прости, дорогая. Ты права. — Он издал последний смешок, прежде чем продолжить: — Что Сэл рассказал тебе о работе Амо?

— Ничего особенного. — Она пожала плечами. — Он просто сказал, что ты дал Амо Неро и Винсенту работу на нижнем уровне, но сказал, что Неро и Винсент по какой-то причине хотят, чтобы их перевели. Сэл просил передать, что Амо нравится его работа, и даже Мария сказала, что ему нравится. — Улыбка на его лице еще не исчезла, пока он продолжал крутить ее волосы. — Так и есть, да?

— Да. — Что происходит? Что-то подсказывало ей, что она не захочет услышать, что именно сделал Амо.

— Ну, нижний уровень — это на самом деле подпольное казино. Они вроде как вышибалы.

Она странно посмотрела на него.

— Подпольное казино под казино?

Лука подмигнул.

— Именно.

Нелегальное казино, прикрытое легальным? Чем больше она думала об этом, тем больше в этом было смысла, но в то же время это только больше запутывало ее.

Она бросила попытки понять это. Но ей все равно казалось, что она что-то упустила.

— Что именно делают вышибалы?

— Они дежурят на этаже, следят за клиентами, которые могут не соблюдать правила, а также следят за тем, чтобы клиенты и работники были в безопасности в любое время.

— О, это звучит довольно мило. — Они следят за тем, чтобы все были в безопасности. — Тогда почему Неро и Винсент ненавидят это?

— Тебе придется спросить у них. Я долго думал, чтобы дать им эту должность, и решил, что она понравится им всем, а не только Амо. — Он задумался на секунду. — Ну, Винсенту действительно нравилось там какое-то время... Может быть, однажды я покажу тебе это место, и ты сможешь сама все узнать.

Хлоя секунду смотрела на него, думая, что он выглядит ужасно невинно, но она не знала почему.

— Ты не дашь Неро и Винсенту новую работу?

Его невинное выражение лица быстро сменилось зловещим.

— Я могу, но это не значит, что я хочу или что я буду. Они должны работать с самого низа, как и все остальные.

Она могла понять, что они новички в семье и не должны получать особого отношения. По крайней мере, Амо счастлив.

Ее разум мгновенно переключился на грустные мысли о том, что ее заперли здесь без друзей.

Прислонившись спиной к дивану, она снова сидела скованно, не замечая, что расслабилась и что его темные джинсы касались ее руки, которую она внезапно убрала.

Аромат сильной, чистой мяты коснулся ее носа. Он был таким свежим и прохладным, почти одуряющим. Вдохнув поглубже, она поняла, что это его запах.

До сих пор она никогда не замечала его запаха. Она все еще чувствовала свой собственный цветочный запах, так как они оба приняли душ после сада, но он поблек, и теперь ее окружал только запах Луки.

Лука потрепал волосы, которые он держал.

— Что случилось, дорогая?

Сжав руки вместе, она хотела бы разжать их, но не могла из-за повязок. Не желая говорить ему, что ей нравится, как он пахнет, и что ей от этого не по себе, она нервно сказала ему полуправду.

— Я скучаю по ним.

Он замолчал, но продолжал крутить ее волосы. Затем его голос, наконец, достиг ее ушей.

— Ты хочешь поговорить с ней?

Повернувшись, она посмотрела на него, удивленная этим вопросом больше, чем всему остальному, что он сказал за весь вечер.

— Элли? Ты позволишь мне поговорить с ней?

Еще до того, как он произнес эти слова, она поняла, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой. За все приходится платить.

— Да, дорогая... Но ты должна дать мне кое-что взамен.

Двадцать шесть

Проводит кончиками пальцев по шраму

— Чего ты хочешь? — прошептала она, жалея, что спросила.

— Ты должна позволить мне прикоснуться к тебе... — Отпустив прядь, которую он держал, он наклонился. Затем он поднял руку к шраму на ее лице и провел по нему пальцами на расстоянии нескольких дюймов. — Вот.

Ее колотящееся сердце стучало в ушах.

— Если я скажу «да», ты позволишь мне поговорить с Элли?

Откинувшись на спинку стула, он убрал руку, которая была в опасной близости от ее лица.

— Да, но только на несколько минут, дорогая.

— Почему ты мне разрешаешь? — В это было слишком трудно поверить, даже если он и получал от этого что-то. До этого момента Лука доказал, что все, что он хочет, он берет.

— Я достаточно долго отталкивал ее смс-сообщениями, а теперь она требует телефонного звонка. Она поймет, что что-то не так, если я не позволю тебе поговорить с ней.

— Я-я сделаю это.

Может быть, я смогу предупредить ее.

Он словно почувствовал, о чем она думает. Тогда его глаза потемнели.

— Я буду рядом и буду слушать, так что ты не сможешь ничего предпринять, Хлоя. Ты должна заставить ее поверить, что ты в Калифорнии. Ты понимаешь?

«Ты должна заставить ее поверить, что ты в Калифорнии». Она прекрасно понимала, что это значит, зная, что Лука не откажется навредить Элли.

— Д-да.

Его глаза снова изменились, смягчившись.

— Если ты сможешь это сделать, я позволю тебе говорить с ней время от времени.

— Правда? — Она не могла не почувствовать унцию надежды.

— Если это сделает тебя счастливой, — он провел пальцами по пряди ее шелковистых волос, — то да, дорогая.

Улыбаясь ему, она не могла поверить, что за то короткое время, что она провела здесь, она привыкла к тому, что он прикасается к ее волосам. Хлоя доверяла ему, даже когда он очень близок к ее коже.

Вытащив из кармана телефон, он набрал контакт Элли.

— Готова?

Нет!

Она как-то умудрилась кивнуть, молча надеясь, что у нее все получится.

Набрав номер, Лука передал ей телефон.

Держать мобильный телефон, к которому она не прикасалась несколько недель, у уха было почти непривычно. Она слушала звонок, ожидая, пока Элли возьмет трубку, и делала глубокие вдохи, пытаясь успокоиться. Наконец, на одном из последних возможных звонков трубку взял милый и счастливый голос, которого она не слышала уже слишком давно.

— Алло!

Она почувствовала, что призрачные слезы хотят упасть из ее глаз. Это было неопишимо, как она была счастлива.

— Хлоя...? — Волнение в голосе Элли начало угасать.

Хлоя боялась говорить: боялась, что голос предаст ее и встревожит Элли.

Она почувствовала, что ее волосы шевелятся, и, приглядевшись, увидела, что Лука наматывает прядь. Глядя на нее и чувствуя, как повторяющиеся движения успокаивают ее, она успокоилась настолько, что смогла заговорить.

— Привет, Элли.

— Я так рада, что ты позвонила мне, Хлоя. Я так по тебе скучала. — На другом конце

провода Элли была очень эмоциональна.

Сосредоточившись на его руке, крутящей ее волосы, она держала себя в руках.

— Я знаю. Я тоже по тебе скучала. И до сих пор скучаю.

Элли фыркнула, а потом рассмеялась. — Как ты? Как учеба? Расскажи мне все!

— Все идет хорошо, — сказала она ей, не желая преувеличивать.

— Просто все по-другому, я думаю, и ты здесь не со мной, но у меня все хорошо. Учеба не дает мне скучать.

— Все относится к тебе хорошо? — спросила Элли. Это было то, о чем она, очевидно, беспокоилась больше всего.

Хлоя подняла глаза к лицу Луки.

— Да, здесь никто не пристаёт ко мне и не называет меня уродиной.

— О, слава Богу. — Казалось, с ее подруги свалился груз. — Я так беспокоилась об этом.

— Теперь твоя очередь рассказать мне все. Как дела в колледже?

Хлоя слушала, как Элли рассказывает ей обо всем, что она пропустила, и о том, какой была ее жизнь в колледже. Она ожидала, что Лука уберет телефон, ведь он сказал, что осталось всего несколько минут, но он этого не сделал, казалось, довольствуясь тем, что слушал ее голос и играл с ее волосами. Странно, но ей это показалось даже приятным.

— Как Калифорния? Погода такая хорошая, как кажется? — спросила Элли после того, как ввела ее в курс всех событий ее жизни.

— Да, тут... эм... солнечно. Погода отличная. — *Я надеюсь.* Не желая больше испытывать судьбу, она решила, что пора закругляться. — Ну, у меня завтра ранним утром...

— Разве ты не отстаешь на три часа? Там не так поздно, я думаю. — Элли говорила так, будто проверяла часы на своем телефоне, чтобы узнать, который час.

Она попыталась быстро подумать.

— Э... да, но мне еще нужно закончить задание.

— О. Хорошо. Я понимаю.

— Я очень скучала по тебе, Элли. Было приятно снова услышать твой голос.

— Мне тоже. Спасибо, что позвонила мне. Я так волновалась за тебя. Эмоции, казалось вернулись к ее подруге.

Хлоя прикусила губу.

— Не волнуйся за меня. У меня все хорошо.

— Обещаешь?

Сделав паузу, она снова затруднилась с ответом, пока Лука легонько не потрепала ее за прядь волос.

— Обещаю.

— Хорошо, теперь я дам тебе закончить работу. Пока, Хлоя. — Было очевидно, как тяжело было ее лучшей подруге прощаться, и ей было не менее тяжело.

— Пока, Элли.

Она отодвинула телефон от уха и завершила разговор. Было очень неприятно возвращать трубку Луке, но она была благодарна за время, которое он ей дал.

Сине-зеленые глаза медленно начали путешествовать по ее шраму, заставляя ее вспомнить, что долг должен быть оплачен.

— Подойди ближе, дорогая, — голос Луки был темным и мелодичным.

У нее перехватило дыхание, когда она увидела, как он раздвинул ноги, давая ей

возможность пройти между ними.

Следуя голосу, она сделала то, что он велел, точно зная, как он хочет ее расположить, просто инстинктивно. Хлоя стояла на коленях перед ним, так близко к его ногам, как только могла, не касаясь их. Закрыв глаза, она опустила ресницы на щеки, ожидая...

Лука переместил руку и провел кончиками пальцев по шраму, украшавшему правую сторону ее лица. Когда холодные, легкие кончики пальцев коснулись вершины шрама, она застыла на месте.

Никто никогда не прикасался к ее шрамам. Она никогда не позволяла никому прикасаться к тому, что было настолько личным для нее. И вот теперь она позволяла самому опасному и пугающему человеку, которого когда-либо встречала, прикасаться к тому, что было дано ей человеком, таким же, как он.

Он нежно провел пальцами по ее шраму, который шел над бровью и исчезал прямо под ней. Затем он еще нежнее провел пальцами по ее закрытому веку, создавая ощущение, что это просто ветер прикасается к ней. Когда он дошел до продолжения шрама прямо под ресницами, он сделал паузу.

— Посмотри на меня, Хлоя.

Открыв глаза, она посмотрела в его сине-зеленые глаза, которые постепенно становились все более зелеными, завораживая ее, вместе с его голосом, его присутствием, его ледяным, но мягким прикосновением.

— Я ждал этого самого момента. Двигая кончиками пальцев, он снова начал медленно разглаживать ее шрам. — Я мечтал об этом моменте самые долгие восемь месяцев своей жизни. С тех пор, как я впервые увидел тебя в том магазине, когда ты рассматривала музыкальную шкатулку.

— Мы впервые встретились в беседке... — Ее голос прервался.

— Я наблюдал за тобой неделю до этого, дорогая. — Он продолжал скользить кончиками пальцев вверх и вниз по ее шраму. — Я наблюдал за домом Элль, когда черный BMW подвез ее со школы. У меня было сильное, инстинктивное чувство, что нужно последовать за автомобилем, и, хотя я не понимал этого в тот момент, я послушал свою интуицию. Я все еще не видел твоего лица до того, как последовал за тобой в магазин, но когда ты повернулась, и я увидел твое прекрасное лицо, мир словно замер. Именно тогда я понял, — Лука обхватил ее лицо и большим пальцем провел по шраму, — что ты моя.

Хлоя с замиранием сердца пыталась осмыслить все, что он только что ей сказал.

— Это было все, что я мог сделать, чтобы не взять тебя тогда, там, — признался он.

Ты сделал это, но только через несколько месяцев... Это только заставило ее разум и сердце биться сильнее.

— Ты сказал, что взял меня, чтобы спасти.

— Я спас.

Тогда она почувствовала это. Что-то, чего ей не хватало, встало на место, когда слова Драго пронеслись в ее голове: «Мы оба знаем, каково быть настоящим пленником, Хлоя». Затем слова Марии: «Ты уверена, что тебя держат в заложниках?» И: «Это не то, что ты думаешь. Ты здесь не просто так, Хлоя».

— Почему я здесь? — прошептала она. — Скажи мне, почему я здесь на самом деле.

Все еще поглаживая ее шрам, он покачал головой.

— Я не могу сказать тебе, дорогая, пока не могу.

— Ты сказал мне, что я могу спрашивать тебя о чем угодно. Мне нужно знать, почему я

е...

— Ты можешь, и я отвечу на все, что ты хочешь знать, но не это. Не раньше, чем придет время. — Он еще глубже вдавил свою руку в ее кожу. — Мне нужно, чтобы ты доверяла мне, Хлоя. Сделаешь ли ты это для меня?

Внезапное чувство нахлынуло на нее, когда она посмотрела в его напряженные глаза. Она не могла этого понять. Она только знала, что верит ему, доверяет ему. Это было... инстинктивно.

— Да.

— Ты тоже это чувствуешь, не так ли? — Ему не нужен был ответ, потому что это чувство было общим для них, как связь.

Это чувство появилось с момента знакомства с Лукой, так же как и у него, когда он впервые увидел ее. Она подсознательно отталкивала это сильное чувство, потому что оно пугало ее, но чем больше она находилась рядом с ним, тем оно усиливалось.

Он улыбнулся.

— Мне понадобилась неделя, чтобы понять это, дорогая. Посмотрим, сколько времени понадобится тебе.

— Я... я встретила тебя в беседке через неделю... Ты купил музыкальную шкатулку через неделю.

Лука кивнул.

Она не была уверена, что когда-нибудь захочет узнать, что означает это чувство, и еще больше испугалась его теперь, когда узнала, что он тоже чувствует.

Сделав последний взмах по ее шраму, он отпустил ее.

Потеря была очевидна не только на его лице, но и в его голосе.

— Теперь ты можешь идти спать, дорогая.

Хлоя поднялась с колен, все еще находясь в шоке от произошедшего. — Спокойной ночи, Лука.

— Спокойной ночи, Хлоя.

Шок не покидал ее тело, когда она оставила его и пошла наверх.

В своей комнате она открыла музыкальную шкатулку и слушала прекрасную мелодию, чувствуя, как ее сердце становится все тяжелее, тяжелее, тяжелее, в то время как цепи, которые он надел на ее тело, становятся все легче, легче, легче.

Она потянулась вверх, коснувшись своего шрама. Потерю ощущал не только Лука, но и она сама.

Двадцать семь

Его мечты об удовлетворении своей самой темной потребности должны были быть достаточными

Прокручивая в голове все, что только что произошло, он вспоминал ее голос, ее лицо, ее шрам. Казалось, он все еще чувствовал его на кончиках своих пальцев. Они только что оставили ее лицо, а он уже не мог дождаться следующего раза, когда сможет прикоснуться к ней.

Это была самая эротичная вещь, которую он когда-либо испытывал, а он всего лишь коснулся ее лица.

Лука надеялся, что он сможет контролировать свою темноту, когда наконец позволит себе взять от нее больше. Но для этого должно пройти некоторое время. Не только Хлоя не была готова, но и он сам. Он еще не мог доверить ей свою тьму.

До тех пор ему придется довольствоваться мечтами об удовлетворении своих самых темных потребностей.

Лука чувствовал себя так, словно наверстал упущенное за вчерашний день. Когда он начинал день, ему казалось, что он только вернулся назад. Теперь ему казалось, что он сделал десять шагов вперед.

Ей пришлось столкнуться с чувством, от которого она бежала. И хотя она все еще не понимала его, это был лишь вопрос времени. *Это произойдет, как это произошло со мной...*

Бросив последний взгляд на шрам на ее лице, он не мог дождаться того дня, когда сможет провести по нему пальцами. Прекрасно.

Наблюдая, как ее машина отъезжает от магазина и исчезает, он вернулся к музыкальной шкатулке, на которую она смотрела. Было очевидно, что она много для нее значит.

Он осторожно открыл ее, позволяя колыбельной заиграть еще раз.

Пожилая женщина встала рядом с ним.

— Ко мне только что приходила девушка...

— Я бы хотела приобрести ее. — Слова вырвались сами собой, он знал, что должен быть единственным, кто ее получит.

— Мне жаль, но я вынуждена отказаться. Девушка, которая только что смотрела на нее, кажется, очень хочет ее, поэтому я оставлю шкатулку.

Он закрыл музыкальную шкатулку, заставив всё вокруг замолчать.

— Вы собираетесь отказаться от денег сегодня, даже если она может не вернуться?

— Для нее, да. Попробуйте вернуться через пару недель, и если она ее не заберет, я посмотрю, готова ли я с ней расстаться.

Лука понимающе кивнул. Он уважал эту женщину за то, что она так поступила. Он бы потребовал ее иначе, если бы не видел, как сильно девушка влюбилась в нее.

Уходя, он решил, что если ему суждено получить ее, то она все еще будет там, когда или если он вернется...

Магазин был в пяти минутах от закрытия, когда он вернулся через неделю. Не теряя времени, он подошел к тому месту, где стояла музыкальная шкатулка, и обнаружил, что она все еще там, как будто ее не трогали.

Женщина сразу же заметила его и начала качать головой.

— Мне очень жаль, но прошла всего неделя.

Вытащив бумажник, он положил три тысячи долларов наличными.

Она только снова покачала головой.

Всю прошедшую неделю он думал только о выражении лица Хлои, когда она смотрела на часы, исполняющие колыбельную. Именно так, как он надеялся, она будет смотреть на него однажды.

Он встретил ее сегодня вечером, и хотя она не смотрела на него так, он в глубине души знал, что однажды она так и сделает.

Лука дал ещё одну тысячу.

— Это столько, сколько я готов заплатить.

Казалось, она раздумывала над этим секунду, но только секунду.

— Простите, сэр, но дело не в деньгах.

— Я не уйду отсюда без нее, — сказал он ей с уверенностью, и сильные чувства, которые он испытывал, наконец-то обрели смысл. — Это значит что-то особенное для девушки... которую я люблю, и я должен быть тем, кто подарит это ей.

Двадцать восемь

*Только время покажет
Только время покажет,
Как прошел месяц, проведенный с бугименом,
Запертой от внешнего мира,
пройдет.
Только время покажет,
Как месяц, проведенный с разбитой девушкой, которую он любит,
И которая принадлежит только ему,
Пройдет.
Только время покажет,
Насколько невыносимым это может стать,
И насколько блаженным оно может быть,
Или где-то между ними.
Только время покажет,
Когда месяц подойдет к концу,
Стоит ли повторять это ради нее,
И если это все, о чем он думал.
Будет.*

Двадцать девять

Я иду, Хлоя

Прошел месяц в этих стенах, и то, что раньше казалось тюрьмой, теперь стало казаться убежищем. На протяжении многих лет Хлоя просыпалась каждое утро в страхе перед тем, что принесет день в школе и даже дома. Ее изо дня в день мучили ужасные люди, которые заставляли ее чувствовать себя уродом. Однако монстр, который держал ее здесь, никогда не причинял ей вреда и лишь с каждым днем все меньше заставлял ее чувствовать себя уродом.

Хлоя продолжала проводить свои дни, занимаясь онлайн-уроками, а ночи — с Луккй. С ним было хорошо, спокойно, даже безопасно, и она доверяла ему с тех пор, как узнала, что ее привезли сюда не только потому, что он так захотел.

У нее была причина быть здесь, и это было очевидно для тех немногих, кто знал, что она здесь, а также для ее нутра. Поэтому она останется здесь до тех пор, пока не выполнит свою часть сделки с бугименом. Проблема заключалась в том, сможет ли она уйти, когда все закончится? Даже она сама не знала.

Она привыкла ко многим вещам, но самое страшное из всех...

Лука взял ее за запястье, не давая выйти из кухни.

— Я хочу, чтобы ты кое-что попробовала.

С каждым днем он прикасался к ней все чаще, и она все больше привыкала к этому. Его

цель — помочь ей преодолеть страх прикосновений — работала.

Вначале он всегда спрашивал разрешения или предупреждал ее о предстоящем контакте, но с течением месяца время от времени он прикасался к ней без предупреждения. Сначала это пугало ее до смерти, но чем чаще он это делал, тем лучше она распознавала и запоминала его прикосновения. На долю секунды ее охватывал ужас, но потом она понимала, что это Лука, и страх утихал.

Рука, обхватившая ее запястье, стала тверже, напоминая ей, что это только он.

— Что это?

Подведя ее к плите, он отпустил ее, чтобы открыть кастрюлю. Он окунул ложку в смесь и поднес ее к губам, охлаждая горячее содержимое легким дуновением.

— Ты приготовил мне чили? — спросила она, удивленная таким добрым жестом.

— Не надо так волноваться. Я нашел рецепт в интернете и не уверен, что получится хорошо.

— Пахнет вкусно. — Ей стало теплее уже от одного только запаха.

Когда Лука поднес ложку к ее губам, она позволила ему накормить себя.

Чили был теплым, но...

Прочитав выражение ее лица, он спросил:

— Плохо, да?

Да.

— Н-нет, это... другое.

Положив ложку обратно в кастрюлю, он зачерпнул еще немного чили и откусил сам. И тут же скорчил гримасу.

— Это чертовски отвратительно.

Хлоя начала хихикать.

Улыбаясь ей, он засмеялся вместе с ней.

— Что я тебе говорил о том, что ты мне лжешь, дорогая?

— Прости. Я просто не хотела ранить твои чувства. Все в порядке, — попыталась она утешить его. — Ты не можешь все время быть шеф-поваром.

— Ну, тогда хорошо, что я приготовил это для подстраховки. — Открыв духовку, он показал ей невероятно красивую домашнюю пиццу в стиле шеф-повара.

— Ты серьезно!

Все, что он когда-либо готовил, было безупречно и вкусно. Ну, кроме чили. Впрочем, это компенсировалось пиццей, которая выглядела достойной повара за миллион долларов.

Садовник, шеф-повар, красавец... Он почти идеален. Почти.

— Прости, дорогая. — Он подмигнул. — Все будет готово через некоторое время.

Хлоя игриво закатила глаза, прежде чем сесть за кухонный остров.

Телефон в его кармане начал звонить, и он вытащил его из кармана. Когда он увидел, кто это, он протянул телефон ей.

Улыбаясь, она взяла трубку и ответила:

— Привет, Эль!

— Привет, Хлоя. Как прошел твой день?

Они продолжали разговаривать, рассказывая друг другу о своем дне, как они обычно делали.

Лука позволял ей разговаривать с Эль каждый вечер, доверяя ей так же, как и она ему. Это был хороший обмен и помогал ей чувствовать себя более комфортно и менее отрезанной

от внешнего мира.

Ее прекрасная тюрьма все больше и больше становилась похожа на... дом.

Амо был у Неро и Элли, чтобы узнать, приготовили ли они ужин. Это становилось привычкой — приходить к ним, когда ему отчаянно хотелось есть, а у него дома ничего не было, так как он давно не ходил в магазин. Он притворился, что пришел просто поговорить с Неро, а потом Элли непременно спрашивала, не хочет ли он чего-нибудь поесть. Амо начал думать, что Неро его раскусил.

Когда Неро пригласил его войти, Элли разговаривала по телефону. Ему не потребовалось много времени, чтобы понять, с кем она говорит, и начать подслушивать.

Он никогда не думал, что Хлоя будет игнорировать его так долго. С момента отъезда она ни разу не прислала ему сообщение, не говоря уже о том, чтобы позвонить.

В этом нет никакого смысла. Хлоя была не из тех девушек, которые держат обиду. Она доказала это, когда он узнал, что она знала, что это он назвал ее уродиной.

После ее ухода его охватило странное чувство, которое становилось все сильнее, чем дольше она не выходила с ним на связь. Он не знал, что это такое — ответ был просто недостижим, — но он разберется.

— Здесь становится довольно холодно, — сказала Элли Хлое. Затем ее лицо начало меняться, на нем появилось озабоченное выражение, когда она выслушала ответ Хлои.

— Правда? — Она сделала паузу, слушая собеседницу, и теперь выглядела озадаченной. Затем она поспешно сказала: — О, тогда ладно. Поговорим позже. Пока... —

Отняв трубку от уха, она странно посмотрела на нее. — Это было странно.

Амо сделал шаг в сторону Элли, не заботясь о том, знает ли она, что он подслушивал, — у него сработал каждый сигнал тревоги.

— В чем дело?

— Я думала, что Калифорнию затопило из-за всех этих дождей?

По всем новостям передавали, что в Калифорнии выпало огромное количество осадков. Он даже забеспокоился о Хлое и проверил, сколько осадков выпало в Стэнфорде.

— Да...? — Амо сделал еще один шаг к ней.

Брови Элли сошлись, она все еще смотрела на телефон в полном замешательстве.

— Она сказала, что было солнечно и красиво.

Колесики начали поворачиваться.

— Это не имеет никакого смысла.

— Возможно, она просто не хотела, чтобы ты волновалась, — заметил Неро.

Он посмотрел на Неро, который не выглядел обеспокоенным, а затем снова на Элли.

— Она сказала что-нибудь еще?

— Нет, она просто сказала, что ей нужно идти, потому что ужин закончен.

Амо и Элли явно подумали об одном и том же. Хлоя не умеет готовить. Дома у нее была домработница Лана, которая готовила ей каждый обед с тех пор, как ее отец стал мэром.

— Мне нужно идти. — Он уже почти осязал ответ.

— Элли собирается приготовить ужин: ты уверен, что не хочешь остаться? — спросил Неро, останавливая его.

Амо даже не ответил другу, распахнув дверь и уходя. Поднимаясь на ноги все быстрее и

быстрее, он начал бежать, а вокруг него все вставало на свои места.

Я иду, Хлоя. Я иду, чтобы спасти тебя.

Он только надеялся, что не опоздал.

Тридцать

Смерть Амо

Хлоя сидела на полу рядом с Лукой, как делала это каждый вечер, и его нога в темных джинсах касалась ее руки — еще одна вещь, к которой она привыкла за месяц. Занятие, которое началось с просмотра телевизора, теперь превратилось в разговор. Ей нравилось слушать, как он рассказывает в основном о своей матери и семье. О его работе они говорили только время от времени. Признаться, мафия увлекала ее. Немного.

Они говорили о планах на будущее для сада, когда в комнату ворвался Драго с испуганным выражением лица.

— Подними ее наверх. Здесь кто-то есть.

Лука быстро встал, но ошеломленная, только когда Лука схватил Хлою за руку, она смогла пошевелиться и подняться.

Воздух вокруг нее словно изменился, и она почувствовала, что этот человек пришел за ней. Кто здесь?

Держа ее за руку, Лука повел ее в фойе и к лестнице.

— Кто это? — смогла вымолвить она.

— Это неважно. Мне нужно, чтобы ты пошла в свою комнату и заперла дверь, — сказал ей Лука, пока Драго шел к входной двери и смотрел в глазок.

— П-пожалуйста, скажи мне, кто это. — Она почувствовала, что волочит ноги, пытаясь замедлить Луку.

— У тебя есть около тридцати секунд, чтобы вытащить ее отсюда, — объявил Драго.

Лука подхватил ее и прижал к груди, легко преодолевая ступеньки по две за раз.

Она обхватила его за шею и зажмурила глаза от того, как быстро он бежал с ней по лестнице, боясь, что он может ее уронить. Но он даже близко к этому не подошел. Его телосложение и сила без труда доставили ее на вершину лестницы. Она впервые осознала, насколько он силен и подтянут, почувствовав это в руках, которые держали ее.

Хлоя думала, что он отпустит ее, когда поднимется на второй этаж, но он этого не сделал. Он продолжал держать ее, пока направлялся в ее комнату. Все это было как в тумане, пока он не открыл дверь...

Драго открыл дверь, как только Амо подошел к ней. Он был удивлен, не ожидая, что Драго окажется по другую сторону.

Амо изо всех сил старался не обращать внимания на единственного мужчину, который был больше него в семье. Драго побеждал его только благодаря своему возрасту, проводя годы за годами в спортзале.

— Мне нужно поговорить с Лукой, — сказал он, когда Драго не пошевелился, чтобы впустить его.

— Он не...

Раздался громкий стук, похожий на звук открываемой двери.

— Да, это он. — Амо прошел мимо крупного мужчины.

Внутри, его глаза проследили за лестницей, ведущей в коридор, откуда доносился шум. Адреналин забурлил во всем теле. Он практически чувствовал напряжение в комнате, его страх оказаться правым сбывался.

— Иди и подожди в его кабинете, — сказал Драго, закрывая дверь.

— Во что бы то ни стало, веди. — Амо показал, чтобы он шел первым.

Посмотрев на него долю секунды, Драго окинул его взглядом с ног до головы, после чего направился в гостиную, чтобы проводить его в кабинет.

Амо медленно пошел к лестнице, наблюдая, как спина Драго все больше и больше отдаляется от него. Когда он понял, что может получить достаточную фору, он бросился вверх по лестнице со всей силы.

Я здесь, Хлоя!

— Лука, пожалуйста, скажи мне, кто это, — умоляла она, пока он нес ее в комнату.

— Драго не сказал, да это и не важно. —

Он осторожно положил ее на кровать, затем слегка обхватил ее за шею, заставляя смотреть прямо ему в глаза. — Ты — моя единственная забота, Хлоя. Никто не должен знать, что ты здесь.

Рука, которую он положил ей на горло, была актом обладания, актом, который должен был ее напугать, но не напугал. И его слова были сказаны с такой силой, что она поняла: от этого зависит ее жизнь.

Это была единственная вещь, которая пугала ее — причина, по которой она должна была скрываться.

Поняв это, она нервно кивнула.

Когда он отпустил ее, на его лице появилось выражение, которого она никогда раньше у него не видела. Это был взгляд... боли, такой сырой и реальный, что у нее перехватило дыхание.

Вдруг они услышали шум на лестнице, за которым последовал еще больший шум.

— Оставайся здесь, — прошептал он, прежде чем закрыть за собой дверь.

— Где она, черт возьми! — пронесся сквозь стены знакомый голос.

Ее волосы встали дыбом, когда она спрыгнула с кровати. Амо!

— Какого черта ты делаешь? — шипел на него Лука с другой стороны двери.

— Хлоя! — крикнул Амо еще громче. — Я знаю, что она здесь, ублюдок.

Она двинулась к двери, слыша, как голос Луки стал смертоносным, когда он сказал:

— Как ты, блядь, только что меня назвал?

Она медленно потянулась к дверной ручке. Он убьет его. Лука убьет Амо, если она ничего не сделает.

Голос Амо был теперь по ту сторону двери, он явно стоял перед Лукой.

— Ты слышал меня...

Хлоя распахнула дверь, зная, что если она позволит ему закончить фразу, то в следующий раз услышит смерть Амо.

Амо, который сражался с Лукой один на один, на мгновение испытал полный шок, увидев девушку, которой он признался в любви, а затем его глаза медленно вернулись к

Луке, и чистая ярость просочилась сквозь его черты.

Он сделал шаг к нему.

— Ты, мать твою...

Лука положил сильную руку ему на грудь, не давая приблизиться.

— Тебе нужно взять себя в руки. — В его голосе звучал все тот же смертоносный тон.

Драго, который шел позади Амо и позволял Луке быть с ним, шагнул вперед, оказавшись на расстоянии вытянутой руки от Амо.

Амо посмотрел на двух мужчин, приближавшихся к нему, затем на Хлою, которая в ужасе смотрела на него, сжав кулаки. Он видел, что Драго и Лука хотели, чтобы он успокоился ради Хлои. Но если бы ее здесь не было, он знал, что сейчас, скорее всего, был бы выбит из колеи.

— Ты в порядке? Он причинил тебе боль? — Он обратился прямо к ней, глядя мимо Луки.

Лука быстро переместился, достигнув предела своих возможностей, и прижал Амо к стене на другой стороне помещения. Он держал его за горло, впиваясь рукой в шею Амо. — Ты как никто другой знаешь, что я никогда не причиню ей вреда, — сказал ему Лука убийственным тоном.

Короткие ногти Хлои изо всех сил старались впиться в ладони глубже, чем они уже были. Она, напуганная тем, что вместо того, чтобы услышать смерть Амо, она теперь будет свидетелем собственными глазами.

Сделайте что-нибудь! Новый голос, который она слышала всего пару раз, прозвучал в ее голове, придав ей достаточно сил, чтобы вымолвить несколько слов.

— Лука, п-пожалуйста.

Он не убрал руку с горла Амо, тьма в нем все ближе и ближе подступала к поверхности.

Она попыталась снова, надеясь успокоить тьму.

— Отпусти его... ради меня.

Лука ослабил хватку и предупредил: — Только тронь ее, и я вырву твою чертову глотку.

Каждое слово было произнесено с такой смертоносностью, какой от Луки никогда раньше не было слышно.

Когда Амо кивнул, Лука отпустил его. Затем, пропустив его мимо ушей, он стоял в стороне, пока Амо медленно шел к ней, где она все еще стояла в своей спальне.

Она начала отступать назад, когда Амо подошел к дверной раме.

— Хлоя... — Он сделал паузу. — Я... я скучал по тебе.

Она не могла не посмотреть на Луку, которая стояла позади него, ожидая услышать, что она скажет, так же, как и Амо. Затем ее взгляд переместился на свои сжимающиеся руки.

— Я тоже по тебе скучала, — призналась она.

Амо сократил расстояние между ними.

— Я звонил тебе столько раз, но ты никогда не перезванивала.

Хлоя не была уверена, что она может или не может сказать ему, поэтому она сказала ему полуправду.

— Я хотела, но не знала, что сказать.

Было очевидно, как сильно он хотел прикоснуться к ней, когда он сказал: — Я так беспокоился о тебе. Я знал, что что-то не так, и мне жаль, что я не догадался об этом раньше. Мне так жаль, Хлоя.

Прикусив губу, она еще крепче сжала руки. Она ждала, что он спасет ее в самом начале,

но теперь... теперь он опоздал.

Он протянул к ней руку.

— Пойдем со мной, Хлоя. Я вытащу тебя отсюда.

Она покачала головой. Пожалуйста, иди. Я не хочу снова разбивать тебе сердце. Она не была уверена, что сможет выдержать это во второй раз.

— Почему? — Он сделал еще один шаг к ней, заставив ее отступить назад из-за своей близости.

— Я просто не могу, — прошептала она.

— Нет, ты можешь, Хлоя. — Амо продолжал смотреть вниз на девушку, которая теперь прятала свое лицо под вуалью волос. То, что она не согласилась пойти с ним, приводило его в ярость, он дрожал от гнева и силы, которая требовалась, чтобы контролировать его. — Что он с тобой делает? Что он сделал?

Она подняла на него глаза, желая, чтобы он знал, что Лука не причиняет ей вреда.

— Ничего.

— Я знаю, что он что-то сделал! — Гнев Амо разгорелся с новой силой. Не в силах смириться с тем, что она хочет остаться с Лукой, он схватил ее. — Я вытащу тебя на хрен из...

Она тут же попыталась отпрянуть, его чужое прикосновение показалось ей нежеланным жалом.

Он убрал руку, как только понял, что сделал.

— Мне жаль...

Он не успел договорить, как Лука шагнул к Хлое и оттолкнул ее на полпути через всю комнату.

— Я сказал тебе, что случится, если ты, блядь, прикоснешься к ней. —

Каким-то образом Лука стал еще более смертоносным, чем раньше. Тьма полностью вышла на поверхность, когда он последовал за Амо. Хлоя была уверена, что он убьет его. Он обещал, что убьет, а Лука свои обещания выполняет. Ей оставалось либо смотреть, как умирает ее друг, либо попытаться унять тьму в нем. Оба варианта пугали ее одинаково, но только один из них закончился бы смертью.

Она боялась, что второй вариант навсегда предопределит ее судьбу.

Хлоя начала умолять:

— Пожалуйста, не делай этого. Не делай ему больно. — Закрыв глаза, она потянулась к нему, коснувшись его руки. — Пожалуйста, Лука, не делай ему больно.

Лука перестал, но его тяжелое дыхание и жар, исходившие от его тела, показали ей, что его еще не удалось убедить не вырывать ему глотку. Поэтому она обхватила рукой его сильную руку и придвинулась к нему ближе, касаясь своим телом его тела. Она прижалась к нему изо всех сил, надеясь, что он не шелохнется, боясь, что малейшее движение приведет к смерти Амо.

Наконец открыв глаза, она увидела лицо Амо из-за руки Луки и пожалела, что вообще открыла их.

Хлоя сделала это снова, только гораздо хуже. Теперь она полностью разбила его сердце.

— Отведи его в мой кабинет, — сказал Лука Драго, устремив свой свирепый взгляд вглубь стоящего перед ним человека.

Войдя в комнату, Драго грубо схватил Амо за руку.

Хлоя снова закрыла глаза, спрятавшись за Лукой, не в силах больше смотреть на то, как

разбито сердце Амо. Она попыталась слиться с Лукой, надеясь исчезнуть.

Может быть, она и спасла ему жизнь, но все равно казалось, что она его убила.

Мне так жаль, Амо.

Амо пришлось отвести взгляд от любимой девушки, не в силах смириться с тем, что она прикасается к другому мужчине. До сегодняшнего дня он прикасался к ней всего один раз, когда она бросилась к нему в объятия. Теперь она не могла дождаться, когда он отпустит ее, не могла вынести его прикосновений. Она была полностью отбита, отпрянула от него, как будто он причинил ей боль, как будто он был чудовищем, как будто он держал ее в плену.

Однако этого не произошло, когда она прикоснулась к Луке.

Он чувствовал, как она ускользает сквозь его пальцы.

Амо всегда считал себя на шаг впереди Луки, подружившись с ней, скрывая семью и то, что делало его солдатом, показывая ей только хорошее. У него даже было преимущество — он был ближе к ней по возрасту и защищал ее в школе. Теперь он был уверен, что Лука всегда была на шаг впереди него.

Драго подтолкнул его, заставив идти быстрее по лестнице.

— Это просто пиздец, что он делает; что ты делаешь с ней, — сплюнул Амо человеку позади него.

Драго снова толкнул его.

— Заткнись, блядь. Ты даже не знаешь, о чем говоришь, пареньь.

— Я знаю, что она ни за что на свете не согласилась бы прийти сюда. Она его боится.

— Как ты думаешь, она его боится? — спросил Драго.

Молчание было ему ответом.

— По-моему, она боялась тебя... когда ты прикасался к ней.

Амо перестал идти. Его челюсть сжалась.

— Не будь тупицей. Я надеру тебе задницу, и эта девчонка не сможет меня остановить. — Он толкнул Амо в плечо, чтобы тот снова начал идти.

— Я убью его, — сказал Амо под дых.

Драго быстро втолкнул его в кабинет, закрыв за ним дверь.

— Ты гребаный тупица, раз даже подумал об этих словах, не говоря уже о том, что они вырвались из твоего гребаного рта, — сказал он Амо с предупреждающим видом.

— Что, ты собираешься сказать ему? Лука — это твоя семья?

Драго схватил его за куртку.

— Собери свое дерьмо. Тогда, может быть, когда он спустится сюда, он избавит тебя от твоей гребаной жизни.

Амо плюнул ему в лицо.

— Он поганый кусок дерьма, который не должен быть рядом с ней. Он забрал девушку, которую я люблю, и ты сумасшедший, если думаешь, что я уйду отсюда без нее.

Отпустив его, Драго рассмеялся ему в лицо.

— Тебе лучше молиться Богу, чтобы эта девушка сделала все возможное, чтобы спасти твою задницу.

Ублюдок! Мысль о том, что Хлоя там, наверху, трогает Луку, привела его в ярость.

Амо хотел ударить Драго, но тот схватил кулак Амо, сжав его так сильно, что Амо почувствовал, как его кости начинают сгибаться.

— Ты облажался, прикоснувшись к ней. Тронешь ее еще раз, и он убьет тебя. Хлоя —

его. Вбей это в свой гребаный череп, пока тебя не убили. Когда Драго услышал, как что-то щелкнуло, он отпустил его.

Амо прижал свою покалеченную руку к груди.

— Я вижу, как это бывает. Семья над семьей. Думаю, теперь Лука — твоя кровь.

— Ты не понимаешь, да? Думаешь, он сделал все это только для того, чтобы украсть твою школьную влюбленность? — Драго начал уходить, открывая дверь, но потом приостановился и оглянулся. — Он — босс. Ты — солдат. Знай свое гребаное место.

Амо хотел сказать последние слова, прежде чем Драго успел закрыть дверь.

— Спасибо за совет, дядя.

Тридцать один

Кошмар, от которого ты будешь умолять меня не будить тебя

Даже после того, как Драго закрыл за ними дверь, Хлоя продолжала держать Луку, не желая, чтобы он передумал и пошел за Амо. Теперь, когда она осталась с ним наедине, ее сердце гулко билось в груди. Она не знала, чего от него ожидать, поскольку он продолжал оставаться неподвижным. Все, что она знала, это то, что он был неподвижен. Слишком неподвижен.

Тепло его тела начало согревать ее. Она чувствовала, как внутри него закипает тьма. Как бутылка, которую слишком часто трясли и которая вот-вот лопнет. Каким-то образом она должна была попытаться сдержать ее, чтобы сохранить жизнь своему другу. К сожалению, она знала, что за это придется заплатить.

Лука вдруг зашевелился, развернулся, схватил ее и прижал к стене комнаты. Хлоя задохнулась от того, как быстро он все перевернул. Теперь весь этот жар и тьма были направлены на нее.

Он прижал ее своим телом, удерживая в клетке. Обе руки крепко обхватили ее бедра, и он наклонился вперед, положив голову ей на шею и делая глубокие вдохи.

Она стояла неподвижно, боясь пошевелиться. Впрочем, за себя она не боялась, зная, что Лука никогда не причинит ей вреда. Даже тьма не сможет.

— Что ты собираешься с ним делать? — смогла вымолвить она.

— Он прикасался к тебе. Я сказал тебе, что я сделаю, если кто-нибудь хоть пальцем тебя тронет, — окончательно заговорила Лука.

— Он не сделает этого снова. Я не позволю ему подойти достаточно близко, если это потребуется.

— Детка, я больше никогда никому не позволю так близко подойти к тебе. — Он убрал руку с ее бедра и осторожно взял запястье, которого касался другой мужчина, подняв его на уровень глаз. — Он сделал тебе больно?

Она знала, что ее реакция на прикосновение Амо создала впечатление, что он сделал это, и в каком-то смысле так и было, но это не причинило ей физической боли. Это было только мысленно.

— Нет, просто это было... странно.

— Как это?

Она уставилась на его большой палец, которым он проводил взад-вперед по ее запястью. *Почему с ним ничего подобного не происходит?*

— Как будто это было неправильно.

Он поднес внутреннюю сторону ее запястья к своим губам, его прохладное дыхание коснулось чувствительной области.

— Хорошо.

Хлоя сильно прикусила губу, точно зная, что он собирается сделать, и когда его губы коснулись ее кожи поцелуем, ее сердце заколотилось от его нежности. Он словно пытался заменить чужое прикосновение, смыть все следы другого мужчины. Она ожидала этого, готовилась к тому, что будет больно, ведь никогда прежде мужские губы не касались ее, но этого не произошло.

Ее разум оттолкнул прикосновение Амо, но принял прикосновение Луки. Он не должен был принять ни то, ни другое, поскольку ее разум уже много лет принадлежал дьяволу.

Однако, когда он поцеловал ее запястье, она почувствовала, что старые цепи, державшие ее разум, ослабли и сломались. Это был лишь вопрос времени, когда ее разум наконец освободится от дьявола.

Она протянула руку, которая была в нескольких дюймах от его губ, и слегка коснулась его призрачно прекрасного лица, лаская.

— Ты отпустишь его ради меня?

Отпустив ее запястье, он вернул его ей на бедро.

— Он видел тебя, дорогая. Он знает, что ты сейчас здесь. Если я отпущу его, это подвергнет твою жизнь риску, большему, чем он уже подверг, придя сюда.

Продолжая прикасаться к нему в надежде, что это поможет Амо избежать смерти, она провела пальцами по его щетине, грубая текстура которой покалывала кончики ее пальцев.

— Мария пришла сюда: ты дал ей знать, что я здесь.

— Это было стратегически важно. Мария также знает, что я убью ее, если из-за нее кто-нибудь узнает, что ты здесь. — Он подвинул голову, чтобы глубже прижаться к ней.

— Амо никому не скажет, если это может навредить мне. Ты знаешь, что он не скажет. Пожалуйста, просто отпусти его.

— Почему я должен? — Глаза и голос Луки потемнели, давая понять, что ей не понравится то, что будет сказано дальше. — Что я получу от этого?

Рука Хлои опустилась с его лица, ее тяжелая грудь стала еще тяжелее, отчего стало еще труднее дышать.

— Чего ты хочешь?

Лука наклонился, приблизив свои губы к ее уху и вызвав дрожь по позвоночнику. Затем он прошептал: — То, чего я хочу от тебя, дорогая, вызовет у тебя кошмары, таких, каких у тебя еще никогда не было. Кошмары, в которых ты будешь умолять меня не будить тебя.

Хотя его дыхание было холодным, и она дрожала от каждого его слова, ее тело предало ее: оно начало гореть, создавая ощущение, что у нее обморожение. *Если я скажу это, пути назад уже не будет.*

— Я... я сделаю все, что ты захочешь.

Его холодное дыхание снова обдало ее кожу.

— Докажи это.

— Как?

Поднявшись во весь рост, он усталился на нее сверху вниз, провел рукой по ее телу до волос, где схватил их в кулак, заставляя ее посмотреть на него.

— Позволь мне поцеловать тебя.

Маленькая часть ее разума, все еще скованная дьяволом, кричала ей, чтобы она не делала этого, зная, что если она согласится, то ее разум освободится от него. Она также знала, что на их место придут новые цепи, которые снова овладеют ею. Ее разум будет принадлежать бугимену.

Хлоя нервно облизнула губы, прежде чем кивнуть, поддаваясь ему.

Рука на ее бедре и в волосах сжалась, когда он расположил ее так, как хотел, а затем наклонился и взял ее сочную нижнюю губу в свои губы.

Ее глаза захлопнулись, как только его губы коснулись ее губ. Она оставалась совершенно неподвижной. Единственное, что двигалось, было ее сердце, пытавшееся вырваться из груди.

— Поцелуй меня в ответ, — прорычал он голодно.

Хлоя задыхнулась. Казалось, он годами испытывал голод от любой привязанности.

Когда он взял ее нижнюю губу между зубами и прикусил, из ее горла вырвался звук. Это был звук не боли, а удовольствия, который испугал ее до глубины души.

Она переместила руку к его груди, чтобы попытаться отстраниться от него, но когда ее ладонь оказалась над его сердцем, она почувствовала, как оно быстро и сильно бьется. Ритм совпадал с ее ритмом, как будто их сердца бились как одно целое.

Вместо того, чтобы оттолкнуть его, она стала двигать своим ртом вместе с его, слегка целуя его в ответ, желая насытить ту часть его тела, которая явно нуждалась в ней: самые темные части его тела, которые были самыми голодными. Это разожгло маленький огонь глубоко внутри нее, который был скрыт.

Дьявольские цепи, державшие ее разум в плену, начали таять от огня, разожженного Лукой, и разум Хлои обрел свободу на малую долю времени, прежде чем новые цепи завладели ее разумом.

Бугимен успешно захватил ее тело и разум. Теперь оставалось украсть у дьявола только ее душу. Однако ее душу было не так-то просто отнять.

Проведя языком по ее губам, он внезапно отстранился. Его тяжелое дыхание было таким же резким, как и ее, что свидетельствовало о том, что ему было трудно отстраниться, и его голос был напряженным, когда он сказал ей:

— Если я не остановлюсь сейчас, я возьму тебя прямо здесь.

Она замерла, точно зная, что он имеет в виду, так как его твердость, упирившаяся в ее живот, теперь была очевидна.

— Я... я... не могу.

Он успокоил себя, сделав глубокий вдох.

— Я знаю, детка. Вот почему я остановился.

Поверив, что он не сделает этого, она снова расслабилась в нем.

Она чувствовала, как тьма просачивается все глубже и глубже, возвращаясь в свой дом внутри Луки. На данный момент тьма была успокоена.

Глядя в его интенсивные сине-зеленые глаза, она надеялась, что то, от чего она отказалась, того стоило. — Обещай мне, что не причинишь Амо вреда ипустишь его.

Лука переместил руку, которая была в ее волосах, к горлу, слегка обхватив хрупкую шею.

— Скажи, что ты моя, дорогая. Я хочу услышать, как ты произносишь эти слова и подразумеваешь их.

Не темный голос повелевал им. Он хотел, чтобы она сама произнесла эти слова.

— Я твоя, — прошептала Хлоя, полностью отдаваясь ему... навсегда.

Он наклонился в последний раз, снова взял ее нижнюю губу между зубами и прикусил, а затем отстранился и отпустил ее.

— Надеюсь, ты знаешь, что ты только что сделала, — греховно прошептал он, прежде чем отпустить ее, убирая руку от ее горла.

Цепи, опутавшие ее сознание, натянулись. Я знаю.

Отойдя от нее, он попросил.

— Собери все свои вещи.

— Зачем? — спросила она в замешательстве.

— Увидишь. — То, как он это сказал, заставило ее подумать, что она не хочет ничего узнавать, но она больше беспокоилась о другом.

— Так ты не причинишь ему вреда?

Он улыбнулся.

— Собирай свои вещи, дорогая,

Когда дверь закрылась и он ушел, ей оставалось только надеяться, что он не причинит вреда Амо.

В одиночестве она коснулась своих распухших губ. Лука был прав: что я только что сделала?

Она не могла поверить, что это она протянула руку и коснулась его, в то время как она только училась принимать прикосновения Луки. В этом не было даже укора, не было никакой неправильности. Страшнее всего... Хлоя только что получила свой первый поцелуй с обещанием, что он не будет последним.

Она была не из тех девушек, которые мечтают о первом поцелуе. Да и как она могла мечтать о том, чтобы к ней больше никогда в жизни не прикасались? Поэтому она никогда не думала, что у нее будет первый поцелуй, не говоря уже о том, что первый поцелуй будет с Лукой, бугименом.

Все, что только что произошло, напугало ее до смерти. Она повторяла в голове одни и те же слова, пытаясь сохранить рассудок. *Ты должна была. У тебя не было выбора.* Ты сделала это, чтобы спасти Амо.

Через некоторое время после повторения этих слов, границы начали размываться. Она не знала, действительно ли это то, во что она верит, или это то, во что она заставила себя поверить.

Ты должна была... У тебя не было выбора... Ты сделала это, чтобы спасти Амо...

Правда?

Тридцать два

Как это прекрасно. Как больно это может быть

Щелкнув зажигалкой, Лука закурил сигарету, глядя через стол на Амо. Ни один из них не говорил, оба просто молча убивали друг друга в своих мыслях, пока Лука продолжал наполнять комнату дымом.

— Как ты это сделал? — Амо заговорил первым, не в силах больше выносить молчание.

Поняв, о чем он спрашивает, Лука ответил ему:

— Я схватил ее до того, как она успела сесть в самолет. Потом Сэл сделал все

остальное, создав видимость, что она села и находится в Калифорнии. — С улыбкой он закончил: — Потом она очнулась здесь, где о ней хорошо позаботились.

— Значит, ты, блядь, похитил ее, — констатировал Амо совершенно точно.

Именно так. Он сбил пепел в пепельницу.

— Да, для ее же блага.

Амо уставился на него как на ненормального.

— Я думал, что ты долбанутый, Лука, но я не знал, что ты настолько психопат.

— У моего поступка есть причины, Амо.

— О, я уверен, что твое ебанутое «я» придумало целый список причин, чтобы оправдать то, что ты сделал. — Он насмешливо рассмеялся. — Давай будем честными: мы оба знаем, что ты бредишь, преследуешь, а теперь еще и похищаешь.

— Я прекрасно знаю, кто я, — мрачно сказал ему Лука, сделав последнюю затяжку, прежде чем раздавить окурок в пепельнице. — Но знаешь ли ты, почему я пошел на это? Чтобы Драго оставался здесь только для того, чтобы наблюдать за ней? Ты знаешь, на что он способен: то, что он дает семье.

Вы могли видеть, как в голове Амо начали крутиться мысли о том, чего ему не хватало с той секунды, как он вошел в дверь. Однако он быстро заставил их исчезнуть, не в силах взглянуть в лицо фактам.

— Нет! — раздался его рокошующий голос. — Ты хотел заполучить ее себе, чтобы заполнить свою большую одержимость ею.

— Я бы забрал ее, как только ей исполнилось восемнадцать, если бы это было так, и ты это знаешь. — Он решил показать, насколько он на самом деле испорчен, позволив Амо начать понимать, насколько она была важна для него. — Я думал о том, чтобы взять ее до того, как ей исполнится восемнадцать. Потом, когда ей исполнилось восемнадцать, мне было труднее всего не взять ее тогда и там. Я тоже почти сделал это, но мне пришлось ждать. Я ждал ее семь долбаных месяцев.

Амо знал, что его слова были правдой. И хотя она могла быть там не просто так, он не мог с этим смириться.

— Ты знаешь, что я не уйду отсюда без нее, и если ты позволишь мне выйти за эту дверь, я не остановлюсь, пока она не будет свободна.

— Она выглядела так, будто хочет уйти? — напомнил ему Лука.

Резко встав со стула, Амо явно не мог справиться с тем, что говорил ему Лука.

Какая-то часть Луки наслаждалась этим, упивалась этим. Ему слишком долго приходилось наблюдать издалека за тем, как он почти каждый гребаный день общается с Хлоей, и он мечтал оказаться на месте Амо. Другая часть его души жалела Амо за то, что он потерял ее, зная, что она была самым прекрасным созданием на этой земле, но она его.

— Здесь, со мной, она была свободнее, чем когда-либо за этими стенами.

— Что ты пытаешься сказать?

Лука пристально посмотрел на него. — Ты прекрасно знаешь, что я хочу сказать.

Ярость и адреналин, исходившие от Амо, заставили его сжать покалеченную руку в кулак.

— Те семь месяцев, что ты преследовал ее, просто наблюдая за ней, я действительно провел с ней, разговаривал с ней, узнал ее. Я был ее защитником и другом. Она была свободна со мной. А потом ты, блядь, украл ее у меня, прежде чем у меня появился шанс сделать ее чем-то большим. — Лицо Амо злобно исказилось, в его голосе послышалось

рычание. — Ты не мог с этим справиться, да? Не смог справиться с тем, что я был с ней, а ты нет. Каково это — знать, что тебе пришлось похитить ее, чтобы заставить проводить с тобой время?

Лука медленно встал, достигнув предела своих сил. Он был достаточно великодушен, чтобы поговорить с Амо как мужчина с женщиной, а не как босс с солдатом. Однако это время прошло.

Выйдя из-за стола, он встал лицом к лицу с Амо.

— Ты должен помнить, с кем ты говоришь. — Его голос был темным, сильным и властным. — Уходи, и если кто-нибудь спросит, зачем ты сюда пришел, ты пришел поговорить со мной о своем положении на работе. Если кто-то узнает, что она здесь, это только поставит ее жизнь под угрозу.

Амо не сделал ни шагу, чтобы уйти.

— Единственная причина, по которой я все еще даю тебе возможность уйти отсюда живым, заключается в том, что я знаю, что ты заботишься о ней настолько, чтобы не рисковать ее безопасностью. Я бы убил тебя, как только ты появился здесь, но мне нужно, чтобы Хлоя хотела смотреть на меня до конца своих дней, — пригрозил он.

— Ты думаешь, что заставишь ее влюбиться в тебя? — Амо пошел к двери, соглашаясь уйти, но явно не сдаваясь. Затем, решив расстаться с последними словами, он нанес свой последний удар. — Ты психопат, который не способен любить или когда-либо быть любимым. Она принадлежит мне, и ты это знаешь: вот почему ты забрал ее. Ты никогда не будешь любить ее так, как я. Ты просто хочешь ее трахнуть.

Прежде чем Амо успел открыть дверь, Лука нанес удар, быстро толкнув его к двери и вытащив лезвие из кармана, приставил его к горлу Амо. Для Амо это была неожиданность, а для Луки — расчетливый ход, демонстрирующий разницу в их положении в семье, и почему он был боссом, а Амо — всего лишь солдатом.

Кипя от ярости, которую он испытывал из-за Хлои, Лука с ожесточением прижал нож к горлу Амо, изрыгая:

— Ты смотрел на нее каждый чертов день в школе в течение трех с половиной лет и ни разу не уделил ей время. Ты утверждаешь, что любишь ее, но где ты, блядь, был! — кричал он, глубже вонзая острие ножа, его резкие слова хлестали Амо, как тысячи плетей. — Когда над ней и Эльль издевались, когда Эльль избивали, чтобы ее не трогали, когда ее называли уродиной, где был ты, Амо? Как ты мог пройти мимо нее в коридоре с такими шрамами и ничего не сделать? Не защитить ее?

Лицо Амо опускалось при каждом резком вопросе. Его гнев медленно растворялся в боли, когда все, что говорил Лука, обрушивалось на него, как тонна кирпичей, заставляя его чувствовать себя отбросом, которым он и был.

Взяв тот же циничный тон, что и Амо, Лука продолжил:

— Давай будем честными: она не собиралась раздвигать для тебя ноги, так что в этом не было необходимости, не так ли? Ты был слишком занят, называя ее уродкой вместе с остальными.

Побледневший Амо быстро понял, что Лука узнала его самый глубокий, самый темный секрет.

Он хотел уйти, но не мог, так как Лука прижал его, заставляя выслушать то, что он хотел сказать, заставляя посмотреть правде в глаза и обвинениям в этих словах.

— Тебе нужно было сказать, чтобы ты посмотрел в ее гребаную сторону и уделил ей

свое драгоценное время. Я этого не сделал, — прорычал Лука, не переставая орудовать ножом. — Мне хватило одного взгляда, чтобы влюбиться в нее. Одного взгляда, чтобы захотеть знать о ней все и вся. Мне хватило одного взгляда, чтобы почувствовать защиту, как будто от этого зависела моя жизнь. Один взгляд, чтобы захотеть убить того, кто нанес ей эти шрамы.

Кровь теперь струйкой стекала по горлу Амо.

— Если ты предназначен для нее, то как ты спал, не узнав, кто сделал с ней эти вещи, кто сделал ее такой, какая она сейчас? — Лука пристально смотрел на Амо, его глаза буравили слабого солдата. — Держу пари, ты даже не знал, как эти шрамы достались ей: что на самом деле она не попала в автокатастрофу. Ты даже не знал, что она страдает от бессонницы, потому что боится спать из-за кошмаров. Признайся, что ты даже не знал! — прорычал Лука.

Пристыженный, Амо покачал головой. Он медленно начинал ломаться. Сильный Амо, каким он был несколько минут назад, исчез на глазах у Луки.

Сопротивляться тьме, которая хотела вонзить клинок в шею Амо, было невысказано, но Лука делал это. Кроме того, так намного лучше.

— Ты так много о ней не знаешь, потому что ты был слишком сосредоточен на том, чтобы лгать ей, притворяться тем, кем ты не являешься, боясь отпугнуть ее. Ты только мешаешь ей, потому что считаешь ее слабой, а на самом деле она сильнее всех, кого я когда-либо видел.

В голосе Луки прозвучала боль, которая также отразилась в его сине-зеленых глазах, чего он никогда не показывал мужчине, тем более одному из своих солдат.

— Ты никогда не узнаешь, какую любовь я испытываю к ней. Как она прекрасна. И какой болезненной она может быть. Что я чувствовал, когда впервые взглянул на нее. И что я чувствовал, когда думал, что могу потерять ее, даже не успев спасти. Ты никогда не узнаешь настоящую любовь, пока не испытаешь настоящий страх. И ты никогда не почувствуешь его по отношению к ней, потому что я для нее единственный. Она. Она. Моя.

Амо был почти готов. Почти сломленное человеческое существо. Лука мог бы остановиться и проявить милосердие, но он хотел, чтобы наказание Амо длилось всю жизнь. Наказание, которое он заслужил, позволив Хлое пройти через ад даже на один день.

— Если бы Эльль не увидела нас той ночью, я не хочу думать, где бы сейчас была Хлоя, или как бы она закончила свою жизнь, потому что ты точно не защитил бы ее. Ты, Неро и даже Винсент — куски дерьма, раз позволили им пройти через этот ад.

Лука не сдерживался, и он не чувствовал за собой ни унции вины. Его солдат заслужил это после того, как попытался сделать то же самое с ним. Разница была лишь в том, что Амо был ослеплен увлечением, приняв его за любовь, в то время как Лука осознавал чистоту своих чувств к Хлое.

Она была его второй половинкой.

— Ты никогда не заслужишь Хлою. Точно так же, как Неро никогда не заслужит Эльль. Неро потратит остаток своей жизни, пытаясь это сделать, но я не позволю тебе пытаться заслужить ее.

— Я хотел ее так сильно, что даже хотел поменяться с тобой местами на эти семь месяцев... Но больше нет. Теперь тебе придется смотреть на себя в зеркало каждый гребаный день до конца жизни и видеть, какой ты отвратительный кусок дерьма. Вот почему я не собираюсь тебя убивать. — Лука убрал лезвие от его горла, но все еще заставлял Амо

стоять на месте, как раненое животное, не отпуская его. — Я хочу, чтобы ты жил каждый день, зная, что я с ней, а ты нет. Зная, что она принадлежит мне и только мне. Чтобы ты умирал понемногу каждый раз, когда видишь нас вместе, так же, как я умирал, когда видел ее с тобой.

Теперь он сломлен.

Надежда, которая была у Амо, та самая надежда, которая появилась в его глазах, на то, что он был так близок к тому, чтобы быть с Хлоей, теперь была так мала по сравнению с тем, когда он только приехал сюда. Но Лука не хотел, чтобы она исчезла полностью, иначе ему не было бы так больно, когда он каждый день смотрел в зеркало, на Хлою или даже на Луку.

Отвернувшись от сломанного человека, который теперь сгорбился, поддерживаемый только стеной у него за спиной, сломанного человека, который больше не мог смотреть на него от стыда, Лука вернулся к своему столу, откуда с жалостью наблюдал за Амо.

Он достал еще одну сигарету и поднес ее к губам, прикурив конец щелчком руки.

— Убирайся с глаз моих долой и никогда больше не ступай ногой в мой дом. Приблизись к Хлое без разрешения — никогда ее больше не увидишь. Поднимешь на нее руку, и я сдержу свое обещание вырвать твою гребаную глотку. — Приняв удар, он отпихнул его. — Ты свободен.

Борясь, Амо оттолкнулся от стены, прижимая поврежденную руку к телу, пока он уходил. Он не сказал ни слова, да ему и не нужно было. Его лицо сказалось все. Амо терял девушку, которую любил, из-за Луки, и сейчас чувствовал, как она ускользает из его пальцев.

Он провел рукой по волосам, и его собственные слова обрушились на него как тонна кирпичей. *Что я чувствовал, когда думал, что могу потерять ее, даже не успев спасти.*

Он испытывал этот настоящий страх дважды. Каждый раз, когда она выживала, это было самое мирное и райское чувство... Но оно убивало его, когда ему приходилось видеть, как Амо утешает ее.

Можно подумать, что первый раз был самым худшим, но второй раз был таким же мучительным, душераздирающим и невыносимым.

Умирать понемногу каждый раз, когда видишь нас вместе, так же, как я умирал, когда видел ее с тобой...

Тридцать три

Молясь Богу, в существование которого он не верил, чтобы она была жива

Месяцами ранее...

Лука смотрел на пол казино, его мысли были заняты другим. Хлоя была здесь, в отеле-казино, в пентхаусе Неро, тусовалась с девушками. Она была так близко, но в то же время так далеко.

Каждый день, когда он ждал ее, он знал, что стал еще на один день ближе. Но для него это всегда казалось вечностью.

Зазвонивший в кармане телефон заставил его достать его и посмотреть, что это звонит Неро. Он сразу же ответил, приложив трубку к уху.

Не успел он заговорить, как Неро торопливо спросил:

— Лука, где ты?

Его сердце сжалось от тоски. Его инстинкты подсказывали, что происходит что-то очень неправильное, и каким-то образом он чувствовал, что в этом замешана Хлоя.

Он уже двигался к лифту.

— Первый этаж.

— Девочки... Кто-то вломился в дом. Мы в лифте... — Неро, казалось, потерял всякую надежду, его голос прервался.

Телефон выпал из рук Луки, когда острая боль вонзилась ему прямо в грудь.

Сменив направление, Лука направился к запасной лестнице, так как Неро уже пользовался лифтом. Он ударил по двери, заставив ее распахнуться, и начал бежать вверх по лестнице, бежать так быстро, как только могли его ноги. *Не делай этого со мной!* Он начал проклинать Бога, в которого не верил уже много лет.

Было двадцать три этажа.

Он еще не дотронулся до нее.

Двадцать три этажа разделяли их.

Он еще не почувствовал, каково это — целовать ее.

Двадцать три этажа, которые ему пришлось преодолеть, чтобы спасти ее.

Он не сказал ей, что любит ее.

На каждом пролете, на который он взбирался, появлялась цифра, говорящая ему, сколько еще этажей ему предстоит преодолеть.

Не смей, блядь, забирать ее у меня!

Ни разу он не остановился, ни разу его тело не замедлилось. Его разум и тело были сильны, желая, чтобы он достиг вершины, в то время как его сердце начало сжиматься в груди. Сердце, которое не должно биться, потому что у него его не было. Сердце, которое билось только для Хлои. Сердце, которое быстро разрушалось от страха потерять ее.

Одиннадцать...

Он был уже на полпути. Казалось, прошла целая вечность. Его единственная надежда на то, что Хлоя выживет, была в руках того, кто скоро доберется до нее. Спаси ее, Неро. Кто-то другой, спасающий ее, кто не был им, как бы сильно это его не убивало. Спаси ее, Амо.

Пятнадцать...

Цифры, казалось, расплывались мимо, вместе с образами будущего, которое они должны были прожить вместе.

Девятнадцать...

Хлоя сидела, улыбаясь, посреди сада, окруженная прекрасными цветами.

Двадцать...

Его рука проводит по ее длинным шелковистым волосам.

Двадцать один...

Она мирно спит в кровати рядом с ним.

Двадцать два...

Поцелуи под беседкой, когда она была в белом платье.

Двадцать три...

Когда он ударил в дверь перед собой, она с грохотом распахнулась, открывая длинный коридор. *Я уже близко, дорогая.*

Адреналин, все еще бурлящий в его жилах, заставил его дойти до конца коридора, открыть разбитую дверь в дом Неро и взбежать по ступенькам, молясь Богу, в существование

которого он не верил, чтобы она была жива.

Поднявшись на верхнюю ступеньку, он увидел Хлою в ванной, и волна облегчения прокатилась по его телу. В ту миллисекунду Лука обрел полный и абсолютный покой. Знание того, что ее сердце все еще бьется, усилило его биение.

Страх потерять ее сменился мстью, когда он увидел Винсента на мужчине, которого тот избивал до полусмерти.

Схватив Винсента за рубашку, он оттащил его от человека, которого собирался убить.

— Не смей убивать этого ублюдка.

Взяв лежащего на полу человека, он изучил его, пытаясь понять, кто он и что здесь делает. Его чутье подсказывало, что он уже знает.

В этот момент по ступенькам поднялся Сэл с битой в руках, о чем ему сообщили камеры наблюдения.

— Черт, мужик. Он схватил Эла... Они должны убрать его, нет... — Он быстро закрыл рот, как только увидел девушек.

Взяв у него битку, Лука взял ее в руки, радуясь, что у него есть такой друг, как он.

— Спасибо, Сэл.

Подняв битку над головой, он с размаху опустил ее на ногу мужчины.

Прекрасный звук ломающихся костей заполнил пространство.

Винсент закричал:

— Хватит! — а девушки зажали уши руками.

Но Лука и близко не собирался заканчивать: он позволил тьме получить желаемое, обрушив битку на другую ногу.

Начиная поднимать битку для последнего удара, Амо крикнул:

— Черт! Хватит! — что заставило его приостановиться с отведенной назад битой.

Последовав за голосом в ванную комнату, его взгляд упал на Хлою, которая сидела в ванной. Она была неподвижна, почти в кататонии, и смотрела ему прямо в глаза. В ее серых глазах читался страх перед ним.

Хлое еще не приходилось видеть его таким. Она не видела, на что он способен, не видела, что в нем есть настоящая тьма.

Он крепче сжал битку, костяшки пальцев побелели.

Это был его момент, когда он мог либо скрыть от нее свою истинную сущность, либо показать ей ее: показать, что ее ждет впереди, и с каким мужчиной она действительно собирается быть.

Его решение было принято за долю секунды, когда он в последний раз хлопнул битой по сломанному телу, наблюдая за ее глазами и выражением лица, не отрывая от нее взгляда.

Она не вздрогнула, не пошевелилась и не изменила выражения лица, что говорило о том, что она уже была свидетелем подобной жестокости.

Отпустив битку, он сделал глубокий вдох, запах крови успокоил его.

Он откинул волосы, упавшие на лицо, и на его губах появилась улыбка. Тьма была насыщена.

— Теперь, блядь, хватит.

Однако все рухнуло, когда Амо накинул куртку на плечи Хлои и сказал:

— Давай отвезем тебя домой.

Тьма, которая поселилась в доме, вернулась, когда она крепко прижала к себе куртку Амо.

Наблюдение за тем, как ее утешает другой мужчина, разъедало его. Видеть, как чужой пиджак обхватывает ее, как она цепляется за него, — все это раздавило его. Девушка, которую он так сильно любил, боялась даже пройти мимо него — это было душераздирающе.

Тридцать четыре

Позволяя таким монстрам, как он, бродить по Земле

Настоящее время

Хлоя нервно сидела на своей кровати с собранными вещами, как это было, когда она только приехала сюда. Куда он меня ведет?

В дверь быстро постучали, и прежде чем она открылась, вошел Драго.

— Ты все собрала?

Она нервно кивнула.

— Куда я еду?

— Ты переезжаешь в комнату Луки. — В его голосе не было ни капли сочувствия.

— Я... я... я? — Это было последнее, чего она ожидала, и это напугало ее больше, чем все, что она могла придумать.

— Да. Пойдем, — сказал он ей, подхватывая ее сумки.

Нервничая больше, чем когда-либо, она шатко поднялась с кровати и последовала за ним, когда он вышел в коридор. Остановившись, она растерялась, когда он не пошел в комнату напротив ее, а направился по коридору к лестнице.

— Куда ты идешь?

Драго остановился, повернулся и увидел, что она стоит перед дверью напротив своей.

— Я же сказал тебе. В комнату Луки.

Она не понимала, продолжая смотреть на дверь, через которую Лука входил и выходил каждое утро и вечер на протяжении последнего месяца.

— Я думала, это его комната.

Драго поставил ее сумки, подошел к двери и открыл ее. Включив свет, он позволил ей заглянуть в спальню.

Ее брови медленно сошлись в замешательстве, когда она вошла в комнату. Она была милой, но казалась немного молодой и совсем не похожей на Луку. Это не...

— Это ведь не его комната, да?

— Нет, это комната Лео. Лука начал спать здесь немного позже, когда ты приехала.

Хлоя прикусила губу.

— Правда?

— Да. — Он выключил свет, очень тонкий знак, что пора уходить.

Хлоя сжала руки в кулаки и начала их разминать, чтобы дать этой информации оформиться. Затем она снова последовала за Драго, на этот раз в настоящую спальню Луки, миновала ступеньки и направилась в другое крыло дома.

Наконец, Драго открыл дверь в самом конце коридора, позволив ей войти первой.

Эта комната определенно больше походила на Луку. Она была огромной и темно освещенной, с темным деревом и темными цветами. Запах казался почти земным, мужским,

и Хлое это понравилось.

— Лука придет позже. — Поставив свои вещи в центре комнаты, Драго повернулся, чтобы уйти.

— Д-Драго...?

— Да? — Он остановился, обернувшись.

— Спасибо, что рассказали мне. — Она знала, что это, вероятно, не его дело — рассказывать ей о том, что Лука спит в комнате Лео, поскольку Лука казался очень закрытым человеком, когда дело касалось его мужчин, но она все равно оценила это.

Он коротко кивнул, прежде чем уйти, закрыв за собой дверь.

Оглядев темную комнату, она с трудом перевела дыхание и зажмурилась от одного только факта присутствия в самом интимном месте бугимена. Она не могла не задаться вопросом, в какой момент ее путь привел ее сюда, или же это был не ее законный путь, и она была украдена с него, чтобы пойти по другому.

Цепи, сковывавшие ее тело и разум, сжались еще крепче.

Лука подождал, пока он успокоится, прежде чем покинуть свой кабинет. Он должен был дать темноте достаточно остыть, чтобы снова оказаться рядом с Хлоей. Правда, он не был уверен, от чего ему нужно было успокоиться больше: от того, что наконец-то поцеловал ее, или от того, что Амо наконец-то увидел, что он не тот мужчина, который ей нужен. И то, и другое в равной степени пробудило тьму.

Направляясь к своей спальне, он прошел мимо Драго.

— Я отнес ее вещи в твою комнату. Хлоя ждет тебя там.

— Спасибо. — Он кивнул головой, а затем остановился. — Я хотел тебя кое о чем спросить.

Драго сделал паузу, повернувшись к нему лицом.

— Ты сломал руку Амо в надежде, что я сочту это достаточным наказанием? — Лука изучал его лицо, заметив небольшое изменение в его стоической манере поведения, что говорило о том, что он был прав, думая так. Драго знал, что Лука не позволит ему уйти без физической боли.

— Этого больше не повторится, — твердо сказал ему Драго.

— Спасибо, что сделал это для меня, — сказал Лука из-за его плеча, направляясь к своей комнате, удовлетворенный ответом Драго.

— За что? — спросил Драго в замешательстве.

Лука улыбнулся.

— Потому что теперь я смогу сказать Хлое, что это ты его обидел.

— Чертов мудака, — пробормотал Драго себе под нос.

Хлоя сидела одна на краю кровати Луки, нервно ожидая и не зная, чем еще заняться. Когда дверь открылась, она выпрямила спину, надеясь, что ее ожидание подходит к концу.

Когда она увидела, что это, действительно вошел Лука, ее спина как-то еще больше выпрямилась.

— Ты не распаковала вещи? — спросил он, увидев ее сумки на полу, нетронутыми.

Посмотрев вниз на руки, лежащие на коленях, она начала их разминать, желая содрать кожу.

— Н-нет. Я не знала, куда их положить.

Его руки внезапно оказались поверх ее рук, останавливая ее от повреждений, которые она хотела нанести.

— Ты хорошо себя вела, не делая этого весь месяц. Это из-за него или из-за того, что я перевез тебя сюда?

Прикусив губу, она хотела свалить все на то, что ей пришлось спать здесь с ним, но, по правде говоря, она начала выжимать руки, когда Амо пришел за ней.

— Ты сделал ему больно? — прошептала она.

— Драго сломал ему руку...

— Он сломал! — скорее воскликнула, чем спросила она, ее глаза метнулись к его глазам.

Он сжал ее руку.

— Да. Но его рука заживет. Все будет хорошо.

— Это было не очень мило с его стороны. — Хлоя немного расслабилась. Она полагала, что причинила ему гораздо больше боли, чем Драго. Она разбила ему сердце... снова.

Улыбка заиграла на губах Луки.

— Ты должна будешь сказать ему об этом, дорогая.

— Я подумаю об этом. — Драго все еще пугал ее время от времени.

Руки, накрывшие ее, теперь двигались легкими, успокаивающими движениями по ее ладоням.

— Спасибо, что отпустил его, — сказала она ему.

— Не за что. — Держа одну руку на ее руках, он поднял другую, чтобы убрать ее волосы за ухо, чтобы она не могла спрятать от него свое лицо.

— Знаешь, если он снова сделает что-нибудь подобное, его уже не спасти, — предупредил он ее, обещая, что в следующий раз она не сможет ему помочь.

Сглотнув, она едва смогла вымолвить:

— Я знаю.

Он очень явно показывал, как он ее опекает и защищает. Часть ее тайно ценила это — ей это было необходимо после всего, через что она прошла — никогда не беспокоиться о том, что к ней прикоснется кто-то, кроме него.

Амо был единственным, о ком она беспокоилась, не причинит ли Лука боль своей защитой.

Потянувшись в карман, Лука достал свой мобильный телефон и положила его на раскрытую ладонь.

Глядя на него, она не могла верить в это.

— Ты отдаешь его мне? Почему?

— Потому что я хочу, чтобы ты знала, что я доверяю тебе так же сильно, как ты доверяешь мне, дорогая. — Наклонившись, он поцеловал ее щрам. — И я устал притворяться тобой каждый раз, когда Элли пишет смс.

Хлоя хихикнула, пытаясь представить, как он пишет Элли ее сообщение.

— Уверена, мне будет весело перечитывать сообщения, которые ты ей посылаешь.

— Ну, я просто использовал кучу эмодзи, на самом деле. — Он засмеялся вместе с ней, накручивая клочок ее волос на палец. — Обязательно используй черное сердечко. Я часто им пользуюсь.

— Почему черное сердечко?

Он игриво дернул ее за прядь.

— Просто показалось, что тебе понравится.

Улыбаясь, она наконец-то начала полностью расслабляться.

Он отпустил ее волосы, позволив им упасть ей на грудь.

— Иди готовься ко сну, дорогая. Завтра ты сможешь распаковать свои вещи.

Напрягшись, она встала с кровати и подошла к своим сумкам, быстро доставая необходимые вещи. Она была благодарна, что ее самая толстая флисовая пижама была чистой. Они также закрывали все ее тело, за что она была благодарна больше всего.

Нервы у нее сдали, и она пошла в его ванную и начала готовиться ко сну. Ей нравилось принимать душ по утрам, поэтому она надеялась, что он не против, раз уж она спит в его постели.

Как только она была готова и закончила с ванной, она уставилась на дверь, нервы колотились по всему телу, она боялась спать рядом с бугименом.

Все будет хорошо. Он не причинит мне вреда. Она повторяла эти слова в голове, пытаясь набраться смелости и открыть дверь.

Когда она откладывала это достаточно долго и набралась унции мужества, она открыла дверь ванной.

Когда она вышла из ванной и вошла в темную комнату, ее охватило облегчение, и она несказанно обрадовалась, когда заметила, что Лука уже крепко спит на своей половине кровати. Потом она несколько мгновений смотрела на спящего мужчину, видя, что он одет в свою обычную черную футболку, а одеяло доходит только до бедер, так как он спит на спине, и думала о том, как красиво он выглядит даже во сне.

Лука был красивым. Она всегда думала, что именно это делает его таким смертоносным.

Тихо и осторожно она перешла на другую сторону кровати и медленно вползла внутрь. Она так боялась разбудить его, что осторожно натянула на себя одеяло. Затем она устроилась как можно дальше от Луки, прижавшись к краю кровати.

Находиться в его постели, когда он всего в метре от нее, было неловко и даже болезненно, поскольку она пыталась устроиться поудобнее в кровати, в которой раньше не спала. Однако, глубоко выдохнув, она наконец смогла расслабиться. И когда она плотнее закуталась в одеяла, запах комнаты успокаивал ее, она нашла утешение... успокоение для своей души...

Когда он убедился, что Хлоя заснула, он повернулся на бок, чтобы посмотреть на ее спину и увидеть ее длинные, черные, шелковистые волосы, разметавшиеся по подушке. Ему нравилось все в ее волосах: цвет, ощущение, запах. Ему нравилось, как они выглядят сейчас. И ему нравилось, как она выглядит в его постели.

Протянув руку, он начал собирать одинокий локон на конце ее волос, но хныканье заставило его остановиться. Затем она заскулила еще сильнее.

Кошмары приближались.

Когда раздались крики, Лука придвинулся ближе к ее дрожащему телу. Он мог только надеяться, что то, что он собирается сделать, заставит кошмары исчезнуть, не разбудив ее.

Он притянул ее к себе и обнял, крепко прижимая к себе, не в силах больше выносить ее боль. И чудесным образом крики превратились в хныканье, а дрожь ослабла, пока они оба не исчезли... вместе с кошмаром.

После смерти матери Лука оставил католическую веру, понимая, что Бог не может

существовать, если Он может забрать такое чистое человеческое существо, как его мать, и позволить таким монстрам, как он, бродить по этой земле. Многие ночи он даже сомневался в собственном существовании, задаваясь вопросом, почему это не он, а не она.

Прижимая к себе Хлою, ему теперь было трудно думать о том, что Бога не может существовать. Хлоя никак не могла существовать, если Бог не существовал. Она была создана специально... Создана для него.

Вопрос о том, почему забрали его мать, а не его, наконец-то был решен.

Он был здесь, на этой земле, ради нее. Чтобы спасти ее.

Тридцать пять

Только к Луке прикасайся

Откинувшись в кресле, он чувствовал себя на грани безумия. Он привык к тому, что всегда знал, где она находится, когда хотел увидеть свое творение. Но вот уже больше месяца прошло с тех пор, как он видел ее в последний раз. Она дважды сбегала от него.

Его одержимость ею росла с годами, становясь нездоровой. Даже он знал это. Дошло до того, что его воспоминаний о ней стало недостаточно, и он был готов к новым.

Он был так близок к тому, чтобы создать новые воспоминания и с ней, но каждый раз ему отказывали.

— Люцифер... — В комнату вошли двое его самых компетентных людей. — Мы думаем, что, возможно, нашли ее.

Опустошенность, которую он ощущал, тут же сменилась надеждой.

Встав, он с нетерпением ждал возможности вернуть девушку, которую он отметил много лет назад. — Где?

Самый смелый прочистил горло.

— Тебе это не понравится.

Надежду сменила ярость.

— Где!

— Мы считаем, что она в доме Карузо.

Его черные глаза сверкнули, огонь зажегся в его крови.

— Вы уверены в этом?

— Мы не можем знать наверняка, пока не попадем в дом, но сегодня вечером нас привел туда ее друг, солдат Амо. Мы подозревали, что она находится там, и его приход и уход были тревожными, подтверждая наши подозрения.

Откинувшись в кресле, Люцифер имел свои собственные подозрения относительно Карузо, кольцо, которое показал ему Лука, почти подтвердило их, но он верил, что его человек не стал бы превращаться в крысу.

Я пытаюсь найти хозяина моей новой собаки.

На его лице появилась злая ухмылка. — Готовься к войне.

Я иду за тобой, девочка...

Хлоя дрожала, спускаясь по ступенькам на следующее утро. Ей казалось, что она хорошо спала... до самого конца, когда ее разбудил кошмар, от которого она не могла избавиться. Он был сильнее, чем обычно, и вызывал тоскливое чувство в ее нутре. Что-то

было не так. Дьявол казался слишком реальным...

Она держала себя в руках, но дрожь только усиливалась.

— Ты в порядке? — с беспокойством спросил Драго, когда она вошла в гостиную.

Она оглядела комнату.

— Да, я...

— Он в своем кабинете. — Теперь Драго выглядел более обеспокоенным. — Почему бы тебе не пойти туда? Он не будет возражать.

Ее разум и тело проследовали к кабинету Луки, нуждаясь в его присутствии.

Слегка постучав в дверь, она через секунду услышала «Войдите». Затем она открыла дверь и увидела Луку, сидящего за своим столом и курящего сигарету. В этот момент он немного растерялся, недоумевая, как она сюда попала.

Лука, казалось, удивился, увидев ее, когда поднял глаза от своей работы. Он быстро затушил сигарету, затем попытался убрать дым руками, чтобы он быстрее рассеялся.

— Дорогая?

— Прости, что побеспокоила тебя. — Она резко повернулась, чтобы уйти.

— Хлоя. — Его голос был властным, останавливая ее на месте. — Иди ко мне.

Обернувшись, она крепче прижалась к нему, повинувшись ему, и обошла стол, чтобы встать рядом с ним.

Изучая ее, он забеспокоился.

— Что случилось?

— Я не знаю, — нервно призналась она. Это было невозможно объяснить. Этот кошмар не был похож на все остальные.

— Дорогая... — Его лицо смягчилось. Взяв ее за руку, он притянул ее ближе, сказав ей своим властным тоном: — Иди сюда. Сядь со мной.

Ее тело упало ему на колени, не зная, жаждала ли она его прикосновений или это было потому, что он приказал ей. Все это было очень странно для нее — пытаться разобраться с этой новой версией себя, к которой могла прикоснуться только Лука.

Лука повернул ее на бок, чтобы она могла положить голову ему на грудь. Он положил одну руку ей на спину, а другую положил ей на бедро.

Это был первый раз, когда ее обнимал мужчина. Поначалу она чувствовала себя скованно, но тело не позволяло ей долго терпеть, нуждаясь в его объятиях, чтобы успокоить кошмары. Она чувствовала, как тает в нем, чем дольше сидела.

— Это был кошмар? — Его голос был тихим, мягким, но сильным. Как и его прикосновения.

«Я приду за тобой, девочка...»

Она только кивнула головой, вспомнив, что сказал ей дьявол во сне.

Лука убрал руку с ее бедра и прикоснулся кончиками пальцев к ее лицу, где легонько провел по щраму. — Это было связано с человеком, который дал тебе это?

Больше не нужно было притворяться, что она получила их в автокатастрофе, только не с Лукой. Он знал, как только увидел ее в первый раз, что они были получены от ножа.

— Да.

— Шрамы на твоем лице — не единственные, которые он тебе нанес, не так ли?

Холодный озноб пробежал по ее телу, и она подняла на него глаза, глядя в его синеватые глаза. Она медленно покачала головой.

Он намекнул во время их второй встречи, когда она носила длинные рукава летом, что

он знает, но она никогда не подтверждала этого. А может, и подтвердила.

— Покажи мне, — приказал он.

Прикусив губу, ее руки дрожали, она медленно задрала правый, а затем левый рукав до упора, обнажив несколько шрамов на каждой руке. Ее отметины простирались от запястья до плеч.

Она не показывала их никому, кроме Элли. И никто никогда не подозревал, что у нее больше шрамов, чем те, что украшали ее лицо.

Не торопясь, Лука коснулся каждого шрама на ее руках, проследил, изучая, насколько толстыми они были и как глубоко, должно быть, вошел ублюдок, судя по тому, как высоко они были подняты. Каждая отметина почти светилась на ее бледной коже.

— Это все? — спросил он с ноткой сомнения в голосе, похоже, зная, что это не так.

Она тяжело сглотнула. Не заставляй ее говорить тебе.

— Скажи мне, где остальные.

— Ты заставишь меня показать тебе?

— Не сегодня, не заставлю, — заверил он ее, все еще слегка касаясь каждого шрама.

Она прошептала место, о котором не знала даже Элли:

— М-мой ж-живот.

Он ничего не ответил, продолжая смотреть, трогать и запоминать шрамы на ее руках, а затем потянул рукава ее свитера вниз, чтобы прикрыть холодные руки.

— Они отвратительны, не так ли? — спросила она, признаваясь в своих чувствах к ним с тех пор, как впервые посмотрела на себя в зеркало.

Лука схватил ее за лицо, заставляя посмотреть на него.

— Никогда больше не произноси этих слов. Ты поняла?

Она попыталась кивнуть головой в его хватке.

— Да.

Ослабив хватку, он поднес палец к ее полным губам, поглаживая шрам, которого он еще не касался, который проходил на дюйм выше и ниже ее губ.

— Ты и твои шрамы — самое прекрасное, что я когда-либо видел.

Ее дыхание сбилось, когда он приблизил свое лицо к ее лицу, одновременно убирая палец с ее губ, чтобы расположить ее для захвата.

— Никогда не думай, что это не так. — прошептал он, его дыхание дразнило ее губы.

Она закрыла глаза, когда он прижался губами к ее губам.

Этот поцелуй был медленнее, чем первый, и не таким требовательным. Он просто неторопливо пробовал ее нижнюю губу.

В прошлый раз она почувствовала вкус прохладной мяты. В этот раз она все еще ощущала вкус прохладной мяты, но в нем чувствовался дымок от его сигареты. Эти два противоположных вкуса смешивались, создавая вкус огня и льда и заставляя ее губы и тело покалывать.

Лука прикусил нижнюю губу, и из ее горла вырвался звук удовольствия, как и в прошлый раз. Он улыбнулся ей в губы, а затем провел языком по месту укуса, успокаивая его на мгновение, прежде чем отстраниться.

— Я думаю, тебе нравится, когда тебя кусают, дорогая.

На ее щеках появился румянец, она покраснела от его слов и предательства своего тела.

— Это не плохо. — Он улыбнулся и слегка поцеловал ее в губы.

В животе у нее стало тепло от этого быстрого поцелуя. Он был сладким, к чему она не

очень привыкла от этого властного мужчины.

Неосознанно облизнув губы, она заметила, что все еще ощущает его вкус — мятный с нотками дыма. Вкус точно такой же, как его запах.

Это заставило ее спросить:

— Почему ты потушил сигарету, когда я вошла? — Она поняла, что в последнее время не чувствовала от него запаха дыма, что удивило ее.

— Потому что мне не нравится курить рядом с тобой, если мы не на улице.

— Меня это не беспокоит, — сказала она ему, не желая, чтобы он не курил из-за нее. Запах, как ни странно, никогда не беспокоил ее.

— Я знаю, дорогая, но я не хочу, чтобы ты вдыхала его, — сказал он ей, объясняя, что это связано с ее здоровьем, а не с тем, что ей это может не нравиться.

Если подумать, то это была единственная комната в доме, где она чувствовала запах дыма.

Она сцепила руки вместе, когда его рука переместилась выше по внешней стороне ее бедра.

— Это единственная комната, в которой ты куришь?

Его глаза не отрывались от ее лица, пока она смотрела вниз на свои руки. — Теперь да. Я должен иметь возможность курить во время работы.

— Сейчас? — спросила она.

— Я бросил курить везде в доме, как только узнал, что ты приедешь сюда.

Если подумать, то это была единственная комната в доме, где она чувствовала запах дыма.

Она сцепила руки вместе, когда его рука переместилась выше по внешней стороне ее бедра.

— О. — Хлоя не знала, что об этом думать. Казалось, он многое сделал для нее с тех пор, как впервые встретил ее. *Я не думаю, что когда-нибудь узнаю все, что он сделал.*

— В чем дело? — спросил он, закручивая прядь ее волос между пальцами.

— Когда ты начал спать в комнате Лео? — У нее было чувство, что она знает, почему, и она также думала, что знает, когда.

Он покрутил, а затем отпустил прядь ее волос, прежде чем ответить с грустью в голосе:

— В первый раз, когда тебе приснился кошмар, мне потребовалось слишком много времени, чтобы добраться до тебя. После этого я стал спать в комнате Лео, потому что, как бы быстро я ни бежал, мне все равно требовалось слишком много времени, чтобы добраться до тебя.

Маленькая частичка сердца Хлои разбилась, когда он произнес эти слова. Она чувствовала боль, стоящую за этими словами, как будто в них было больше, чем она знала или даже могла понять.

Она хотела, чтобы он знал что-то, то, в чем ей сначала было трудно признаться самой себе.

— Ты помог облегчить кошмары.

Он прекратил крутить ее волосы, сосредоточившись на ее глазах.

— Это так?

— Да. Я заметила, что когда ты рядом, они как будто исчезают.

— Я рад это слышать, дорогая. — Начав снова крутить ее волосы, он спросил: — Тебе уже лучше?

Она кивнула.

Хотя какая-то часть ее все еще чувствовала себя странно, когда он держал ее на руках, ее тело и разум чувствовали себя намного лучше, находясь рядом с ним. Что-то в Луке вызвало к ее телу. Она нуждалась в нем, жаждала его, и это только усилилось после ужасного кошмара.

— Хочешь, я возьму выходной? Я мог бы приготовить нам что-нибудь поесть, а потом мы могли бы посмотреть кино, если ты хочешь. — Он сделал паузу на мгновение. — Или я могу позвонить Марии и попросить ее приехать.

Улыбаясь ему, она почувствовала благодарность за то, что он сделал это для нее, хотя он все еще был недоволен своей сестрой.

— Это зависит от обстоятельств. Что бы ты приготовил мне поесть?

Он улыбнулся в ответ, довольный тем, что она решила провести этот день с ним.

— Все, что захочешь, дорогая.

Ей даже не нужно было думать об этом.

— Шоколадные блинчики.

— Тогда шоколадные блинчики.

Вставая с его коленей, она краем глаза заметила, как что-то золотистое промелькнуло. Это заставило ее посмотреть на его стол, чтобы увидеть, что это. И когда она это сделала, ее улыбающееся лицо медленно сменилось выражением страха, когда она протянула руку, желая проверить, реально ли это или ей показалось.

Как только кончик ее пальца коснулся кольца, она поняла, что это не просто иллюзия, и ее рот открылся, чтобы закричать, но ничего не вышло.

«Я приду за тобой, девочка...»

Лука коснулся ее плеча, в его голос вернулось беспокойство.

— Дорогая?

«Я скучал по тебе».

Когда она продолжала смотреть на кольцо, он повернул ее к себе лицом. Затем, взяв ее за плечи, он легонько потряс ее.

— Хлоя. Хлоя!

Теперь, когда Лука смотрел на нее, дьявольский голос исчез, и она начала размораживаться. Теперь она отчаянно пыталась убежать от него, от его прикосновений. Она изо всех сил пыталась бороться с ним.

— Прекрати! — приказал Лука.

— Скажи мне, что случилось?»

— Почему оно у тебя! — кричала она. — Почему у тебя кольцо? Призрачные слезы пытались скатиться по ее лицу, она боролась с ним, не желая верить, что он может быть причастен к тому, что с ней произошло.

— Я снял его с человека, который бро...

— Ты лжешь! — закричала она, все еще без слез, хотя они отчаянно хотели появиться. Это объясняло, откуда он все о ней знает.

Притянув ее к себе, он обхватил ее тело одной рукой, а свободной рукой схватил за лицо, заставляя посмотреть ей в глаза.

— Посмотри на меня. — Его голос стал мелодичным и сильным. — Нет, я не лгу. Я бы никогда не солгал тебе.

Закрыв глаза, она позволила ему полностью прижать ее к себе, уткнувшись лицом в его

грудь.

Ей не нужно было видеть правду: ее сердце чувствовало ее, зная, что он не мог быть причастен к этому. Именно испуганная маленькая девочка, которая жила в ней уже почти четыре года, нуждалась в заверениях. Маленькая испуганная девочка, которая кричала о том, что кто-то вроде Луки спасет ее той ночью... но никто не пришел. Маленькая испуганная девочка, которая теперь имела своего спасителя и боялась даже подумать о том, чтобы потерять его.

Тридцать шесть

Как он завладел взглядом другого

Лука потащил тело, отнеся его к стальной трубе, которая находилась в дальнем углу комнаты.

— Где я?

Ублюдок не был мертв, но он был чертовски близок к этому.

Звук металлических цепей эхом разнесся по темной, холодной бетонной комнате.

— Что ты делаешь? — закричал он, безуспешно пытаясь поднять свое тело.

Громкий щелчок, а затем что-то защелкнулось на месте, заставил комнату замолчать.

Глядя на потерявшего сознание мужчину, Лука дернул за цепь, прикреплявшую его лодыжку к трубе.

— ОУУУУУ! Что ты хочешь от меня? — Из его глаз покатались слезы.

— Кого ты искал?

— Я не знаю.

Еще один рывок за цепь потянул его за раздробленную ногу, заставив его взвыть от боли.

— Кого ты искал?

— Я не знаю!

Лука присел на корточки рядом с мужчиной, заметив золотое кольцо на его пальце. Вытащив нож, он схватил руку мужчины и раздвинул его пальцы, после чего поместил лезвие прямо под кольцо.

— Теперь...

Мужчина начал повторять:

— Пожалуйста, не надо.

— Скажи мне, кого ты искал в пентхаусе.

— Я не могу тебе сказать!

Лука впился в его палец, глубоко порезав.

Мужчина глубоко закричал, и Лука тут же остановился, избавив мужчину от боли.

— Девушка с машиной.

Лука уставился на него сверху вниз. — Это так?

— Да. — Он благодарно вздохнул.

— К сожалению, — он снова порезал палец. — ты пришел за той, которая принадлежит мне.

Теперь, когда он пилил кость, крики, наполнявшие воздух, становились все громче... пока мужчина не потерял сознание.

Сняв кольцо с отрубленного пальца, Лука вытер кровь, обнажив бриллианты, окружающие подкову...

Уставившись на кольцо с подковой, Лука положил его обратно в карман и посмотрел на хрупкого, истощенного итальянца, который больше не походил на себя. Его волосы и борода были матовыми и длинными, тело покрывали ожоги, шрамы и синяки, а большинство зубов было удалено, как и все ногти на ногах и девяти пальцах.

Лука подошел к человеку, прикованному в углу.

— Ты солгал мне. Ты сказал, что не был там той ночью.

Покачивая головой, мужчина попытался забиться в угол, насколько это было возможно.

— Нет, нет, нет, мистер Карузо, сэр.

— Она запомнила твое кольцо, — предупредил он.

Его лицо превратилось в чистый ужас, а руки сжались в молитве.

— Я не могу объяснить, сэр. Пожалуйста, позвольте мне объяснить.

Вытащив сигарету, Лука зажал ее между губами, достал зажигалку и дал огоньку поджечь конец.

— Продолжай.

— В первую ночь, когда вы сказали мне, что она ваша, если бы я сказал вам, что был там в ту ночь, когда она получила свои шрамы, вы бы убили меня. Тогда бы я не был вам полезен, сэр. Я сделал это для вас, сэр.

Лука зажал сигарету между губами, протянул руку и схватился за цепь, со всей силы дернул ее и притянул к себе пленника, расплющив его как блин.

Мужчина сильно ударился головой о бетон, не в силах пошевелить своим хрупким и измученным телом.

Присев на корточки рядом с головой мужчины, Лука зажмурил правый глаз, не давая ему моргнуть, а другой рукой вынул сигарету изо рта и занес горящий конец над глазным яблоком.

— Ты солгал мне о чем-нибудь еще? — потребовал он.

Слабый человек попытался пошевелиться, но не смог.

— Нет! Клянусь!

— Ты прав, — Лука поднес горящую палочку ближе к глазу, который он держал открытым так крепко, что казалось, он вот-вот выскочит в любую секунду, — Я бы убил тебя.

Выбросив сигарету, он вдавил ее в зрачок мужчины, пока она не перестала гореть, используя его глаз как пепельницу.

Только Лука и бетонные стены были свидетелями того, как звучали крики человека, ослепшего на один глаз. А затем снова, несколько мгновений спустя... когда он прозрел на другой.

Тридцать семь

В этот раз все было по-другому, более... окончательно.

Хлоя сидела на кровати Луки, прижав колени к груди и раскачиваясь взад-вперед. После утреннего кошмара яма в желудке только увеличилась, и ее тошнило. Воздух вокруг нее казался тяжелым, заставляя ее задыхаться. Она чувствовала, что что-то приближается. Что-

то очень плохое должно было произойти, и она боялась, что на этот раз ее судьба будет роковой.

Кольцо с подковой и зловещие черные глаза дьявола не выходили у нее из головы.

Он придет за мной... Он обещал.

Драго получил сигнал о присутствии на мониторах системы безопасности. На длинную подъездную дорожку въезжала машина. Сверху на машине висела табличка, показывающая, что это доставка еды. Он ничего не заказывал, поэтому быстро позвонил Луке, чтобы узнать, не заказал ли он. Однако звонок сразу же попал на голосовую почту — скорее всего, сигнал заблокирован из-за того, где он находился.

Когда машина остановилась перед домом и из нее вышел человек в форме с пакетом пиццы, он решил, что Лука заказал ее, чтобы накормить Хлою, поскольку она ничего не ела, а он, скорее всего, будет отсутствовать некоторое время.

Встав, он направился к двери и подошел к ней как раз в тот момент, когда курьер постучал.

Он распахнул дверь, держа руку на пистолете у поясицы, и увидел человека в форме, держащего пакет с пиццей.

— Доставка для Лукки Карузо.

Драго кивнул, затем отдернул руку от пистолета, открывая дверь шире.

Доставщик положил руку в пакет...

РОР.

Когда выстрел пробил пакет, Драго понял свою грубую ошибку.

Взявшись за пистолет, он сделал шаг к мужчине, когда...

ПОП.

Оба выстрела попали ему в грудь прежде, чем пистолет оказался у него под рукой.

Подняв пистолет, он увидел, что из машины вышли другие мужчины, все с оружием.

ПОП.

Он нажал на курок, но прицелился неточно — пуля глубоко вонзилась ему в руку.

Зная, что он не выживет, его единственной надеждой было предупредить ее.

— Хлоя, прячься! — прозвучал его голос.

РОР.

Не желая падать, он бросился на мужчину.

УДАР.

Тело Драго рухнуло на пол, его разум начал туманиться. Он потерпел неудачу.

Мне жаль... Хло...

Услышав громкие звуки, Хлоя прижалась к нему еще крепче.

— Хлоя, прячься! — услышала она приглушенный крик Драго.

Она сдвинулась на миллиметр, прежде чем знакомый голос заговорил с ней, заморозив ее на месте.

Не двигайся, девочка...

Раздалось еще несколько выстрелов, прежде чем наступила тишина.

...Или будет еще больше.

Слеза упала с ее глаза. Настоящая, единственная мокрая слеза коснулась ее щеки.

Дверь медленно отворилась, и в проеме показалась фигура мужчины. Он выглядел так

же, как и четыре года назад, словно вышел из ее кошмара, его черные глаза все еще светились злобой.

Она закрыла глаза. Хлоя, проснись, и все будет хорошо.

— Я скучал по тебе, девочка.

Лука вышел из места, где он держал свою пленницу, ожидая, что его грехи смоет свежий воздух, как это всегда бывало. Однако на этот раз этого не произошло, и его сердце погрузилось в глубину души, когда чувство, которое он разделял с Хлоей, начало трескаться, говоря ему, что происходит что-то ужасное.

Достав из кармана телефон, он увидел, что у него есть пропущенный звонок от Драго. Он быстро перезвонил ему.

ОТВЕТ!

Но ответа не было.

Подбежав к машине, он позвонил Сэлу, который взял трубку с первого звонка.

— Дом, сейчас же! — только и сказал он, прежде чем повесить трубку, бросился в свой Кадиллак и завел машину.

Сэл мог видеть происходящее на своем компьютере. Он сможет помочь и оценить ситуацию, поскольку находился ближе к дому.

Лука ехал на бешеной скорости. Он был слишком далеко от дома. И снова слишком далеко от Хлои. Это был уже третий раз, когда это жалкое, безнадежное чувство овладевало его телом.

Однако в этот раз все было по-другому, более... окончательно.

Останься со мной, Хлоя. Пожалуйста, не оставляй меня.

Он уже касался ее, пробовал ее на вкус, чувствовал ее. Прожив с ней даже этот короткий промежуток времени, он знал одно наверняка.

Я не смогу жить без тебя.

Тридцать восемь

Нажатие кнопки Play

Сердце Луки разлетелось на миллиард и один чертов осколок, как только он переступил порог своего дома и увидел угрюмое лицо Сэла, а также кровь, заливающую вход в его семейный дом. Тьма мгновенно поднялась, требуя в ту же секунду отправиться за ней, но Сэл успокоил его, сказав, что сначала нужно выяснить, куда ее увезли, а также разработать план по ее безопасному спасению.

Лука попросил показать ему записи с камер наблюдения о том, что именно произошло, желая увидеть это сам, а не получить рассказ. Потом он смотрел каждую часть: как Драго сражался, как падал, и как Хлоя просто сидела там, чертовски боясь даже пошевелиться.

Было ясно, что виноват только один человек. *Я.*

Он взял на себя ответственность за все: за то, что не смог защитить ее сам, за то, что хотел отомстить после утреннего взгляда на Хлою и того, что она ему сказала. Она сказала, что один из людей Люцифера, который удерживал ее, носил кольцо, когда Люцифер неоднократно помечал ее тело.

Лука держал ее некоторое время, пока она не успокоилась, в то время как тьма в нем

только разрасталась. Тогда, боясь, что тьма взорвется в любую секунду, и не желая причинять ей боль или принуждать ее к тому, чего она не хотела, он ушел. Ему нужно было выместить злость на том самом человеке, который удерживал ее, пока она мучилась.

Проводя пальцами по своим отросшим волосам, которые достигли затылка, он не мог этого понять. Он был так осторожен...

И тут его осенило. Единственное, чего он не планировал. Амо...

Голос Сэла прорвался сквозь его мысли.

— Они все еще работают над Драго, но говорят, что не похоже, что он выживет.

Черт! Драго был одним из их лучших. Сейчас он был нужен Луке как никогда, но вместо этого он лежал и умирал на гребаном столе реанимации из-за глупости Луки.

— Есть кое-что еще... — Печаль в голосе Сэла стала более явной.

— Люцифер оставил это.

Лука уставился на диск, который протянул ему его друг.

— Что это?

— Ты захочешь посмотреть его... наедине.

Как только он взял диск из рук Сэла, к нему вернулось тоскливое чувство. Он знал, что диск будет преследовать его до конца жизни.

Сэл больше не мог даже смотреть на Луку, когда он вышел за дверь, чтобы дать ему возможность побыть одному, сказав ему:

— Я посмотрел всего несколько минут, прежде чем мне пришлось выключить диск.

Уставившись на диск, Лука трясущимися руками вставил его в компьютер. С тошнотворным чувством, подступающим к желудку, его палец застыл над кнопкой воспроизведения.

Если она это пережила, я могу это посмотреть.

Нажать на кнопку воспроизведения означало навсегда изменить свою жизнь...

Тридцать девять

Живой, дышащий кошмар

Четыре года назад...

Трамп.

Что это было? Взглянув на часы на тумбочке, Хлоя увидела, что ее родители вернутся домой только через пару часов. Ее все еще трясло от побоев, которым подверглась Элли в школе, поэтому она решила, что это просто помутился рассудок.

Выключив лампу, она снова забралась под одеяло, в ее мозгу все еще крутились образы Элли, лежащей на тротуаре, пока она снова не заснула.

Сон длился недолго, прежде чем рука, закрывшая ей рот, разбудила ее от живого, дышащего кошмара.

Она боролась с темной фигурой, но это продолжалось недолго. Сильный удар выбил ее из колеи...

От удара тела о стол она очнулась. Она вскрикнула, увидев мужчин, окруживших ее в незнакомой комнате.

Высокий, стройный, пожилой мужчина с черными волосами и такими же черными

глазами, казалось, был главным, так как двое из его людей держали ее за руки, а третий — за ноги.

Его губы зло кривились, прежде чем он приказал:

— Сними с нее рубашку.

— НЕТ! — Хлоя еще сильнее боролась с мужчинами, слезы затуманили ее зрение. Она была потрясена тем, как быстро образовались слезы, даже не успев упасть.

Несмотря на все ее усилия, двое мужчин, державших ее за руки, сорвали с нее рубашку, обнажив лифчик.

— Пожалуйста, пожалуйста! — взмолилась она, молясь, чтобы они отпустили ее, пока они полностью снимают с нее рубашку.

На пальцах одного из мужчин мелькнуло золото, когда он схватил ее за рубашку. Это было огромное бриллиантовое кольцо в виде подковы, которое она точно никогда не забудет.

Мужчина, который, очевидно, был лидером, подошел к ней с клинком, его взгляд скользнул по ней. В этот момент она почувствовала себя такой маленькой. Отвратительной... Ничтожной... Испорченной, когда все они смотрели на ее обнаженную кожу.

Почему это происходит со мной?

Холодный металлический стол под ней был разительным контрастом с ее пылающим лицом от, казалось бы, бессмысленного плача.

— Пожалуйста! Остановитесь! — Никакие удары ногами и борьба не могли противостоять тому, что ощущалось как миллионы рук, удерживающих ее.

Смех злого человека, державшего нож, издевательски звенел в ее ушах.

— Не шевелись, девочка, — он приблизил нож к ее лицу, — или будет еще больнее.

Глядя в его ненормально большие, черные глаза, она была уверена, что смотрит в глаза дьявола.

Серебряное лезвие все ближе и ближе приближалось к ее правому глазу, пока не оказалось в сантиметрах от зрачка.

— Не моргай.

Слезка навернулась на глаза, и ей стало еще труднее держать глаза открытыми. Ее тело начало дрожать. Она собиралась моргнуть.

— Не моргай, девочка, — снова предупредил он.

Слезка упала, и ее глаза начали закрываться... *Боже, помоги мне!*

Как только дрожащие веки сомкнулись, она почувствовала, как холодный нож пронзил ее кожу над правой бровью. Он вонзился глубоко и точно, вызвав пронзительный звук, не похожий ни на один из тех, что она когда-либо издавала, и заполнил воздух вокруг них.

Боль только усилилась, когда он медленно и мучительно провел лезвием по ее коже. Затем он ослабил давление на кожу, а затем снова вогнал лезвие прямо под глаз и начал все сначала.

Ее пронзительные крики снова заполнили пространство. Однако борьба в ней угасала, так как она становилась слишком слабой.

Подняв нож, он грубо держал ее лицо, заглушая ее крики, пока проводил линию по правой стороне ее губ.

Когда он снова отстранился, давая ей отдышаться, адреналин, который она использовала для борьбы, уже исчез.

Когда кровь стекала по ее лицу и впивалась в кожу, она знала, что никогда не забудет то чувство, когда ее слезы встречаются с кровью, выжигая дорожки кровавых слез по ее лицу.

— Пожалуйста, просто убей... — Ей было трудно прошептать свою мольбу хриплым голосом, но она попыталась, надеясь на милосердие.

Монстр начал смеяться, поглаживая острием лезвия ее кожу. — Девочка, это только начало.

Закрыв глаза, еще одна слеза упала, смешиваясь с горячей кровью. Пощады сегодня не будет, и у нее осталась последняя надежда. Быть спасенной.

Нож пронзал ее кожу снова и снова, нанося порез одной руке... потом другой... потом животу. Агония и пытка продолжались. С каждым порезом она чувствовала, как он овладевает ею.

Тяжелые, громоздкие цепи надевались на ее тело с каждой меткой, на ее разум — с каждым услышанным злобным смехом, а на ее душу — каждый раз, когда она слышала слова «маленькая девочка». Они наматывались и наматывались на нее, затягиваясь все туже и туже...

Глаза начали медленно моргать, и она почувствовала, что начинает отключаться, боль стала слишком сильной.

Ее последняя надежда на спасение от дьявола исчезла. Никто не придет ее спасти. А если кто-то и придет, то будет уже слишком поздно. Спасти ее сейчас означало бы, что кто-то ужаснее должен был забрать ее душу у дьявола и присвоить ее себе. Однако такой человек не должен был существовать. А если бы он существовал, это было бы вовсе не спасение...

Девушка начала терять сознание, и ее серые глаза, теперь уже травмированные, начали уплывать. Ему нравилось видеть, как глаза меняются от того, кем они были раньше, к тому, кем они стали после того, как он закончил с ними. Это была его метка, то, как он их использовал.

Он забрал молодую девушку, которой она когда-то была, и превратил ее в свое прекрасное творение. Ее тело, разум и душа принадлежали ему и всегда будут принадлежать... пока он не заберет ее последний предсмертный вздох.

Ее глаза закатились к затылку, прежде чем веки закрылись.

— Спокойной ночи, моя маленькая девочка.

Когда дверь открылась, он повернул голову и увидел, как его мужчина заталкивает другого мужчину в склад.

— О Боже! — закричал мужчина, пытаясь добраться до маленькой девочки, но его люди не позволили ему. — Что вы с ней сделали! — кричал он.

Люцифер провел ножом по бессознательному телу девочки. *Я сделал ее красивой.*

— Я предупреждал тебя, что чем дольше ты будешь терпеть, тем больше времени у меня будет с ней, Максвелл.

— Моя дочь... Как ты мог...? Почему ты сделал это...? — Отец маленькой девочки упал на колени.

— Этот город нуждается в переменах. — Повернувшись, Люцифер хотел увидеть его лицо, когда он сказал: — Данте Карузо, возможно, добился твоего избрания, но он больше не контролирует тебя. Это делаю я. Ты будешь делать все, что я попрошу. Не сделаешь, — он указал ножом на камеру, которая все это время вела запись, — и я с радостью напомню тебе, кому принадлежишь ты и твоя драгоценная семья. — Подойдя к человеку, стоящему на

коленях, Люцифер прикоснулся лезвием, капаящим кровью, к лицу Максвелла. — У нас есть соглашение?

Слезы побежали по лицу Максвелла, когда он кивнул.

— Да.

Вернувшись к лежащей на столе девушке, он поднял ее на руки и обнял, когда она начала понемногу приходить в себя.

Наклонившись, он прошептал ей на ухо:

— Ты снова будешь у меня, девочка. В следующий раз я тебя не отдам. Я убью тебя, и тогда ты станешь моей навсегда.

Прежде чем передать ее обратно Максвеллу, он крепко прижал к себе свою новую дочь. Дочь, которая принадлежала уже не Максвеллу, а самому дьяволу.

Сознание Хлои вернулось к жизни, когда она услышала громкий треск. Боль, которую она почувствовала, была невыносима для ее души.

Открыв глаза, она поняла, что находится на руках у отца, который нес ее вниз по склону к обломкам своей машины. Посадив ее в разбитую машину, он достал свой мобильный телефон и набрал три номера.

Ее глаза то открывались, то закрывались, она видела вокруг себя искореженную машину и слышала расстроенный голос отца.

— Меня зовут Максвелл Мастерс, произошла ужасная авария...

Сорок

Смерть последует за ним

Когда экран потемнел, Луке потребовалось все, что было в его силах, чтобы сдержать желчь, поднимающуюся в горле. Он не был человеком со слабым желудком. На его долю выпали самые ужасные испытания, которые только можно было увидеть. Однако это было нечто совершенно иное, когда ему приходилось смотреть, как беспомощная, невинная юная Хлоя умоляет и просит, пока ее клеймят на всю оставшуюся жизнь.

И без того разбитые останки его сердца разлетелись на мелкие кусочки, когда он почувствовал боль, не похожую ни на какую другую. Она хотела сломить даже такого сильного человека, как он, но он не мог — не хотел — позволить ей. Хлоя пережила это, и он был свидетелем этого. Теперь она могла отдать часть своего бремени ему, и они могли разделить его вместе.

Вытащив диск, он смял его в руках. Никто больше не сможет увидеть его содержимое.

Телефон, зазвонивший на его столе, заставил его посмотреть на незнакомый номер.

Вошел Сэл со своим ноутбуком, предупредив о звонке и сообщив Луке, кто именно находится на другом конце.

Лука взял трубку и подождал, пока Сэл покажет ему большой палец вверх.

Сэл кивнул.

Успокоившись, Лука нажал кнопку ответа и приложил трубку к уху.

— Привет, Лука. У меня есть кое-что твое, — насмеялся Люцифер.

Из горла Луки вырвался низкий рык. — Если ты причинишь ей вред, я убью тебя и всех, кто носит фамилию Лучано.

— Причинить ей боль? Она мне нужна. В любом случае, это был лишь вопрос времени, когда ты придешь за мной. Мы оба это знаем.

Он знал.

— Не волнуйся, я не собираюсь причинять ей боль... — Люцифер сделал паузу, его голос стал гордым, — которую я причинил твоей матери.

Тьма в Луке поднялась, ухмыляясь тому, что должно было произойти.

— Только этого я и ждал.

На словах Луки на другом конце провода наступила жуткая тишина, а затем раздался щелчок, завершающий разговор.

Люцифер только что решил свою судьбу. Единственная причина, по которой Лука так долго оставлял его в живых, заключалась в том, чтобы доказать, что этот человек причастен к смерти его матери.

Он встал, не теряя времени.

— Пойди приведи мою собаку.

— Куда ты идешь? — спросил Сэл, вставая.

Его голос был серьезным и мрачным, когда он ответил:

— Переодеваться.

Теперь у него были основания для войны.

Он открыл дверь на верхнем этаже отеля-казино, не дожидаясь, пока его пригласят войти.

Данте как раз подносил к губам полный стакан темной жидкости, но остановился, увидев, что в кабинет вошел его сын. Его холодные, льдисто-голубые глаза стали еще холоднее, когда он взглянул на сына, сразу поняв, что ничего хорошего из уст сына не прозвучит.

Лука откинул назад свои недавно подстриженные волосы, которые подчеркивали его коротко остриженную бороду. Затем он поправил свой черный костюм, угрожающе стоя перед отцом. От него практически волнами исходил запах ярости и жажды крови. Это было редкое и пугающее зрелище для любого человека. Взрослым мужчинам этот образ даже снился в кошмарах.

Увидеть Луку в костюме и галстуке было не очень приятно. Когда бугимен надевал свой черный костюм, это всегда означало одно... За ним следовала смерть.

— Объясни, — потребовал Данте.

— Тебе нужны были доказательства, прежде чем ты захочешь войны... — Дверь снова открылась, и Сэл ввел связанного и слепого человека. — Вот они.

Деформированный и истерзанный человек был еще одним зрелищем, которого многие не видели. Шедевры Луки были произведениями искусства, а он был настоящим художником.

Откинувшись в кресле, Данте улыбнулся.

— Это тот самый человек, который ворвался к Неро, пытаясь добраться до Марии?

— Да, но он был там не ради Марии.

Данте поднял бровь.

— Тогда ради кого?

Лука посмотрел вниз на свою недоедающую собаку, которая молчала.

— Хлои Мастерс.

— Маленький испуганный друг подружки Неро?

Лука снова поправил свой костюм, эти слова вывели его из себя.

— Ты не будешь говорить о ней в таком тоне.

Данте понял это.

— Ты, блядь, несерьезно, — насмеялся он.

— Я чертовски серьезен. — Слова были произнесены низким рыком.

— Она еще практически ребенок, Лука. — Лицо его отца стало яростным, по одному только взгляду его глаз он понял, как серьезно его сын относится к ней. Данте был в недоумении, и это его разозлило. Лука не проявлял чувств к собственной семье, не говоря уже о девушке.

— Ты ожидаешь, что она будет поддерживать тебя и справляться с жизнью, которую ты ведешь? Она ущербна и слаба.

— Я просил тебя не говорить о ней в таком тоне. В следующий раз я позабочусь о том, чтобы эти слова стали для тебя последними, — предупредил он его в последний раз. — Она не покалечена и не слаба, и она научится стоять рядом со мной.

Босс покачал головой, давая понять, что никогда не даст своего благословения.

— Ты кое-что забыл...

— Что она не итальянка? — Лука улыбнулся. — Этому правилу придет конец, когда я займу твое место.

— Что ты только что сказал? — Ледяные глаза Данте впились в него.

— Ты слышал меня. Мы устали выбирать женщин по крови.

— Ты думаешь, я чертовски глуп? — Данте надулся. — Я знаю это, но высшие члены нашей семьи всегда должны быть полнокровными итальянскими мужчинами. Ты, в первую очередь.

— Сейчас у нас нет на это времени, — прорычал Лука. Он и так потратил достаточно времени, чтобы добраться до Хлои.

Быстро введя отца в курс дела, он рассказал ему о том, что именно Люцифер нанес Хлое шрамы, что он защищал ее и держал в доме, что Драго пошел на дно ради нее и что теперь Люцифер держит ее в плену.

Данте слушал рассказ, понимая, как далеко в кроличью нору зашел его сын, и все ради девушки.

— Мои люди не пойдут на войну за тебя прямо сейчас из-за какой-то девчонки, когда мы даже не знаем, жив Драго или нет! — Он повысил голос, ударив по столу, прежде чем снова взял свой гнев под контроль. — Даже если бы я приказал им это сделать, мы уже много лет живем в мире. Они не будут рисковать этим и своими жизнями. Они будут мстить нам.

Лука пнул слепого по ногам.

— Скажи ему, почему он пометил ее.

— Он хотел, чтобы Максвелл был в его кармане, чтобы дать ему информацию о тебе или обо всем, что могло бы тебя уничтожить.

Ярость, которую Данте сдерживал, теперь перешла от Луки к Люциферу.

Лука продолжил объяснение сам:

— Единственная причина, по которой он до сих пор не добрался до тебя, заключается в том, что Сэл перехитрил его, а Драго блокировал его все эти годы. Тогда мы просто не знали, что это Люцифер. Когда мы заподозрили его, нам понадобились доказательства.

— Черт. — Данте сделал глоток своего напитка, пытаясь успокоиться. — Мы должны хорошо подумать и еще более тщательно все спланировать. Я не поведу своих людей на войну прямо сейчас, не ради нее. Это цена за то, что ты ставишь ее выше Драго и остальных членов семьи.

Я знал, что он так и скажет.

Именно поэтому Луке понадобился последний кусок, поэтому он должен был ждать и тщательно все спланировать, как и говорил его отец. Иначе он сделал бы смерть Люцифера еще более неминуемой.

Его призрачный голос подал команду: — Сэл...

Сэл нажал кнопку на своем телефоне.

— Не волнуйся: я не причиню ей вреда... как причинил твоей матери.

Данте наклонился вперед, и когда он встал, его ледяные глаза обещали возмездие.

— Семья Карузо идет на войну. Сейчас.

Сорок один

Тьма в ее истинной форме

Хлоя вернулась туда, где все началось четыре года назад, на холодный склад, расположенный в глуши. Те же люди, которые похитили ее раньше, привели ее сюда, за исключением одного из трех людей Люцифера, того, кто носил кольцо с подковой.

Этот момент снился ей в кошмарах с тех пор, как он впервые отпустил ее. *Я всегда знала, что этот день настанет.*

Ее запястья и лодыжки были связаны тугими веревками. Ее руки постоянно двигались, подрагивая, отчего веревки только жгли кожу.

Дьявол положил ее замерзающее тело на стул, стоявший в центре заброшенного здания. Когда он смотрел на нее сверху вниз, она видела победу в его больных, черных глазах.

— Они здесь, — сказал дьяволу один из его людей, когда она услышала, как вдалеке подъехало несколько машин.

— Лука? — беспомощно прошептала маленькая девочка, обращаясь к единственному мужчине, способному ее спасти.

— Ты действительно думаешь, что он спасет тебя? — Люцифер достал из кармана длинный кусок ткани и повязал его вокруг ее головы, чтобы закрыть ей рот, пока она боролась с ним. — В прошлый раз тебе это не помогло, не так ли?

Надеяться было опасно. Надеяться на спасение в этот раз, когда никто не пришел за ней в прошлый. Однако на этот раз она знала, что такой человек, как Лука, существует, и чувство, которое они разделяли, снова и снова говорило ей одно слово. *Верь.*

Люцифер провел пальцами по ее лицу.

— Я мечтал вернуть тебя с тех пор, как отпустил. Я очень долго ждал тебя. Слишком долго. Я довел себя до изнеможения, желая тебя.

Хлоя дышала так тяжело, что ей казалось, что ткань, которой был завязан ее рот, задушит ее. Каждое его прикосновение оставляло за собой след палящего огня, который продолжал жечь ее кожу, не в силах погаснуть. Чувствуя каждое его прикосновение, боль от этого начинала поглощать ее. Она хотела смыть ее, но боялась, что мыло и вода никогда не помогут.

Он поднес руки к ее волосам, схватив их так сильно, что практически вырывал пряди.

— Сначала я хотел убить тебя. Но когда Лука забрал тебя у меня, я понял, что хочу совсем другого.

Она не думала, что в его огромных черных глазах можно увидеть что-то кроме пустоты, но сейчас она увидела нечто иное — одержимость.

Хлоя прослезилась, когда он приблизил свое лицо к ее. Когда она закрыла глаза, то почувствовала, как его отвратительный холодный язык лижет шрам на ее щеке.

— Каково это, когда тебя хотят трое мужчин? Я... Лука... Амо... — Когда он произнес последнее имя, то увидел шок на ее лице. — Да, тебе придется напомнить мне поблагодарить Амо за то, что он привел меня к тебе. Я даже могу оставить его в живых... если Лука еще не убила его.

Еще одна слеза скатилась по ее щеке. Она попыталась развести руки в стороны, желая, чтобы веревка на запястье отпустила ее.

— Скоро ты будешь у меня, моя маленькая девочка. Только сначала я должен позаботиться о деле, — прошептал он ей обещание, прежде чем отпустить ее.

В этот момент дверь на склад открылась.

Лука?

Мужчины начали входить. Мужчин, которых она никогда раньше не видела. Она быстро поняла, что это не Лука и не кто-то из семьи Карузо. Эти мужчины не были одеты в изысканные итальянские костюмы и туфли. На большинстве из них были только части костюма, такие как пиджак или брюки, но они не были сделаны из тонких материалов. Эти люди выглядели грубовато, почти как Лука, но с другим качеством.

К дьяволу подошли трое мужчин, двое из которых были близнецами. У всех троих были татуировки, и на каждой руке было по несколько колец. Во всех них было что-то такое, что напомнило ей о нем.

— Что происходит, Люцифер? — спросил тот, кто казался старше близнецов.

Люцифер... От этого имени у нее по коже побежали мурашки.

— Я уже говорил тебе: семье угрожают. Это все, что вам или кому-либо еще нужно знать. — Его голос повысился, когда он обратился ко всем своим людям, а не только к тому, кто стоял перед ним, заставив их всех разбежаться по зданию и приготовиться. — Каждый из вас, мать вашу, будет защищать меня и эту семью. Несмотря ни на что.

Все трое, казалось, скептически смотрели на Люцифера, пока, наконец, не заметили ее. На мгновение они пристально посмотрели на нее, вглядываясь в ее покрытое шрамами лицо.

Хлоя затаила дыхание, не двигаясь, пока близнецы шли к ней. Затем они разошлись в разные стороны, медленно начиная обход вокруг нее по идеальному кругу, глядя на нее сверху вниз, как ястреб перед тем, как напасть на добычу.

— Кто это? — спросил один из близнецов, проходя перед ней, чтобы обойти ее сзади.

Люцифер злобно усмехнулся.

— Мой приз.

Другой близнец обошел ее спереди, продолжая кружить вокруг нее.

— Тогда мы присмотрим за ней для тебя. Не так ли, Матиас?

— Да, — согласился Матиас, улыбаясь, когда его глаза пронеслись по ее телу.

Эти двое были зеркальным отражением друг друга, вплоть до татуировок. Она не знала, как их различить.

Хлоя тяжело и глубоко сплотнула, ее взгляд переместился на третьего парня, который

первым заговорил с дьяволом. Он не сводил с нее своего пронзительного взгляда, заставляя ее и без того дрожащее тело биться еще сильнее.

Он подошел к ней вплотную, пока не встал прямо перед ней, глядя вниз, его глаза блуждали по ее покрытому шрамами лицу. Так близко к нему ей стало ясно, кто он такой. Его щетина скрывала его личность издалека, но вблизи невозможно было не заметить, что он сын Люцифера.

Когда он подошел к ней сзади, она приготовилась к тому, что он собирается с ней сделать. Затем она почувствовала что-то теплое на своих плечах, а затем на руках.

Посмотрев вниз, она увидела, что он накинул на нее свою куртку. Она была теплой от ношения, и это согревало ее озябшее тело, принося ей некоторое облегчение.

Она видела только его спину, когда он отошел от нее, теперь уже без куртки, пока он не вернулся на свое место, наблюдая за ней издалека.

Она посмотрела вниз на свои сжимающиеся руки и запястья, которые болели. Множество мужчин, заполнивших комнату со своим оружием, заставили ее почувствовать сильный сдвиг внутри себя, чувство, которое усилило странную вещь между ней и Лукой. Это заставило ее потерять всякую надежду на то, что Лука сможет спасти ее.

Если бы Лука пришел, это могло бы стоить ему жизни, с чем она не смогла бы смириться. Не только потому, что она ненавидела бы себя за это, но и потому, что теперь она знала, каково это — быть в безопасности с ним.

Хлоя пролила последнюю слезу. *Не спасай меня, я этого не стою.*

Секунды казались минутами, минуты — часами. Она продолжала сидеть на месте, ее тело болело и мерзло, запястья стали сырыми.

Мужчины на складе становились все более нервными, а Люцифер — все более безумным. Тем временем трое мужчин продолжали наблюдать за ней, близнецы продолжали кружить вокруг нее, как медленные и сломанные часы.

Хлоя чувствовала, как энергия мужчин меняется в комнате, один за другим, когда звук машин стал приближаться, фары осветили мрачный заброшенный склад.

Посмотрев вниз на свои запястья, она увидела струйки крови.

Близнецы стояли по обе стороны от нее, ближе, чем раньше, а Люцифер подошел к ней сзади.

Все мужчины стояли вокруг здания, направив оружие на массивную дверь, а сын Люцифера стоял перед строем.

— Вы будете ждать моих приказов. Я ждал этого момента много лет, — гордо приказал Люцифер. — Сегодня настал день, когда мы вернем наш город.

Дверь распахнулась, явив множество чистых мужчин в итальянских костюмах.

Слезы навернулись ей на глаза. Она уже чувствовала, как теряет его.

Лука, не надо!

Воздух наполнился вздохами, и люди Люцифера начали отступать. Некоторые из них практически обделались от растерянности.

— Карузо! Вы не сказали нам, что это будут они! — раздался шепот по комнате.

Устрашающие костюмы разделились, заняв разные стороны комнаты.

Ее глаза расширились, когда она увидела Неро, Винсента и Амо, стоящих в центре. Они казались ей другими. Сильнее, старше, страшнее. Они даже не были похожи на себя.

Когда ее глаза остановились на Амо, она увидела в них боль и сожаление о том, что он привел ее сюда.

Когда трое разделились, они увидели Сэла, который держал в руке цепь, ведущую к человеку, который больше не выглядел человеком. Он был просто кожа да кости, покрытые грязью, ожогами, новыми и старыми ранами.

Она и Люцифер смотрели на него, чувствуя, что знают его, но его матовые волосы и изуродованные глаза мешали им понять, кто это, пока их не осенило.

— Святые угодники! — Все мужчины сделали шаг назад.

Она думала, что ее стошнит от одного взгляда на него, что палец, на котором когда-то было его золотое кольцо с подковой, теперь исчез...

Она точно знала, кто сделал его таким.

Когда Сэл толкнул измученного мужчину на колени, дыхание Хлои замерло вместе с ее телом, не думая, что можно чувствовать больше, чем она чувствовала до того, как его синезеленые глаза встретились с ее.

Лука...?

Она окинула его взглядом, никогда прежде не видя его таким. Волосы и щетина Луки были подстрижены, а каждый элемент костюма, который он носил, был черным, как ночь. Его грубая внешность исчезла, на ее месте появилось нечто более грозное, пугающее и смертоносное. Это была тьма в ее истинном виде. Бугимен.

Я спасу тебя, дорогая, — прошептал его голос в ее сознании, когда их глаза встретились. Все будет хорошо.

Чувство, которое они разделяли, становилось все сильнее, обволакивая и защищая ее. Четыре долгих года она ждала этого момента, момента, когда она наконец почувствует себя... спасенной.

Сорок два

Сила, выходящая за пределы этого или любого другого мира

Только один пистолет был на стороне Карузо, и он был в руке Луки, когда он направил его на череп истерзанного человека.

Хлоя подняла глаза на Луку, слишком напуганная, чтобы отвести от него взгляд, чувствуя себя в большей безопасности под его взглядом.

— Где Данте? — Люцифер сплунул из-за ее спины.

Трое мужчин появились из-за других костюмов: они были похожи на Неро, Винсента и Амо, только старше. Данте стоял между Винни и Энцо, трое мужчин под защитой своих сыновей и других костюмов.

— Я готов дать тебе один шанс, Лучано, — Данте говорил властно и уверенно. — Обменяй мне своего человека на девушку. Не нужно проливать кровь. — Его глаза окинули всех их сыновей, а затем их семьи.

— Нам обоим есть что терять.

— Когда ты стал такой сукой, Данте? — Люцифер усмехнулся. — Я натравил на твою жену, убил ее, а ты хочешь позволить мне уйти? Ты позор для этого города.

Мне очень жаль. Глядя в глаза Луке, ее сердце разрывалось от жалости к нему. Человек, укравший ее душу, был ответственен за кражу души его матери.

Чувства и связь между ними стали более понятными.

Данте сжал челюсть и сделал шаг вперед, его голос стал более властным, когда он

сказал:

— Девушка за твоего мужчину, Лучано.

Люцифер положил руки на плечи Хлои, резко сжав их.

— Что ты хочешь от нее? Она тебе никто, и она не принадлежит ни одному Карузо. — Он пошевелил одной рукой, проводя пальцем по шраму. — У нее моя метка. Она принадлежит мне и только мне.

Прикосновение дьявола обожгло ее, но она не отшатнулась, найдя силу в сине-зеленых глазах, которые не отрывались от ее глаз.

— Ты забрал ее из моего дома, из моей защиты и от моего сына. — Данте сделал паузу, его льдисто-голубые глаза стали еще холоднее. — Она принадлежит Луке.

Подкрадывающийся страх, пульсирующий в мужчинах Лучано, наполнил воздух, как только он произнес имя Луки. Все они сделали шаг в сторону от нее, не желая находиться рядом с ней. Единственными, кто не сдвинулся с места, были Люцифер и близнецы.

— Нет! Она моя! — закричал Люцифер.

— Хлоя моя, — низкий, смертоносный голос заполнил пространство, ударяя по ушам каждого живого существа здесь, пока их кровь не остыла, шепча снова и снова во всех их умах. — Отдай ее мне сейчас же, или я вышибу его гребаные мозги. — Он приставил ствол пистолета к голове мужчины, пока тот стоял на коленях, не двигаясь.

— От него мало что осталось. Лучше бы он умер. — Люцифер рассмеялся. — Он больше не служит мне, если не может удержать ее драгоценное тело...

БАХ.

Люська нажала на курок, и тело упало вперед на пол.

«Держи себя» — сказали ей его глаза, когда она вскочила от шума.

— Убейте их! — потребовал Люцифер.

В комнате воцарилась тишина. Люди Люцифера оглядывали друг друга, пытаясь решить, что делать.

— Что вы делаете? Убейте их! — снова безумно закричал Люцифер, отдергивая руки от Хлои, чтобы отойти назад и оглядеть своих людей. Когда он это сделал, близнецы шагнули ближе к ней.

Сын Люцифера, стоявший впереди, пока не двигался. Он просто не сводил глаз с Данте. Но теперь он наконец перевел их на Луку.

— Она твоя?

— Она моя, — с уверенностью сказал Лука.

— Отойди, Доминик. Позволь нам взять тех, кто должен ответить за свои преступления. И больше никому не придется умирать — Данте сделал паузу. — сегодня.

— Я СКАЗАЛ, УБЕЙТЕ ИХ! — Люцифер становился все более безумным.

Грудь Хлои вздымалась и опадала с силой ее дыхания, а все остальные Лучано ждали, что сделает Доминик.

Доминик медленно опустил пистолет и отошел в сторону. Воздух словно высосали из комнаты. Затем все последовали его примеру, опустив оружие на пол и отступив в сторону. Можно было практически ощутить, как власть переходит от Люцифера к Доминику, от отца к сыну. Воздух, который был высосан из комнаты, вернулся обратно в виде воздушного потока, который ощущался по-другому.

Ошеломленный и обезумевший Люцифер схватился за нож и бросился прямо на Хлою. Близнецы тут же схватили его, оттащивая назад и подальше от нее.

Тут до Хлои наконец-то дошло. *Они защищали меня... все это время.*

Лука сделал шаг вперед, единственный в комнате, кто пошевелился, когда он подошел к ней. Карузо следовали за ним с каждым его шагом.

Когда синие-зеленые глаза бугимена приблизились к ней, она попыталась вырваться из своих оков, из ее глаз потекли слезы.

Когда он вытащил нож, она не сдвинулась ни на дюйм. Даже ее глаза не отрывались от его глаз, когда он поднес нож близко к ее лицу, разрезая ткань, обернутую вокруг ее лица, и позволяя ей упасть на землю. Затем бугимен опустился перед ней на колени, отрезая веревку от ее лодыжек.

Ее сердце вырывалось из груди, слезы все еще падали, когда он наконец осторожно отрезал окровавленную веревку, связывавшую ее запястья.

Была эта доля секунды, момент времени, который точно остановился. Мгновение, настолько мощное, что оно было остановлено не менее мощной силой, когда они двое посмотрели друг другу в глаза. Только они двое знали, что произойдет дальше, о чем они думали, что чувствовали.

Это была сила, выходящая за пределы этого мира или любого другого.

Когда время возобновилось, Хлоя, которая когда-то убежала бы, испугавшись опасного существа, стоявшего перед ней, раскрыла руки и бросилась в объятия бугимена, стоявшего перед ней на коленях.

Это было прекрасно.

— Ты спас меня. — Она начала плакать ему в грудь.

— Я обещал спасти тебя, дорогая. — Лука крепко прижал ее к себе. — Я всегда буду спасать тебя.

Подняв ее и прижав к себе, он стоял, а она держалась за него, закрыв глаза и уткнувшись лицом в его шею, пока борьба и крики сменялись ужасом перед красотой их воссоединения.

Она никогда не видела того момента, когда Сэл простым движением пальца решил судьбу испуганных людей.

Она никогда не видела настоящего, неподдельного страдания на лице Амо, когда ему пришлось смотреть, как Лука проходит мимо него, унося девушку, которую он любил.

Она так и не увидела устрашающего взгляда, которым Лука одарил Амо, пообещав исполнить свосвою угрозу.

Хлоя так и не увидела, что в тот самый момент, когда она наконец-то была спасена, Лука был спасен от своих собственных кошмаров.

Сорок три

Душа, которую только он мог вернуть ей

Лука понес ее по ступенькам в дом, миновав дверной проем, где кровь Драго все еще пачкала полы.

— Он...? — Хлоя сглотнула, не в силах произнести слова.

— Мы поговорим об этом позже, дорогая. — Крепко прижав ее к себе, он начал поднимать ее по лестнице.

Она закрыла глаза, уткнувшись лицом в его шею, ее ноги и руки крепко обхватили его. *Драго отдал свою жизнь, и я никогда, никогда не смогу отплатить за это.*

Достигнув верха лестницы, он провел рукой по ее спине, пытаясь успокоить, пока нес ее в свою комнату, проходя в ванную, где положил ее на тумбу между двумя раковинами. Когда он встал между ее ног, Хлоя не сводила глаз с его груди.

Мягкость в нем, казалось, исчезла, когда он оглядел ее потрепанное тело, снимая с ее плеч пиджак от черного костюма.

— Он сделал тебе больно?

— Н-нет. — Лука показался ей немного пугающим. Тьма в нем еще не вышла на свободу. — Я сделала это с собой, — сказала она, когда он задрал рукава, обнажив сырую и поврежденную кожу на ее запястьях.

— Он прикасался к тебе где-нибудь? О чем мне нужно знать? — прорычал Лукка, демонстрируя свое собственничество.

Понимая, что он имеет в виду, она покачала головой, надеясь, что ее ответ хоть немного успокоит его и отгонит тьму. Однако, когда она посмотрела на свои колени, она все еще чувствовала огненные следы там, где дьявол прикасался к ней.

Лука положил палец ей под подбородок, приподнял ее голову и заставил посмотреть на него.

— Что такое?

— Я-я-я все еще чувствую его, — призналась она. — Повсюду вокруг меня.

Он отвернулся от нее, и она не знала, сломило ли его ее признание, или оно привело его в еще большую ярость.

Оставив ее на ванне, он подошел к душу и включил воду, после чего вернулся к ней. Затем он стащил ее с и поднял на ноги, сказав ей:

— Ты позволишь мне помочь тебе.

— Ч-что? — Она занервничала, отчего ее тело задрожало. Она почувствовала, что ее замерзшая кожа наконец-то начала согреваться, но потом снова покрылась льдом.

— Я не прикоснусь к твоей коже и не присоединюсь к тебе, даже если это убьет меня. — В его властном голосе звучала легкая боль. — Но ты позволишь мне помочь тебе раздеться и одеться. Я не могу оставить тебя сейчас, Хлоя. Просто не могу.

Я не хочу, чтобы ты уходил. Она тоже не могла не быть с ним, не после того, что только что произошло. Медленно она кивнула головой.

Когда Лука взялся за подол ее свитера, осторожно снимая его с ее тела, его взгляд обратился прямо к шрамам на ее руках. Затем он окинул взглядом шрамы на ее животе, которых раньше не замечал.

Хотя она не могла смотреть ему в глаза, она чувствовала, как он голоден.

Когда он начал расстегивать заднюю часть ее черного бюстгалтера, она все больше нервничала. Шрамы на ее теле были не единственной причиной ее неуверенности. Она рано выросла в свое тело, уже в юном возрасте у нее была женственная фигура, которую она никогда не могла скрыть. Невысокий рост не помогал, он только усугублял и без того чрезмерно большие бедра и грудь.

Как только бюстгалтер спал, она прикрыла тяжелые груди руками, смущаясь. *Зачем я это делаю?* Старая часть ее души хотела убежать, а новая не давала ей этого сделать.

Лука видел, что она сомневается, и не стал терять времени. Он снял черные джинсы с ее бедер и её тонкое нижнее белье.

— Прими душ, — жестко приказал он.

Она побежала в безопасную душевую, стараясь не умереть от смущения. Когда она

закрыла за собой дверь душа, парное тепло дало ей возможность уединиться.

Как только вода коснулась ее кожи, она почувствовала, что может растаять. Она была такой теплой, согревая ее тело, которое было заморожено в течение нескольких часов.

Лука не сдвинулся ни на дюйм со своего места, его глаза не покидали ее силуэт за стеклянной дверью душа.

— Вымой запястья.

Послушавшись его команды, она подставила запястья под воду, наблюдая, как смывается кровь и как вода становится слегка красной, прежде чем очиститься. Затем она взяла бутылку с мылом и налила немного в руки, намазывая тело и стараясь не попасть на раны.

Повернувшись, чтобы дать воде стечь по спине и волосам, она увидела Луку через стекло и застыла на месте. По его голодным, полностью голубым глазам было видно, что он мучается. Хлоя видела, как сильно он ненавидел то, что обещал не прикасаться к ней и не присоединяться к ней. Все было настолько плохо, что казалось, будто он вот-вот в любую секунду бросится сюда.

Внезапно испугавшись, что он так и сделает, Хлоя быстро попыталась закончить: налила немного шампуня на волосы и смыла его. Затем она налила еще немного мыла в руку и умыла лицо, где Люцифер касался ее больше всего.

Уйди, уйди. Ощущение того, что он лижет ее, все еще сохранялось, но с каждым натиранием мылом Люцифер исчезал, заменяя дьявольское прикосновение пьянящим запахом чистой мяты Луки.

Когда она убедилась, что дьявольских микробов на ней больше нет, она выключила горячую воду и открыла дверь душа, чтобы взять полотенце, висевшее снаружи. Затем она поспешно обернула его вокруг своего тела.

Лука все еще не двигался.

— Иди сюда, — приказал он.

Прижимая полотенце, она шатко подошла к нему, ее грудь тяжело вздымалась и опускалась.

Когда он протянул руку, она не знала, чего ожидать: все, что она знала, это то, что она полностью и без сомнения доверяет ему.

Лука поднял ее и посадил обратно на тумбу. Затем он начал доставать материалы из-под раковины, чтобы перевязать ее запястья.

Хлое было трудно смотреть на него, пока он начинал обрабатывать ее запястья. Боль от борьбы с темнотой была так заметна на нем. И к тому времени, когда он полностью перевязал ее, ей уже было тяжело видеть его таким.

— Мне жаль, — прошептала она. — Я бы хотела, но... но...

— Я так чертовски сильно хочу тебя, дорогая. — Он наклонился, положив голову на ее голову, и смягчился. — Но я знаю, что ты не готова. Я ждал тебя больше восьми месяцев, и буду ждать вечно, если это потребуется.

Одна слезинка вытекла из ее глаз, чувствуя его эмоции как свои собственные.

Она обвила руками его шею и придвинула голову, подставляя лицо для его поцелуя.

Лука посмотрел на нее сверху вниз, вытирая слезу.

— Я никогда не видел, чтобы ты плакала до сегодняшнего дня. Даже когда ты кричишь во сне.

— Я... я не видела. Я думала, что все мои слезы высохли. — На самом деле, их нужн

было запустить снова. Им нужна была причина, чтобы бежать.

Наклонившись ближе, он приник к ее мягким губам своими, захватив ее в страстный поцелуй, который определенно не был похож на другие. Этот поцелуй согревал ее изнутри, согревая низ живота, а затем и ее женственность, когда он притянул ее ближе. Их дыхание синхронизировалось, и оба они потерялись друг в друге.

— Откройся, — прошептал Лука ей в губы, когда она не поняла намека его языка.

Раздвинув губы от одной только вибрации, она позволила его языку войти в себя, создавая совершенно новые ощущения, которых она никогда не испытывала раньше. Ей показалось, что это длилось недолго, когда он отстранил губы.

Убрав ее влажные волосы за спину, он легкими поцелуями провел от челюсти вниз по шее, собирая языком капельки воды.

Хлоя тихо застонала, когда он лизнул чувствительную часть ее шеи. Теперь она вся горела.

Он внезапно остановился и поднял ее на руки, держа за мягкую попку, понес в спальню и усадил на край кровати.

На нее нахлынули разные эмоции — от растерянности до нужды и беспокойства, — и она уставилась на опасное, голодное существо.

— Я должен остановиться. Иначе не будет вечности, если она тебе понадобится, — с трудом выговорил он.

Ее глаза расширились, и она поняла, что играла с огнем.

Затем он поспешно пошел к своим ящикам, взял одну из своих рубашек и вернулся к ней.

— Сними полотенце, — потребовал он, глядя на нее сверху вниз.

Прикусив губу, она повиновалась, развернула полотенце и позволила ему упасть на кровать, открыв ему полный вид на ее большие груди.

Лука не спеша натянул рубашку через голову и вниз по груди, пока она поднимала руки. Костяшки его пальцев легонько касались ее твердых сосков так быстро, что она даже не была уверена, были они или нет.

Голод все еще был. Тьма прямо под поверхностью. Он был опасным мужчиной, еще более опасным сегодня, но она все еще чувствовала себя в безопасности в присутствии этого бугимена.

Он такой красивый, подумала она, глядя на призрачного мужчину, которого она впервые видела одетым в полный костюм. Это каким-то образом делало его необычайно красивым. Для мужчины с его внешностью выглядеть так было опасно и страшно.

— Ты пялишься, дорогая, — предупредил он ее, все еще пытаясь успокоить себя и удержаться от прикосновений.

Она покраснела и быстро отвела взгляд.

— Я... я прошу прощения. Я просто никогда раньше не видела тебя в костюме.

— Тебе нравится? — спросил он, положив руку на ее горло, чтобы заставить ее посмотреть на него.

— Д-да, — нервно призналась она, хотя от этого он выглядел еще страшнее и пугающе.

— Тогда, наверное, мне придется надевать его почаще для тебя.

Это послало еще одно пламя тепла, согревающее ее тело. Она окинула взглядом его ухоженный вид, или более чистый. У него все еще была щетина, в отличие от остальных членов семьи: его черно-каштановые волосы, возможно, стали короче, в основном по бокам,

но они были все такими же дикими, даже когда он зачесывал их назад.

— Ты тоже подстриг волосы и бороду.

Он улыбнулся, его рука все еще крепко обвивала ее шею.

— Тебе это тоже нравится, дорогая?

Это было трудно решить, поскольку это было более постоянным, чем надеть костюм. Он был красив независимо от того, какой длины были его борода и волосы. Просто это придавало ему другой эффект.

— Мне нравится эта длина так же, как и прежняя. — Она облизала нижнюю губу, немного нервничая перед тем, как сказать следующую часть. — Ты очень красив в любом случае.

Судя по лукавой улыбке на его лице, она была уверена, что он ничего не знает.

Он быстро поцеловал ее в губы, прежде чем отпустить ее горло, чтобы стянуть большое одеяло.

— Ложись в постель, пока я не передумал.

Отступив от опасного существа, она поспешно забралась под одеяло, натянув толстый материал на себя, а сама улеглась на кровать. Это был очень долгий, мучительный день, и она поняла, насколько он был утомительным.

Когда он начал уходить, она полусидела-полулежала.

— Куда ты...

— Я просто иду переодеться. Я не оставлю тебя, дорогая.

Расслабившись, она наблюдала, как он снова подошел к комоду. Она не могла отвести взгляд, когда он снял черный галстук и начал расстегивать рубашку. Его смуглая итальянская кожа блестела в тускло освещенной комнате, подчеркивая мускулы на всем теле.

У Луки было такое тело, о котором мечтает каждая женщина и каждый мужчина. Его руки, грудь, плечи и верхняя часть спины были самыми большими частями его тела. Она догадывалась о том, как он выглядит снизу, по его черным рубашкам, обтягивающим верхнюю часть тела, но никогда в своих самых смелых мечтах она не думала, что он будет настолько совершенен, как сейчас. Все в нем действительно заставляло стыдиться любого другого мужчину, как и его меньшего. Лука родился там, где ему и место. Король Канзас-Сити.

Отвернув голову, когда он начал снимать штаны, она плотнее притянула к себе одеяло и закрыла глаза, стараясь не представлять в своем воображении лицо дьявола. Она пролежала так несколько минут, пока кровать не зашевелилась и сильные руки не притянули ее к твердому, теплему телу. Кожа, которую она почувствовала, насторожила ее, и она отстранилась, увидев, что это его обнаженная грудь.

Лука крепко обнял ее, возвращая к себе.

— Я не голый, дорогая, но и рубашку надевать не собираюсь.

Теперь, когда она почувствовала плотный материал, покрывающий его нижнюю половину, она снова прильнула к нему, но все еще с трудом. Было странно ощущать его кожу на своей, но в то же время странно приятно.

От обоих тел исходил прохладный мятный аромат, заставляя ее таять в нем. Честно говоря, ей казалось, что она не может насытиться этим запахом. Он звал ее, успокаивал.

Чем дольше она лежала с ним вот так, прижавшись к его груди, тем быстрее исчезали слабые следы прикосновений дьявола. Однако воспоминания оставались, вызывая дрожь по всему телу.

— Ты знал, что это он...? — Убил твою мать.

Он провел пальцами вверх и вниз по ее спине.

— Да, у меня всегда было чувство, что он как-то связан с ее смертью, но я никогда не мог этого доказать.

— Мне очень жаль. — Она прижалась ближе к нему, зная, что Лука чувствовал к своей матери, хотя он никогда этого не говорил. — Мне жаль, что тебе пришлось ждать так долго.

Его голос потемнел.

— Теперь он у меня, и это все, что имеет значение.

От его слов она задрожала, волосы встали дыбом при мысли о жалкой судьбе дьявола. Утешало ее и то, что он больше не сможет к ней прикоснуться.

Когда она начала засыпать, кошмары были не такими жестокими, но она все еще чувствовала, как они приходят к ней, молча мучая ее.

И хотя судьба дьявола была фатальной, ей хотелось, чтобы ее душа была освобождена...

Каждую ночь в течение нескольких недель Луке снился один и тот же кошмар, когда он закрывал глаза...

Лука почувствовал, как его внезапно осенило. Это было похоже на изменение направления ветра — ощущение ужаса от того, что вот-вот произойдет что-то ужасное.

Он перевел взгляд на нее, понимая, что она тоже это чувствует. Выражение чистого ужаса на лице Хлои, когда в торговом центре раздались выстрелы, будет преследовать его до самой смерти.

Он был так близко, но в то же время так далеко от нее. Люди, бегущие на него, не давали ему прорваться к ней. Неважно, как сильно он пытался пробиться сквозь волну, которая казалась ему тысячами людей, он все еще был всего лишь одним человеком.

Она не двигалась. Ей нужно было мо...

— Хлоя! — Он различил голос Амо среди хаоса.

Он и Амо стояли на равном расстоянии друг от друга, на равном расстоянии от нее. Все трое образовали треугольник, в котором она была на вершине.

Он изо всех сил боролся с волной, наблюдая, как она делает маленький шаг в сторону Амо. Ему нужно было, чтобы она двигалась быстрее и к нему, зная, что он примет пулю за нее, если до этого дойдет.

— Хлоя, двигайся!

Когда она снова сделала шаг, на этот раз в его сторону, его сердце заколотилось в груди, как будто синхронно с ее сердцем. *Вот так, детка, иди ко мне.*

— Сюда, Хлоя! — снова прорезался голос Амо.

Нет!

— Ко мне, Хлоя! — Он нуждался в ней. Он был нужен ей. Он должен был удержать ее. Он должен был спасти ее. Он мечтал об этом моменте несколько месяцев.

Если он снова увидит, как она уходит с Амо, он не знал, сможет ли он выдержать это, не во второй раз.

Лука видел нерешительность на ее лице, выбор, стоящий перед ней. Это пугало его до глубины души, мысль о том, что она выберет Амо, зная, что это будет неправильно. Его и Хлои души были связаны вместе, сливаясь в одно целое. Он просто надеялся, что она это чувствует.

Приди ко мне и позволь мне спасти тебя. Я люблю тебя, Хлоя.

Когда он смотрел, как она движется к нему, он мог бы заплакать. Она почувствовала это!

Затем он увидел, как что-то изменилось, когда она посмотрела ему в глаза. Страх. Страх перед ним.

Он почувствовал, что начинает терять ее, когда она снова посмотрела на Амо. Время словно застыло, пока он наблюдал в замедленной съемке, как она бежит к тому, кого выбрала.

В этом мире не было сердца, которое могло бы сравниться с его болью, когда она прыгнула в объятия другого мужчины. Того, кто не принадлежал ей. Тот, кто никогда не смог бы любить ее так, как он. Тот, кто никогда не смог бы по-настоящему спасти ее, потому что он даже не знал, что ее душа больше не принадлежит ей. Душа, которую мог вернуть ей только он...

Держа ее сейчас, он мог закрыть глаза без кошмаров, зная, что она наконец-то выбрала его. Зная, что ее душа наконец-то в его владении. Он просто должен был подождать, пока она будет готова, пока она будет готова полностью принять то, чем она всегда должна была быть. Его.

Сорок четыре

Что посеешь, то и пожнешь

— Потуши сигарету, Лука, — приказал Данте, раздраженный запахом. Они обсуждали судьбу семьи Лучано, и он и так был в ярости.

Лука стряхнул пепел со своей сигареты, проигнорировав приказ.

Данте сжал челюсть, помахав рукой перед лицом, чтобы дым рассеялся.

Короткий стук в дверь прервал пристальный спор между двумя мужчинами. Пришел консьюльери.

Винни подождал, пока за ним закроется дверь, чтобы сказать:

— Лучано попросили о встрече.

Данте сделал глоток из своего бокала, его отношение было непростительным.

Консьюльери слишком хорошо знал своего босса.

— Я думаю, мы должны выслушать, что они скажут. Если война неизбежна, то так тому и быть, но если ее можно предотвратить, если Лучано загладят свою вину, не должны ли мы хотя бы выслушать их предложение?

— Нет. — Безжалостный взгляд отца переместился на Луку. — Если бы ее там не было, я бы поджег это место к чертовой матери.

Ты имеешь в виду, если бы я не заботился о ней. Сделав еще одну затяжку, он выпустил струйку дыма в сторону отца.

— Мы можем выиграть войну, но за это придется заплатить. Убедись, что ты готов заплатить эту цену, Данте, — сказал ему Винни.

Лука потушил сигарету в пепельнице. — Я предлагаю послушать, что они скажут.

Спустя несколько мгновений и несколько глотков Данте резко кивнул головой.

Винни открыл дверь, позволяя трем Лучано войти. По крайней мере, они были достаточно умны, чтобы не подать виду и почтительно склонили головы перед его отцом, в

то время как ледяные глаза Данте пронзали душу каждого из них.

— Мистер Карузо, мы пришли просить у вас прощения. — Доминик сделал шаг к столу, выглядя более взъерошенным, чем обычно, что не говорило о многом. Его каштановые волосы были взъерошены, как будто он неоднократно проводил по ним пальцами, темная борода, которая обычно успешно маскировала его злое выражение лица, только подчеркивала его, а татуировки под майкой с V-образным вырезом резко выделялись на фоне его оливкового цвета лица.

Все трое мужчин выглядели так, словно не спали.

Руки Анхеля и Матиаса были засунуты в карманы пиджаков, у обоих было каменное выражение лица. Лука знал, что их гордость пострадала от того, что им пришлось слушать, как Доминик пришел умолять Данте отдать им жизнь.

— Почему я должен отдать ее? Твой отец нарушил договор, чтобы сохранить мир между нашими семьями. — Данте хлопнул кулаком по столу, отчего пепел сигареты из пепельницы взлетел в воздух. — Он убил мою жену!

Доминик теперь смотрел в холодные глаза.

— Мы не знали...

— Мне плевать! — Данте оборвал его. — Люцифер и его люди также ворвались в мой дом, забрали кое-что, принадлежащее Карузо, и почти убили одного из моих лучших людей, который до сих пор борется за свою жизнь. Твой отец не уделил бы такого внимания моим сыновьям, моей семье! — Свирепость в его глубине усилилась, вместе с отвращением на его лице. — Его даже не волновало, умрет ли Сэл, пытаюсь защитить меня. Сын, на которого он не хотел претендовать из-за неловкости, что трахает накачанную шлюху, хотя фамилия Лучано вымирает. Но почему я не удивлен? Если ему было наплевать, что Сэл голодал на улицах, когда он был ребенком, почему ему будет наплевать, когда Сэл вырастет?

Сидя в тишине, Лука достал зажигалку и начал щелкать ею, то открывая, то закрывая. Они никогда не должны были говорить о том, что Люцифер — биологический отец Сэла, даже сам Сэл. Он лишь однажды слышал, как Данте говорил об этом.

— Мой отец сожалел о своем решении не брать Сэла, но было уже поздно. Вы уже взяли его к себе. Анхель, Матиас и я никогда не соглашались с решением отца не признавать Сэла своим сыном. Мы лишь солдаты, обученные подчиняться его приказам. Люцифер обеспечивал верность через страх, ты обеспечиваешь верность через уважение. Сэлу лучше было оказаться на улице, чем под властью нашего отца.

Данте откинулся в кресле, его уши, казалось, пытались слушать.

— Как ты и твои братья?

— Да. Люцифер был нелегким человеком для жизни, не говоря уже об отце. — По мрачному лицу Доминика было видно, что он уже не в первый раз умолял о жизни его и его братьев.

— Ты пытаешься добиться моего сочувствия? Лучиано уже однажды оказали милость, не стерев их имя. Твоего отца оставили в живых, чтобы продолжить фамилию, а он предал семью Карузо, и не раз, а дважды.

Доминик покачал головой.

— Мы не на войне. В войне есть две стороны.

— Ты хочешь сказать, что Лучано не отомстят за Люцифера и его людей?

Доминик издал саркастический, почти демонический, смех.

— Отомстить за них? Ты оказал нам услугу.

Лука уставился на свою Zippo.

— Если ты хотел смерти своего отца, почему ты не расправился с ним сам?

— Люцифер знал, что я его ненавижу. Я хотел его смерти, но не ценой жизни одного из моих братьев. Он был осторожен и всегда держал одного из близнецов рядом с тем, кому доверял, с тем, кто без колебаний пустил бы ему пулю в лоб.

— Он не доверял тебе? — Лука посмотрел в глаза Доминика, чтобы понять, не лжет ли он.

— Нет, Люцифер не доверял ни одному из своих сыновей. Он использовал имя Лучано, чтобы убивать и уничтожать всех, кто стоял на его пути, даже ценой собственной семьи. Ты был не единственным, кто убивал Лучано. Никто не был в безопасности от него. Он был не лучшим выбором, чтобы возглавить нашу семью. Те немногие из нас, кто остался, хотят только мира и восстановления нашей фамилии.

Винни отошел от стола Данте и встал напротив, консьюльери взял разговор на себя.

— И кто же из Лучано был выбран лидером?

Взгляд Доминика не дрогнул.

— Я.

Винни и Данте обменялись долгим взглядом, но именно Винни сказал: — Ты можешь носить фамилию, но примут ли тебя?

— Уже приняли. — Доминик высокомерно посмотрел на двух старших мужчин. — Они пойдут за мной: я позабочусь об этом.

— Как ты предлагаешь смягчить гнев Данте? — спросил Винни.

— Лучано будут отдавать еще четвертую часть нашей прибыли, пока вы не сочтете нужным вернуться к первоначально согласованному контракту.

Винни не повернулся к Данте, чтобы узнать, согласен ли он. Он знал, как и Лука, что нелепое предложение не сдержит гнев его отца.

— Половина. — Винни увеличил предложение Доминика до уровня, который мог бы причинить боль.

Доминик резко кивнул головой, его быстрый ответ показал, что он ожидал, что его предложение будет отвергнуто.

Винни стал консьюльери Данте не потому, что был идиотом. Его острый взгляд проследил за выражением лица Доминика, когда он произнес следующую «бомбу».

— Лучано нужна помощь в восстановлении их родословной. Итальянская кровь, которая течет в вашей крови, слаба и разбавлена, — выплюнул Винни, его голос ударил всех троих, как удар хлыста.

— Женщина из семьи Лучано, достигшая брачного возраста, будет выбрана в жены одному из Карузо.

Лука злобно усмехнулся, перекатывая свою Zippo в пальцах. Шоу, которого он ожидал от Винни, оказалось гораздо более приятным, чем он предполагал вначале.

Доминик явно не планировал этого, а Анхель и Матиас не могли скрыть своих ужасных выражений.

— Какая из женщин тебе нужна? За какого Карузо она должна выйти замуж? — пробурчал Доминик.

Винни пожал плечами.

— И то, и другое будем решать мы с Данте. Кого бы мы ни выбрали из Карузо, мы сможем убедиться, что Лучано на этот раз выполнит условия контракта. Доверие будет

завоевано, по одному ребенку за раз, по мере того, как кровь Карузо будет смешиваться с кровью Лучано. Может быть, когда у нас родится четыре или пять Карузо, Данте станет более снисходительным. Ребенок может залечить многие раны.

Доминик не так быстро согласился на второй срок, кивнув головой.

— Мы закончили?

— Не совсем. — Винни улыбнулся. То, что они считали трудным раньше, не шло ни в какое сравнение с этим. — Пока Данте не найдет в своем сердце прощения, один из близнецов будет нашей страховкой. Если какая-то часть контракта не будет выполнена, один из твоих братьев заплатит за это.

Все становится только лучше.

Близнецы посмотрели друг на друга. Ни один из братьев не хотел, чтобы выбрали другого.

Анхель шагнул вперед.

— Я останусь.

Матиас подвинулся, чтобы встать рядом с Домиником.

— Нет, я останусь.

Оба они пытались защитить друг друга. Лука догадался, что это не в первый раз.

Он изучал мужчин. Открыв рот, он произнес имя, но Винни заговорил раньше, чем он успел.

— Анхель.

Лукка достал из пачки одну из своих сигарет. Для Винни не было ничего страшного в том, что он выбрал Анхеля. Ни один из Лучано никогда не считался стильным, но близнецы выглядели как бандиты. Количество татуировок и раздутые мышцы больше подходили для тех, кого можно встретить в темных переулках старого города, где они жили. Близнецы были зеркальным отражением. Насколько знала Лука, все в Лучано шутили, что единственный способ отличить их друг от друга — это посмотреть на изображения их татуировок. У близнецов были одинаковые татуировки, они даже размещали их на одних и тех же частях тела. Разница была в том, что татуировки Анхеля были зеркальным отражением татуировок Матиаса. Лука понимал то, чего не понимал Винни. Анхель был извращенным образом Матиаса.

Лука раздумыва над тем, чтобы оспорить выбор Винни. Но вместо этого он решил промолчать. Его не обманули попытки Лучано спасти свои жизни. Они напоминали ему бешеную собаку, которая только и ждет подходящего момента, чтобы напасть и оторвать руку, которая их кормит.

Доминик покачал головой.

— Матиас был бы лучшим выбором. Я бы не сделал ничего такого, что поставило бы под угрозу жизнь ни одного из моих братьев.

В это Лука верил.

Винни поднял руку, останавливая Доминика.

— Анхель — младший. Лучано взяли его для защиты.

Лука зажег сигарету, чтобы не рассмеяться.

Анхель был ленив. Он позволял всем делать за него грязную работу. Матиас ломал кости, если бандиты и наркоторговцы не платили за их защиту. Если ломать кости не помогало, тогда присылали Анхеля. Когда он заканчивал, защита оплачивалась с процентами.

У Луки было больше шансов контролировать Анхеля, чем у его собственной семьи. Он не хотел, чтобы Анхель сделал что-нибудь, что нарушило бы хрупкий мир, подаренный им.

Лука молчал, чувствуя вспышку уважения к Доминику. Новый босс Лучано впервые за последние десятилетия хотел установить настоящий мир.

Лука встретил взгляд Доминика.

— Я присматриваю за людьми. Я найду для него идеальное место.

Все в комнате видели, как они оценивали друг друга, пока Лука молча говорил, что Анхель его не обманул.

Это было странно, но в кои-то веки Лука действительно хотел мира между двумя семьями. После убийства матери ему было наплевать на войну. Он молил об этом, чтобы отомстить. Однако Хлоя все изменила. Он хотел мира, чтобы обеспечить ее безопасность.

Прошли годы, прежде чем он понял, какая огромная ответственность лежит на его отце.

Доминик снова повернулся к Винни. — Ну что, все в порядке?

— Данте?

Выражение лица его отца было растерянным.

Лука посмотрел вниз на светящийся кончик своей сигареты. Он хотел мира ради Хлои, но это была жена Данте, которую они убили.

— Данте, — печально повторил Винни.

— Что бы ты ни сделал, Мелиссу не вернуть. Если Лучано искупят свою вину, то что ты потерял? Ты уже потерял то, что было для тебя самым важным. Ребенок, в котором течет кровь Карузо и Лучано, может сделать то, что пытались сделать многие поколения, — принести настоящий мир.

Данте протянул руку Доминику, и тот крепко взял его руку в свою, соглашаясь с условиями.

В глазах и голосе Данте прозвучала угроза, когда он предупредил:

— Не разочаруй меня, черт возьми.

Лука глубоко вдохнул, позволяя концу сигареты догореть до ярко-красного цвета. Он вспомнил старую итальянскую поговорку, которую Данте вдалбливал ему в голову, когда он был моложе. *Come semini, così raccogli.*

Что посеешь, то и пожнешь.

Сорок пять

Даже не в смерти

Хлоя оставалась в доме с Лукой в течение недели, не выходя оттуда, давая себе время на выздоровление, а Луке — на то, чтобы убедиться, что все угрозы исчезли.

Было странно думать о будущем, которое она выкинула из головы за последнюю неделю, не понимая, где ее место.

С тех пор как она получила шрамы, она больше не чувствовала, что ей место в этом городе, потому что он предал ее, но она больше не чувствовала, что может быть где-либо без Луки, а Лука действительно принадлежал Канзас-Сити.

Когда-то она думала, что всегда будет рядом со своей лучшей подругой Элли, но это было нереально, если она думала, что это продлится до окончания колледжа. Теперь Элли нашла свое место в городе рядом с Неро.

Будущее было страшной, темной вещью, особенно когда она чувствовала связь между ней и Лукой так сильно и так скоро. Честно говоря, это пугало ее до смерти.

С одной стороны, ей нравилось быть под его защитой. Сила, которой он обладал, заставляла ее ощущать, что она никогда не пострадает и всегда будет спасена. И все же маленькая девочка в ней все еще верила, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой, что она может надоест ему и он отбросит ее в сторону, как это сделали ее родители.

Поэтому, когда Лука попросил ее собрать вещи, в душу закрался страх, что это уже произошло. Затем он привез ее в отель-казино, отнес ее вещи на верхний этаж и направился вниз, к пентхаусу Неро и Элли.

Несмотря на то, что она была рада увидеть свою лучшую подругу впервые за долгое время, она также боялась, что Лука покидает ее, оставляя, чтобы она стала проблемой Элли, пока не сможет поехать в Стэнфорд, на этот раз по-настоящему.

Дойдя почти до конца коридора, дверь Неро распахнулась, и Элли выбежала наружу. Она застыла на месте, как только увидела Хлою, которая так же не могла пошевелиться.

Мгновение спустя из двери вышел разъяренный Неро.

— Лука, я пытался... — Он остановился, когда Лука поднял руку позади Хлои, останавливая его. Тогда Неро наконец заметил, что девушки еще не двигались.

Только когда Хлоя увидела лицо Элли, она поняла, как сильно она по ней скучала. Тогда Хлоя сделала первый шаг навстречу, раскрыв объятия, когда Элли закрыла расстояние между ними. Несколько минут они крепко держали друг друга, их глаза слезились.

— Я так по тебе скучала, — плакала Элли. — Я даже не могла смотреть кино без слез, мечтая, чтобы ты была рядом.

Хлоя хихикала сквозь собственные слезы.

— Я тоже очень по тебе скучала. — Она была уверена, что Элли, вероятно, возненавидит ее за то, что она лгала ей больше месяца. — Прости, что не сказала...

Элли быстро отстранилась от нее, подошла к Луке и изо всех сил толкнула его в грудь.

Что за...

— Я говорила тебе, что ты не можешь ее получить! — На этот раз Элли толкнула его сильнее. Лука не сдвинулся с места.

— Какого черта! — заорал Неро, пытаясь оттащить ее от себя.

Лука поднял руку, снова останавливая его.

— Я сказала тебе, что если ты причинишь ей боль, я убью тебя! — Элли снова ударила по его безответной груди.

Хлоя опустила челюсть на пол.

Лука стоял, принимая удары.

— Я обещаю тебе, что если я это сделаю, то позволю тебе.

Элли, которая была на середине удара, остановилась, потрясенная ответом.

— Правда?

Лука кивнул.

— Да.

То, что Хлоя увидела дальше, потрясло ее еще больше и одновременно согрело ее сердце.

Элли обхватила Луку руками, обнимая его.

— Спасибо, что спас ее.

— Не за что, Элли. — Он принял ее объятия и похлопал ее по спине.

Хлоя почувствовала, что снова начинает испытывать эмоции.

— Ты мне все еще не нравишься. — Элли взяла себя в руки и снова начала его толкать. — Ты недостаточно хорош для нее. Она заслуживает хорошего парня. Я знаю, почему ты такой скрытный у себя дома. Ты только и делаешь, что трахаешься...

Лука протянул руку, схватил ее и закрыл ей рот ладонью.

— Ладно, теперь ты можешь забрать ее от меня, — зарычал он на Неро.

Неро, совершенно ошеломленный, поспешно направился к Элли.

— Что она только что сказала? — Хлоя прикусила губу.

Элли успела освободить рот, когда ее отстранили.

— Женщины. Наверное, сотни...

Неро захлопнул рукой ее рот.

— Мне жаль, Лука. Я возьму ее под контроль! — Он отдернул руку от ее рта, когда она укусила его.

— Нет, не возьмешь. Я все еще злюсь на тебя за то, что ты знал, что она была с Лукой все это время!

По лицу Луки Хлоя поняла, что он даже не знал о том, что Неро в курсе.

Затем он потянул Хлою к двери напротив квартиры Неро и Элли и начал отпирать ее.

— Это твое место? Где, как она сказала, ты фу...? — Она даже не могла ясно мыслить.

— Ага! — Он открыл дверь, весь в поту. — Мы с Лейк думаем, что у него секс-полземе...

— Заткни ее на хрен, пока я не сделал это сам! — крикнул Лука через плечо, пытаясь побыстрее отпереть все засовы.

— Я пытаюсь, но она чертовски скользкая! — Неро пытался оттолкнуть сопротивляющуюся Элли на свое место.

— Я... я... это все правда? — Хлоя начала разминать руки. Секс-подземелье?

— Она просто предполагает, дорогая, — заверил он ее, быстро заталкивая ее внутрь вместе с вещами.

— К черту. — Неро перестал беспокоиться о рте Элли и просто подхватил ее на плечо.

— Не позволяй ему так тебя называть. Он каждую девушку называет «дорогая». Ты должна пресечь это в зародыше, как я сделала с Неро, когда он назвал меня малышкой...

Обе двери захлопнулись одновременно.

Она даже не смогла поднять на него глаза, не зная, что и думать.

Свирепость Луки утихла, когда он увидел нервозность Хлои, и он осторожно взял ее руку в свою.

— Пойдем со мной.

Следуя за ним, она оглядела помещение, заметив, что оно было оформлено так же, как у Неро, но в зеркальном отражении. Однако стили были совершенно разными. У Луки все было выдержано в земных тонах — темное дерево и зелень, как и в его комнате в доме. Он был современным, но не слишком. Более традиционный, чем другие пентхаусы, которые она видела. Он был уютным, теплым и идеальным, напоминая ей о том, что в центре Канзас-Сити можно прекрасно отдохнуть на свежем воздухе.

Поскольку пентхаус был угловым, в нем были окна от пола до потолка на двух стенах, что действительно давало возможность сопоставить вид на природу и город.

Легкая боль подступила к ее сердцу, когда она подумала о том, что сказала Элли. Трудно было представить Луку здесь со многими женщинами.

Притянув ее к себе, он обхватил ее руками, крепко прижимая к себе.

— Я не собираюсь притворяться девственником, когда мы оба знаем, что это не так.

— Я знаю. — Она уткнулась лицом в его грудь, не желая, чтобы он видел обиду на ее лице.

Она знала, что он далеко не девственник, но ей было больно слышать, как он приводил сюда многих других женщин, в то время как она пришла сюда впервые. Признаться, ей было больно даже думать о том, что у Луки есть женщина.

Он наклонил голову и прижался к ее шее.

— Но я могу обещать тебе, что ты первая и последняя женщина, которую я привел или когда-либо приведу сюда

Двигая головой, она хотела заглянуть ему в глаза, почти не веря в это.

— У меня это место уже давно. Я не люблю никого сюда пускать, потому что это мое личное пространство и место, где я могу подумать. Единственный, кто заходит сюда, кроме меня, это Сэл, и то по случаю.

Хлоя улыбнулась, снова прижавшись лицом к его груди. Впервые в жизни она почувствовала себя важной. Она считала за честь, что такой мужчина, как Лука, доверил ей такое особенное для него место.

— Ну что, есть еще что-нибудь, что тебя расстроило? — спросил он дразняще, наклоняясь, чтобы укунить ее за мочку уха.

Прикусив губу, она не знала, как это сказать, но...

— Мне нравится, когда ты называешь меня дорогой, но...

— Ты не хочешь, чтобы я называл так кого-то другого, — закончил за нее Лука, улыбаясь.

Она кивнула, покраснев от признания, что «дорогая» так на нее действует, и она не хочет, чтобы он перестал ее так называть.

Он снова прикусил мочку ее уха.

— Тогда я не буду, дорогая.

Наклонившись, она быстро поцеловала его в губы, желая, чтобы он знал, что сделал ее счастливой.

Когда она опустилась на ноги, то не смогла удержаться от смеха.

— Так что же ты делал, чтобы так вспотеть?

— Я покажу тебе. — Лука снова взял ее за руку, провел через свой пентхаус и поднялся по лестнице, ведущей в главную спальню. Она увидела винтовую лестницу, которой не было у Неро, и он подвел ее к ней, позволив ей подняться первой.

С каждым шагом она все больше запутывалась.

— Как она может куда-то вести? Это же последний этаж.

— Сейчас увидишь. — Он помог ей открыть верхний люк в потолке.

Хлоя посмотрела вниз на свои ноги, следя за тем, как она делает шаг, заканчивая подъем наверх. Затем до ее ушей донесся легкий шум города, заставивший ее наконец посмотреть вверх. Когда она это сделала, то чуть не упала спиной на Луку, от красоты которой у нее перехватило дыхание.

Он молчал, держа ее перед собой и не отпуская, пока она все это воспринимала.

— Это правда? — прошептала она, моргая, чтобы понять, рай это или просто мираж.

— Да, дорогая.

Сделав шаг вперед и покругившись вокруг себя, она перевела взгляд на цветы, затем на

стеклянные стены, за которыми виднелся город. Это была небольшая оранжерея, наполненная множеством цветов на вершине здания. Захватывающий вид был не похож ни на что, что она когда-либо видела.

Она несколько мгновений осматривалась, прежде чем повернулась и посмотрела ему в глаза.

— Это ты сделал?

Глаза Лукки теперь были полностью ярко-зеленого оттенка.

— Для тебя, да.

Еще одна легкая боль пронзила ее сердце. Только эта боль была другой.

Когда она снова повернулась к нему, из нее словно выбили весь воздух, когда она смотрела на такого человека, как он, окруженного чем-то подобным.

— Это так красиво, — прошептала она.

Подойдя к ней, он снова обхватил ее своими сильными руками.

— Я начал работать над ним несколько месяцев назад, чтобы занять себя, чтобы не приходиться за тобой. Я не был ни с одной женщиной с тех пор, как впервые увидел тебя. Я не мог. Ни одна из них не была тобой. Каждый раз, когда я хотел тебя так чертовски сильно, я приходил сюда, чтобы сохранить рассудок.

Боль в ее груди только усиливалась, поглощая все ее сердце. Тяжелые, старые цепи на ее душе начали дребезжать.

— Я не думал, что когда-нибудь буду способен любить, пока не появилась ты. — Он легонько потрепал ее по волосам, заставляя посмотреть ему в глаза. — Я люблю тебя, Хлоя. Ты — единственный человек, которого я любил или когда-либо буду любить.

Цепи разорвались, ее душа впервые за четыре года почувствовала свободу. Свобода длилась всего секунду, а затем ее снова захватили легкие и тугие цепи, требуя ее как свою.

Эти цепи могли держать ее в плену, но с ними можно было жить. Цепи, которые не отягощали ее тело, разум и душу. Цепи, которые были более постоянными. Цепи, которые никогда не могут быть разорваны... Даже в смерти.

Я твой навеки.

Сорок шесть

Вкус тебя... стоит целой жизни в аду

— Я думала, ты привез меня сюда, чтобы я осталась с Эль, — нервно призналась Хлоя, когда Лука помог ей спуститься с последней ступеньки винтовой лестницы после нескольких часов, проведенных в оранжерее.

Лука потерял улыбку от ее слов, остановившись, чтобы посмотреть вниз на ее склоненную голову.

— Хлоя, посмотри на меня.

Она заставила себя поднять взгляд, увидев смешанные эмоции на его лице.

— Когда-то я обещал тебе, что, когда закончится семестр, я позволю тебе уйти. Ты больше никогда не должна бояться Люцифера. Ты больше никого не должна бояться. — Он провел нежным пальцем по ее щеке и увидел, как дрогнули ее губы от любви, светящейся в его глазах, отчего они стали такими зелеными, какими она их еще никогда не видела. — Но я не могу сдержать это обещание. Я не могу позволить тебе уйти и выйти за эту дверь,

потому что теперь я знаю, каково это — иметь тебя.

— Я не хочу, чтобы ты позволил мне уйти, — беспомощно вздохнула она. Никогда. — Я отдала себя тебе. Я сказала эти слова.

Лука поднял руку к ее горлу, его глаза снова стали сине-зелеными.

— Скажи слова, дорогая.

Ее грудь поднялась и опустилась с силой, точно зная, что она собирается сделать.

Зафиксировав свою судьбу в камне, она сказала.

— Я твоя... навсегда.

Он сжал ее нежное горло в своей хватке чуть крепче.

— Еще раз.

Она смотрела на пугающее существо, не боясь, ее сердце заколотилось.

— Я твоя навеки.

Его глаза на долю секунды вспыхнули голубым светом, прежде чем он поднял ее на руки и понес к своей кровати, где собирался доказать, что владеет ее телом так, как она всегда знала.

Хлоя уткнулась головой в его плечо, нервно представляя, что он собирается с ней сделать. К своему шоку, она не чувствовала страха, которого всегда ожидала. Наоборот, она больше нервничала, что разочарует его. Он ждал ее месяцами, ждал этого момента.

— Ты не будешь разочарован, если я ошибусь в первый раз? Ведь у тебя было много женщин...

— Дорогая, — Лука опустил ее на кровать, а затем начал срывать с себя одежду. — Это было бы чертовски невозможно.

Она хотела отвести взгляд, когда он расстегнул брюки, но не смогла. Его возбуждение было настолько очевидным, что ее тело не позволило ей этого сделать. Оно хотело видеть его всего.

Когда его длинный, толстый член оказался на свободе, она не знала, задыхаться ей или стонать.

Подняв ее с кровати, он не дал ей времени решить, кто из них кто. Он снял с нее одежду так же быстро, как и свою. Затем он уложил ее задницей обратно на матрас, заставив ее снова вздохнуть.

Наклонившись, чтобы поцеловать ее в губы, он положил руки ей на плечи и толкнул ее еще дальше.

Хлоя почувствовала огонь между ног, когда он уперся руками рядом с ней и начал целовать ее шею, спускаясь ниже, пока не поцеловал ложбинку между ее грудями.

Она напряглась, желая зажечь огонь, когда он спустился ниже, целуя шрамы на ее животе.

— Прекрасно, — пробормотал он, когда его язык стер все воспоминания о том, как Люцифер нанес ей эти шрамы. — Я больше никому не позволю причинить тебе боль, детка.

У Хлои перехватило дыхание от его вида и слов, которые он произнес. Как может существовать такой человек, как он?

— Я знаю, что не позволишь. — Ее доверие к нему было нерушимым.

Огонь разгорелся еще жарче, когда он опустил свой рот ниже, пока его губы не застыли над ее центром.

— Мне придется пойти на исповедь, — сказал он ей. — Бог проклянет меня в аду за то, что я собираюсь сделать.

— Ч-что...

Кончиком языка он раздвинул ее плоть и провел вверх и вниз по ее центру.

Хлоя подпрыгнула от неожиданного ощущения, ее голова откинулась назад, а ноги начали дрожать.

Он вдавил свою руку в ее бедра, удерживая ее неподвижной. Застонав, он прижался ртом ближе. — Один твой вкус... стоит целой жизни в аду.

Когда он усилил давление своего рта, Хлоя почувствовала, как он проникает языком внутрь нее быстрыми движениями, а затем все глубже, становясь все более требовательным, все более голодным.

Подняв одну из ее ног над своим плечом, он погрузил язык в нее глубже.

О Боже. Она начала задыхаться.

— Возьми меня с собой.

От ее слов он крепче сжал ее бедро, его рот заработал сильнее, становясь все более жадным.

Огонь внутри нее разгорался все сильнее, каждое его движение языком обнажало нервные окончания, которые оставались в спящем состоянии, пока Лука не привел их в действие.

— Лука! — громко застонала она. Ее нервы достигли предела, отправляя ее в пропасть, которую она не видела раньше и из которой не хотела возвращаться.

Пытаясь прийти в себя, она почувствовала, как Лука опустил ее ногу на кровать, прежде чем его возбуждение перешло на то место, где был его рот.

Ее дыхание стало тяжелым, нервы возвращались.

— Мне, наверное, нужно поймать свой брe...

Его рука легла на ее горло, и он уставился на нее свирепыми глазами, которые заставили ее замолчать. Затем она почувствовала, как его возбуждение начало проникать внутрь, когда он обхватил ее другой рукой.

Хлоя поморщилась от легкой боли, извиваясь, чтобы приспособиться.

— Не двигайся, Хлоя, — потребовал он, взяв ее нижнюю губу между зубами. — Это недолго будет больно.

Она не была так уверена.

Рука на ее горле слегка сжалась.

— Как ты думаешь, что сильнее: моя рука или твоя тугая киска?

При его словах ее глаза захотели закатиться на затылок, и на нее нахлынул поток влаги, который заставил его двигаться внутри нее еще легче.

Без предупреждения она почувствовала сильный толчок глубоко внутри, когда он ослабил руку на ее шее. Когда его член снова начал выходить, его хватка на ее горле усилилась. Хлоя не могла восстановить равновесие, теряясь в повторяющихся движениях. Он играл на ее теле, как на музыкальном инструменте, как скрипач, который своими руками создает потрясающе красивую музыку.

Знакомое ощущение скручивания возвращалось, заставляя ее хвататься за широкие плечи Луки. Она крепко обхватила ногами его бедра, подаваясь вверх, когда он подавался вниз.

Лука пристально смотрел на ее покрытое шрамами лицо, читая каждое выражение.

— Тебе это нравится, дорогая?

— Да! — Хлоя закричала, шокируя саму себя. Она не могла поверить, что ей так же

нравится, когда он держит ее за горло, как и когда он качается внутри ее тела.

Он попеременно то держал, то отпускал ее горло, заставляя ее смотреть в его синезеленые глубины.

— Я люблю тебя, Хлоя.

Она увидела, что в нем что-то изменилось, когда она заглянула в его глаза. Хлоя думала, что он нужен ей, что она зависит от него больше, чем он когда-либо нуждался или зависел от нее. Но это было совсем не так. Лука нуждался в ней и зависел от нее так же, как и она от него. Их нужда и зависимость были равны. Отношения между ними были такими же равными. Один не был важнее другого. Они оба нуждались друг в друге, чтобы выжить.

Цепи, сковавшие ее тело, разум и душу, не означали, что Лука владел ею. Теперь она могла видеть, как он держит свои собственные цепи вокруг ее тела, разума и души. Те же цепи, что держали ее, держали и его. Они были вместе... как одно целое.

Это чувство, эту связь, которую они разделяли между собой, она теперь могла полностью понять.

Мы — родственные души.

Хлоя почувствовала, как слеза вырвалась наружу и потекла по ее щраму.

— Я люблю тебя, Лука.

Его глаза приобрели поразительный оттенок зеленого, когда он крепко сжал руку вокруг ее горла и сильнее погрузился в нее.

— Еще раз, — выдохнул он.

— Я люблю тебя! — закричала она, когда он сделал толчок, от которого она закричала, падая в бездну, которая ждала ее. И Лука тоже. Это было похоже на прекрасный кошмар, от которого она никогда не хотела просыпаться...

Сорок семь

Возрождение

Теперь, когда Хлоя и Эль жили прямо напротив друг друга, они наверстывали время, упущенное за последний месяц.

Это было похоже на сбывшуюся мечту. Впервые в жизни Хлоя почувствовала, что ее место — рядом с Лукой и всего в нескольких шагах от ее лучшей подруги, девушки, которая защитила ее своей жизнью.

Хлоя уже подала документы в университет здесь, в Канзас-Сити, чтобы начать следующий семестр. Она все еще пыталась решить, какую специальность выбрать. В Стэнфорде она посещала бы множество различных занятий, пытаясь понять, чем именно она хочет заниматься. Лука заверил ее, что со временем она поймет, чем именно. Если для этого ей придется целыми днями сидеть в своей оранжерее, то он не против.

По правде говоря, Хлоя никогда не задумывалась о будущем, потому что никогда не чувствовала, что оно у нее есть. Единственное, чего она хотела в своем будущем, — это уехать из Канзас-Сити, и колледж был лучшим способом сделать это.

Даже сейчас она не знала, что ждет ее в будущем, но знала, что пока она с Лукой, все будет так, как должно быть.

Ее подруга, однако, все еще так не думала.

— Ты ведь понимаешь, что это значит? Быть с Лукой? — спросила Элли.

— Я понимаю, — попыталась заверить она Элли. Затем она странно посмотрела на нее. — Ты ведь знаешь, с кем ты, верно?

— Да, но Неро не является боссом.

Неужели он ей не сказал?

— Эм, ты ведь знаешь, что он может им стать? Когда Лука станет боссом?

— Да, но он никогда не будет боссом. — Большие голубые глаза Элли сверлили ее. — А если у Луки будет сын...

Хлоя проглотила огромный комок, который внезапно образовался в ее горле. Она не могла поверить, что никогда не думала об этом. О, черт...

В дверь ворвалась Лейк, захлопнув за собой дверь Неро.

— Что случилось? — спросила Элли, когда их внимание переключилось на высокую, яростную девушку.

Лейк упала на диван, скрестив руки.

— Я миллион раз говорила Винсенту, чтобы Лука нашел ему другое место работы. Он говорит, что нашел, но я думаю, что он мне лжет. — Она бросила подушку в смеющуюся Элли. — Я не знаю, почему ты думаешь, что это так смешно. Неро тоже там работает!

Увернувшись от подушки, Элли постаралась говорить уверенно:

— Неро дал мне обещание, что не будет следить за девушками.

Девушками?

Лейк закатила глаза.

— Они не слепые!

— Я не думаю, что он лжет, — сказала Элли, покачав головой, но ее уверенность, казалось, уходила.

— Поверь мне, это так.

— Может быть, важно, чтобы они следили за девушками, — сказала Хлоя. Лука сказала ей, что они как вышибалы, защищающие работников.

Лейк надулась.

— Да, очень важно, чтобы Неро, Винсент и Амо следили за девушками в скупых нарядах, которые танцуют на коленях.

Что?

— Я думала, это подпольное казино?

— Так и есть. В котором вся приманка — женщины в распутных нарядах.

Вот почему Амо нравится там. Подождите...

— Откуда ты так много об этом знаешь? — спросила Хлоя, сбитая с толку.

Элли разразилась смехом.

Лейк сделала паузу, затем уклонилась от вопроса.

— Это неважно. Суть в том, что Неро и Винсент сейчас находятся там, в море практически голых девушек!

Смех Элли быстро утих, что заставило Хлою разразиться собственным.

— Тебе не стоит смеяться. Лука практически управляет им, — огрызнулась Элли.

Ее смех начал стихать.

— Так и есть?

— Да. — Элли высунула язык. — Лука не такой уж идеальный, не так ли? Готова

поспорить, его оранжерея не такая уж чертовски зеленая...

— Я доверяю ему, — сказала она без обиды. — Он сказал, что не был с девушкой с тех пор, как встретил меня девять месяцев назад. У меня нет причин не доверять ему.

Элль и Лейк уставились на нее, моргая.

Лейк заговорила первой, практически обмахиваясь веером.

— Мне жаль, Элль. Я больше не могу притворяться, что я не в команде Луки. Ты уверена, что оранжерея — это не секс-темница?

— Команда Луки — что? Нет! — Хлоя уставилась на девушек, которые казались немного теплыми.

— Боже мой, — прошептала Лейк, ее глаза приобрели странный вид, когда она посмотрела на Хлою, а затем на Элль. Эти двое выглядели так, будто знали, о чем думают друг с другом.

Элль придвинулась ближе к ней.

— Я изменила свое мнение. Лука тебе подходит.

Мне не нравится, куда...

Лейк тоже придвинулась ближе к ней.

— Он сделает для тебя все, что угодно, верно?

Покидая квартиру Неро, она начала думать, что быть так близко к Элль, возможно, не так уж и хорошо.

Когда один из охранников у дверей лифта переступил с ноги на ногу, Хлоя обернулась.

Удрученное выражение лица Амо оставалось опущенным, он не смотрел в ее сторону, показывая, что знает о ее присутствии в холле.

Прикусив губу, она пыталась решить, стоит ли ей с ним разговаривать. Затем, сделав глубокий вдох, она пошла по коридору в его сторону, остановившись в нескольких футах от него и не приближаясь настолько, чтобы он мог дотронуться до нее.

— Амо, могу я поговорить с тобой?

Он держал голову прямо, не глядя на нее.

— Я работаю.

— Я думала, ты работаешь внизу...

По выражению его лица она поняла, что он не понял, что она знает, что это значит.

— Меня перевели сюда.

— О. — Она подумала, что Лука забрал работу, которую он любил, чтобы наказать его.

Видя, как сильно страдает Амо, ей было больно осознавать, что она так с ним поступила. Несмотря на это, она ничего не могла сделать. Если бы она сказала об этом Луке, то, скорее всего, причинила бы ему еще большую боль, так как Лука все еще был очень расстроен.

Увидев гипс на его руке, ее сердце разбилось еще больше.

— Мне жаль, что так получилось с твоей рукой.

Челюсть Амо сжалась, в его глазах отразилась душевная боль и ущерб, который она ему причинила.

Понимая, насколько это была плохая идея, она нервно повернулась, чтобы уйти, желая поплакать о том, что казалось потерей великой дружбы.

Она была уже на полпути по коридору, когда услышала его крик.

— Хлоя!

В другое время она бы продолжала бежать, но сейчас она остановилась, обернувшись, чтобы посмотреть, как он идет к ней.

— Мне очень жаль. — Амо провел рукой по волосам. — Я сожалею о стольких чертовых вещах, которые я хотел бы вернуть назад. Я был тем, кто привел к тебе Люцифера. Это я назвал тебя уродом и ни разу не заступился за тебя в школе...

— Пожалуйста, перестань наказывать себя, Амо. — Она должна была остановить его, не в силах вынести его сожаления. — Я не виню тебя ни в чем из этого.

Амо посмотрел на нее, позволяя ей увидеть боль в его глазах.

— Я должен. Только так я могу смириться с тем, что ты решила быть с ним после того, как он похитил тебя. Если бы он этого не сделал, мы были бы не просто друзьями. Ты знаешь это в глубине души.

— Я ушла, Амо. — Ее глаза начали слезиться. Она ненавидела то, что он всегда заставлял ее разбивать его сердце еще больше, но это был единственный способ заставить его понять. — Я оставила тебя.

— Я бы пришел за тобой. — Амо сделал шаг к ней. — Я шел за тобой. Я пришел за тобой!

Ей пришлось отвести от него взгляд.

— Я знаю, но было слишком поздно.

— Нет, не поздно. Еще не поздно, Хлоя... — Он сделал еще один шаг к ней, надежда в его глазах росла. Он молился, чтобы она передумала и выбрала его.

— Между нами не было бы ничего настоящего. Ты менялся рядом со мной, а я никогда не менялась рядом с тобой. — Она сделала шаг назад, глядя ему прямо в глаза. — Мы просто никогда не должны были быть вместе. Я знаю это, потому что я чувствую это в своих костях. Я должна была быть с ним. Я должна быть с Лукой.

Глаза Амо стали блестящими, его взгляд устремился к полу.

— Ты всегда будешь мне дорог, Амо, но как друг... Так же, как я отношусь к Элли.

Его кулаки начали сжиматься при слове «друг».

— Я чертовски ненавижу его за то, что он забрал тебя у меня.

Хлоя покачала головой.

— Не вини его. Вини меня. Лука не виноват, что я не люблю тебя.

Амо не видел, как бесшумно открылись двери лифта, но Хлоя видела. Ее глаза умоляюще смотрели на выходящего мужчину. *Пожалуйста, не надо!*

Когда Лука не двинулся с места, она снова посмотрела на Амо.

— Тебе нравится садоводство?

— Что? — Амо нахмурился, недоумевая, почему она так сказала. — Нет.

Хлоя издала дрожащий смешок.

— А я мне нравится. Я не знала об этом, но теперь знаю. Лука научил меня.

Суровое лицо Луки расслабилось, пока он молча стоял у лифта.

— Мне всегда нравилось смотреть на цветы, но я никогда не понимала, сколько труда уходит на создание красивого сада. Нужно вырывать сорняки, чтобы дать корням цветов место для роста. Лука сидела со мной часами, помогая выдергивать сорняки. — Хлоя заправила волосы за ухо, с гордостью показывая свое красивое, покрытое шрамами лицо. — Один за другим.

Амо поднял на нее взгляд, его глаза путешествовали по ее шрамам, видя, как она изменилась. Она изменилась.

Это был момент. Момент, когда она сделает свой окончательный выбор раз и навсегда.

— Я влюбилась в Луку не потому, что он похитил меня. Я полюбила его, потому что... он освободил меня.

Крепкий кулак Амо разжался. Сердечная боль все еще была там, но тот маленький кусочек надежды в его глазах разбился до такой степени, что надежда исчезла. Он не знал, что хуже: иметь хоть какую-то надежду или не иметь ее вовсе.

— Прощай, Хлоя, — сказал он окончательно, непроизносимыми словами давая понять, что их дружба окончена.

У нее разрывалось сердце, когда она видела, как он ее заканчивает, но она понимала, какую боль причиняет ему даже взгляд на нее.

— Прощай, Амо.

Амо повернулся, снова столкнувшись лицом к лицу с пугающим Лукой.

Она на мгновение затаила дыхание, надеясь, что он послушает ее мольбы и ничего не сделает.

Лука продолжал смотреть на застывшего Амо, пока тот не прошел мимо него, задев его плечом.

— Возвращайся к работе, солдат.

Спасибо. Хлоя затаила дыхание, когда Лука подошел к ней и взял ее за руку. Она прижалась к нему, позволяя ему взять на себя ее вес, пока они шли к своей квартире. К тому времени, как он закрыл за ними дверь, она прижалась к нему, всхлипывая.

Отнеся ее наверх, в кровать, он позволил ей плакать у него на груди, проводя нежными пальцами по ее спине и кружась по ее черным волосам.

Когда слезы перестали литься, она прошептала в комнату:

— Почему такое ощущение, что он умер?

— В каком-то смысле он умер, — с сожалением сказал он ей. — Но он возродится, когда найдет свое новое предназначение.

Хлоя подняла свои серые глаза на его сине-зеленые.

— Это случается с каждым сотворенным человеком однажды. Я думал, что это случилось со мной, когда я впервые стал сотворенным, потом когда умерла моя мать, а потом когда я впервые увидела тебя. Но это тоже произошло не тогда.

— Когда это случилось? — спросила она, когда он не продолжил.

Лука провел пальцем по ее шраму.

— Может быть, когда-нибудь я тебе расскажу, но не сегодня, дорогая.

Она прижалась к нему, позволяя Луке исцелить ее разбитое сердце.

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, дорогая. — Закрутив прядь ее волос, он опустил их, чтобы прижать ее к себе. — Могу ли я что-нибудь сделать, чтобы ты почувствовала себя лучше? Я могу приготовить тебе что-нибудь.

На ее губах появилась медленная улыбка. Подняв голову, она игриво посмотрела ему в глаза.

— Что-нибудь?

Лука пристально посмотрел в глаза двум парням, стоявшим перед ним, — будущему этой семьи. Он затянулся сигаретой, давая концу ярко догореть:

— Вы двое у меня в долгу.

Неро и Винсент резко кивнули головами.

— У нас троих одна и та же проблема. — Он стряхнул пепел в поднос.

— Какая? — спросил Винсент.

Изумрудные глаза Неро сузились, точно зная, что это было:

— Наши женщины не итальянки.

Лука улыбнулся, видя, как крутятся колесики в их головах.

— Они поставят тебе ультиматум: они заставят тебя выбирать между семьей и твоей девушкой. Наши отцы делали это с другими людьми, которые обладали меньшей властью, чем мы, и в конце концов они заставят нас сделать выбор.

Неро и Винсент сжали челюсти, зная, что это правда.

Он видел, как эти два человека разрывались: один из них жил и дышал семьей Карузо, а другой нашел настоящую любовь. Заставить мужчину сделать выбор подобным образом — это, несомненно, убьет его, независимо от выбора.

— Я дал вам обоим девушку вашей мечты, а взамен вы выберете их, когда придется принимать решение. — На его лице заиграл злой огонек. — Как и я: тогда будущее Карузо будет разрушено.

Неро усмехнулся:

— Значит, ты перевернешь все и поставишь им ультиматум?

— Ультиматум с единственным выбором, с которым они смогут жить.

— Спасибо тебе, гребаный Бог. Я ждал того дня, когда ты, наконец, расправишься с моим отцом, — начал молиться Винсент, слеза, казалось, вот-вот скатится по его щеке. — И что еще лучше... Я помогу тебе сделать это.

Лука уставился на белокурого болвана, который, к счастью, хотя бы выглядел хорошо.

— Если ты думаешь, что будешь моим консильери, то ты — дерьмо.

Не повезло.

— Я буду твоим консильери, — добавила Мария, улыбаясь, листая журнал и постукивая каблуками.

Винсент насмешливо сказал:

— Как будто он выберет тебя, а не меня.

— Я бы выбрал тебя. — сказал он с уверенностью, уязвив гордость своего красавчика.

— При одном условии. — Мария улыбнулась. — Я не должна быть с мужчиной итальянской крови.

Затянувшись, он выпустил дым в ее сторону:

— Нет.

Ее дорогой каблук перестал стучать по земле:

— Посмотрим.

Сорок восемь

Это моя последняя цель

Максвелл налил еще одну щедрую порцию ликера в свой стакан. Он даже не смотрел, что пьет. Пока это давало ему достаточный кайф, чтобы спрятаться от жалкого беспорядка, который он устроил в своей жизни, это не имело значения.

Ему давно следовало пустить себе пулю в лоб, но он был слишком труслив. Он также

мог бы развестись со своей стервой женой и не заботиться о политической власти, которой он наслаждался последние несколько лет.

— Максвелл? — Резкий женский голос заставил его поднять голову от стола, на который он облокотился.

— Что? — Он попытался сфокусировать взгляд на своей жене, когда она вошла в его кабинет. Чертова сука.

— Время ужинать?

Элейн скривила губы в презрении.

— Мы ужинали четыре часа назад.

Максвелл попытался вспомнить, что он ел, но ничего не вспомнил.

— Я еще не готов ко сну. Ты иди.

— Не льсти себе. Мне все равно, когда ты ляжешь спать.

— Тогда чего ты хочешь? — Максвелл потянулся за своим стаканом, но обнаружил, что он пуст. Он начал искать бутылку ликера, прищурив глаза, оглядывая свой стол, но не нашел ее. Тогда он поискал, где он, должно быть, оставил ее после того, как наполнил свой стакан.

— Максвелл, удели мне секундочку внимания. — Его жена подошла к столу и подняла бутылку с пола.

— Продолжай. Я слушаю. — Он взял у нее бутылку и начал откручивать крышку.

— Я только что получил интересный телефонный звонок.

— Скажи телемаркетологам, чтобы звонили утром. Лана может ответить на их звонки.

— Это был не домашний телефон. Это было на мой мобильный.

— Тогда я не понимаю, какое отношение это имеет ко мне. — Он налил еще один полный стакан, подождал, пока она уйдет, и выпил его. Если бы он выпил его у нее на глазах, это не стоило бы сеанса стервозности.

Элейн отодвинула бокал.

— Ты будешь слушать меня, пьяница? — Видя, что наконец-то привлекла его внимание, она сказала: — Мне только что позвонил странный человек. Звонивший спросил меня, не знаю ли я, где находится моя дочь.

— Если она хотела поговорить с Хлоей, почему она просто не позвонила ей? — тупо спросил он.

— Это был мужчина, — сказала она. — Я сказала ему, что она в колледже.

— И что? — Он просто хотел, чтобы она ушла. — Он сказал, что ему нужно?

— Нет, он сказал: «неправильный ответ» и повесил трубку. — Элейн слегка вздрогнула, хотя она была практически из стали.

Максвелл пожал плечами.

— Если тебя это так волнует, посмотри на свои последние звонки и перезвони ему.

— Я звонила. Никто не ответил, и сообщение ушло на голосовую почту.

— Я не знаю, в чем тут дело. Это гребаный телемаркетолог. Заблокируй их звонок.

— Просто это было странно, и я его заблокировала, — огрызнулась она. — Я иду спать.

Ее раздражающие высокие каблуки щелкнули по деревянному полу, когда эта сука оставила его в покое.

Допив свой напиток, он снова опустился в кресло и задремал.

Острая потребность отлить заставила его резко проснуться. Он неуверенно вышел из кабинета и направился в туалетную комнату, чуть-чуть не дойдя до нее. Когда он закончил, то плеснул холодной водой на лицо. Он старел. Обильное питье начало сказываться на его

внешности.

Не в силах больше смотреть на себя в зеркало, Максвелл вышел из туалетной комнаты и вернулся в свой кабинет.

Выбросив пустую бутылку из-под спиртного в мусорное ведро рядом со своим столом, он подошел к шкафу с алкогольными напитками, чтобы взять еще одну.

Он потянулся за бренди, когда на его столе зазвонил мобильный телефон. Взяв ликер с собой, он поднял трубку и увидел, что это неизвестный номер. Он хотел не отвечать, но мысль о том, что если он не ответит, то еще один назойливый телемаркетолог позвонит Элейн, заставила его нажать кнопку "принять".

— Алло...? — пролепетал он.

— Вы не знаете, где ваша жена? — Мужской голос послал холодок по его позвоночнику.

Пытаясь побороть алкогольную дымку, Максвелл спросил:

— Кто это? Знаю ли я, где моя жена? — Максвелл саркастически фыркнул. "Она в своей гребаной постели. В следующий раз спроси, работает ли мой холодильник. — Максвелл завершил разговор. Он думал, что звонки с розыгрышами вышли из моды несколько десятилетий назад.

Налив себе напиток, он уже собирался сесть обратно в кресло, когда услышал, что Элейн зовет его по имени из кухни.

Он почти не ответил ей, подумав, что это просто шутник звонит ей сейчас. Она никогда бы не замолчала по этому поводу. Однако, одним глотком осушив бокал бренди, он направился на кухню.

— Это еще один теле... — Максвелл по свиному моргнул, глядя на человека, стоящего на кухне.

— Что ты здесь делаешь?

— Заткнись и сядь, мать твою, — приказал Лука.

Поморщившись, Максвелл подошел к столу и неуклюже сел, а затем повернулся, чтобы посмотреть на жену, которая сидела рядом с ним.

Ее обычно уложенные волосы были в беспорядке, и ему потребовалось несколько пьяных мгновений, чтобы понять, что каждая ее рука была связана за спиной.

— Какого хрена она привязана...?

Максвелл рванулся вперед, когда жесткая рука прижалась к его спине, а затем грубо скрутила его руки за спиной. Когда он попытался остановить его, Лука ударил его кулаком в бок.

В оцепенении Максвелл начал падать со стула, но Лука удержал его в вертикальном положении, пристегнув его запястья к ручкам стула.

Он чуть не описался, когда Лука оттащил стул от стола и начала привязывать его лодыжки к каждой ножке стула. Затем он начал плакать.

— Скажи мне, чего ты хочешь. Ты хочешь больше денег? Я могу получить их за...

— Дело не в деньгах, — сказал Лука, вставая и отодвигая стул Максвелла к столу, когда закончил. Затем он переместился на другую сторону стола и устался на них.

— Тогда чего ты хочешь? — закричал Максвелл.

— Заткнись, Максвелл, — шипела его жена. — Лука, у нас выгодные отношения с Карузо...

— Карузо больше не будут вести с вами дела. Ваши дела с Люцифером аннулировали

все наши обещания.

Максвелл начал всхлипывать, глядя в бессердечные, страшные глаза бугимена, понимая, что ему конец.

Холодный голос Луки прорвался сквозь слезы.

— У меня появилась новая собака, и она рассказала мне историю о том, как ты продал душу своей дочери дьяволу. Что он заберет ее, когда ей исполнится восемнадцать лет.

Рыдания Максвелла перешли в хныканье.

— Заткнись, мать твою! — закричала на него жена, ее стул чуть не опрокинулся набок. — Из-за тебя нас убьют. — Затем она переключила свое внимание на Луку. — Я сказала Люциферу, что он может забрать Хлою, когда она уедет в колледж. Я бы отдала ее тебе, если бы...

Лука ударил ее по лицу, фактически заставив замолчать.

— Больше ни слова из твоего поганого рта, пока я не обращусь к тебе, — усмехнулся он.

Теперь можно было увидеть страх Элейн: она поняла, что не сможет выкрутиться.

Лука подошел к стойке, взял портфель и поставил его на стол перед ними. Затем он поправил руку, отчего пиджак его черного костюма приподнялся, и посмотрел на часы.

Глядя на стоящего перед ним демона, который был одет в дорогой черный итальянский костюм, Максвелл почувствовал надвигающуюся гибель. *Я сейчас умру.*

Лука положил мобильный телефон на стол перед портфелем.

— Пока я не забыл, где ты хранишь рецепт чили?

— А? — Максвелл уставился на него, не уверенный, что правильно его расслышал.

— Твой рецепт чили. Он мне нужен. Сейчас же, — потребовал он от Элейн.

Максвелл в ужасе смотрел, как Лука схватил волосы Элейн в кулак и ударил ее головой об стол, когда она не ответила достаточно быстро.

— Я не знаю! — Струйка крови потекла из ее ноздрей. — Я больше не готовлю!

Максвелл потерял контроль над своим вновь полным мочевым пузырем и описался, когда Лука повернулся к нему.

— Рецепты Ланы в шкафу у плиты.

Когда Лука отошел от них, Максвелл повернул шею и увидел, как Лука достает из шкафа коробку с рецептами. Затем он наблюдал, как бугимен перебирает рецепты, пока с улыбкой удовлетворения не нашел тот, который искал, положил остальные рецепты обратно в коробку и оставил ее на прилавке.

Когда он вернулся и встал рядом с ними, слезы жгли лицо Максвелла. Даже его жена начала плакать, когда Лука срезал одну из молний с ее руки, а затем повернулся, чтобы сделать то же самое с одной из рук Максвелла.

— Слушайте сюда: я буду говорить свои инструкции только один раз. — Лука отошел в сторону, открывая портфель.

Если бы он еще не обмочился, Максвелл бы упал при виде того, что было внутри. Его жена плакала так же сильно, как и он сейчас.

Лука нажал на кнопку, в результате чего лампочка загорелась с красного на зеленый. Закрыв кейс, он покрутил крошечные цифры на ручке.

— У вас есть пять минут, чтобы освободиться. Затем позвоните Хлое: у нее есть комбинация. Если у вас не хватит времени, чтобы снять все галстуки, Хлоя — ваш единственный шанс. — Он положил одноразовый телефон на кейс.

Никто из них не повернулся посмотреть на Луку, когда он ушел с рецептом. Максвелл

уже начал пытаться снять галстук со своей свободной руки. Когда ему это удалось, он быстро бросился к телефону, все еще застегнутому на лодыжках.

Схватив трубку, он набрал номер Хлои, затем неуверенно поднес ее к уху. Он слышал один звонок за другим, гадая, возьмет ли она когда-нибудь трубку. Блядь, ответь!

Наконец, когда на звонок ответили, они оба выкрикнули ее имя:

— Хлоя!

Смертоносный голос прозвучал в трубке, заставив Максвелла потерять контроль над всеми своими телесными функциями.

— Извините, Хлоя занята.

Его глаза устремились на чемодан, когда пламя охватило его кожу.

Максвелл продал душу своей дочери дьяволу, чтобы избежать ада, но бугимен отправил его прямо в ад в огненном шаре.

Голый мужчина в углу комнаты медленно поднялся, используя трубу, к которой был прикован, и гримасничая при этом.

Лука подошел ближе к окровавленному мужчине, его глаза сканировали сотни порезов, нанесенных ему ножом.

Каждая метка, которую он ставил Хлое, означала для него пятьдесят.

— Ты сделал это, не так ли? — Черные глаза Люцифера осмотрели его одеяние. — Ты убил ее родителей.

Лука кивнул.

— Ты был прав: они отдали ее тебе.

От маниакального смеха у Люцифера кровь хлынула изо рта, прежде чем его зловещий взгляд вернулся к Луке. — Это помогло?

— Немного, — признал Лука. — Но мы оба знаем, что она никогда не насытится.

— Нет, это не так. Не для таких, как мы. — Люцифер лукаво улыбнулся, явно вспоминая приятные воспоминания.

Глядя на шрам, который почти лишил дьявола глаза, Лука восхищался тем, как он подобрался ближе, чем думал, не забрав его.

— Я до сих пор помню этот день, как будто это было только вчера — день, когда ты проявил себя и стал полноправным. Это был первый раз, когда я увидел тебя в костюме. — Люцифер улыбнулся, вытирая кровь со рта и размазывая ее по губам. — Сначала я думал, что Данте сошел с ума, позволив тебе попытаться выудить информацию из той крысы, которая украла наши деньги. Но потом, когда я посмотрел в твои глаза, я увидел это... Тьму, скрывающуюся за ними. Для своих семнадцати лет ты показывал неплохие результаты.

— Представь, как быстро я смог заставить его говорить, — сказал Лука.

Видя, что это займет больше времени, чем ожидалось, он достал сигарету и прикурил ее.

— Знаешь, что я подумал, когда ты с ним закончил? — спросил Люцифер.

Он глубоко выдохнул, дым заполнил комнату, и он спросил:

— Что?

— Я бы хотел, чтобы он был моим сыном, — сказал дьявол. — Мы могли бы вместе править этим городом.

Лука улыбнулся, присев на корточки, и остановился на уровне глаз с безумными черными глазами.

— Да... с твоим сыном.

— А, великий Сальваторе! — Дьявол поднял руку, словно это имя было написано на рекламном щите. — Сын, которого твой отец украл у меня.

— Ты имеешь в виду сына, который умер бы от голода, если бы ждал, пока ты поймешь, что он гений?

Люцифер пожал плечами.

— У него нет нашей черты, хотя. Я и ты, мы могли бы сделать несколько великих вещей вместе, если бы ты просто родился на противоположной стороне путей.

Ожог от сигареты отразился от его лица, когда он резко вдохнул.

Черные глаза сверкнули на него.

— Каково это — знать, что однажды ты можешь стать мной?

— Ты знаешь, что это неправда. Больше нет. — Лука уставился на безумного человека перед собой, зная, что это вполне могло быть зеркало между ними, показывающее ему, как бы он выглядел много лет спустя, если бы не встретил Хлою. — Я встретил ее до того, как слишком долго шел по этому пути в одиночестве... В отличие от тебя.

Маниакальное лицо Люцифера сменилось лицом ревности.

— Я сделал ее красивой!

— Нет, ты просто обрамил ее красоту, чтобы я увидел.

Ревность в его глазах усилилась.

— Я все еще касался ее...

Схватив его за лицо, Лука зажал дьяволу рот, засунув дымящуюся сигарету ему в горло и заставив проглотить ее.

Люцифер закашлялся, выдыхая дым, пока горячая, обжигающая палочка скользила внутри. Затем снова раздался маниакальный смех.

— Когда ты это сделаешь? Когда я буду служить цели бугимена, чтобы ты мог наконец отправить меня в ад?

Теперь уже Лука откинул голову назад в маниакальном смехе, вставая с земли.

— Оглянись вокруг, Люцифер. — Он раскинул руки в стороны. — Ты в Аду, и это моя последняя цель.

Впервые с тех пор, как он попал сюда, в черных, бездушных глазах Люцифера появилась хоть капля страха, когда он смотрел, как бугимен уходит.

Отодвинув огромную раздвижную металлическую дверь, Лука прошел через нее, оказавшись по другую сторону. Когда он заговорил, сам дьявол похолодел, а металлическая дверь стала задвигаться на место.

— И мы только начинаем, мать твою.

Сорок девять

В прекрасную, темную бездну

Когда Лука поднялся по лестнице, сердце Хлои подпрыгнуло при виде его полностью черного костюма. Настолько, что у нее буквально перехватило дыхание.

— Ты рано вернулся, — сказала она, крепко сжимая в руке музыкальную шкатулку.

— Я рано закончил. — Сократив расстояние, он опустился перед ней на колени, уставившись на потрескавшуюся золотую шкатулку. — Ты никогда не показывала мне этого,

дорогая.

Хлоя открыла изящную коробочку, показывая ему, что она больше не играет.

— Это принадлежало моей тете. Она родила меня для моей матери, но... она умерла в процессе. Она вспомнила слова, которые однажды услышала от своей матери, сказанные отцу: «Ты можешь поблагодарить свою дочь за то, что убила ее».

— Мне жаль, что ты так и не смогла встретиться с ней, дорогая. — Он откинул ее волосы назад, чтобы лучше видеть ее лицо. Казалось, он уже знал, что она ему говорит.

Я тоже.

— Я думаю, она должна была быть очень милой. Я думаю, мой отец был влюблен в нее.

— Я уверен, что любил. — Он провел рукой по трещине на коробке, как всегда делал с ее шрамами. — Как она разбилась?

Сделав глубокий вдох, она сказала ему правду.

— Мой отец разбил ее однажды ночью после того, как слишком много выпил. Я слушала ее каждую ночь, снова и снова, позволяя колыбельной петать мне на сон грядущий, как мать поит своего ребенка.

Лука молчал, продолжая теревить коробку пальцами, давая ей возможность закончить рассказ.

— Я искала целую вечность, пытаюсь найти другую, чтобы снова услышать мелодию. И вот однажды мне это удалось. Тогда я пошла в маленький магазинчик и смогла услышать ее еще раз. — Хлоя положила коробку ему в руки. — Теперь я счастлива, что он ее разбил, потому что она привела меня к тебе.

Наклонившись, Лука крепко поцеловал ее, проведя языком по нижней губе, прежде чем отстраниться.

— Я хочу, чтобы она была у тебя сейчас. — Она объяснила ему причину, по которой вытасщила его.

— Ты уверена, дорогая? — спросил он, уже держа коробку так, словно дорожил, как дорожил юе.

— Да. — Она прижалась лбом к его лбу. — Кроме того, у меня есть та, которую ты мне подарил.

— Мне не хватало, чтобы коробка стояла на моем столе. — Он показал, где она стояла все эти семь месяцев, и осторожно положил коробку на кровать, прежде чем взять ее на руки.

Она обвила ногами его талию.

— Куда мы идем?

— Мне нужен душ, и ты присоединишься ко мне. — Он отнес ее в ванную и поставил на ноги, ухмыляясь. — Ты сделала то, что я просил?

— Да. — Хлоя покраснела, ее щеки горели красным. — Это было нелегко. Я никогда раньше не брила себя наголо.

Он наклонился к ее невысокому росту, прикусив губу.

— В следующий раз я могу помочь.

Нет.

— Этого никогда не случится. Никогда.

— Посмотрим. — Он подмигнул ей, прежде чем начать отряхивать свой костюм, положив часы на трюмо. — Раздевайся.

От его требования внутри нее немедленно разгорелся огонь.

Ее тело повиновалось, стягивая черную одежду с ее кожи. Затем она стояла перед ним, беззащитная, а его темные глаза ласкали ее фарфоровую кожу, затем ее чисто выбритую киску. Хлоя могла видеть, какое удовольствие он получал, просто глядя на нее, когда его твердость росла.

Мужчина перед ней не был достаточно удовлетворен с первого раза, это она знала. Сегодня вечером ее тело, разум и душа надеялись помочь утолить его голод.

Лука одарил ее страшной улыбкой, открывая один из ящичков туалетного столика и доставая оттуда флакон с муссом. Затем он намочил салфетку под струей воды.

Подойдя к ней, он затащил ее в душ и усадил на скамейку, после чего встал перед ней на колени.

Она была смущена тем, что он не начал принимать душ, и еще больше, когда она обнаружила, что у него с собой зажигалка и галстук для волос.

— Завяжи волосы назад.

Хлоя подняла свои длинные волосы, закрепив их галстуком.

— Что ты делаешь? — с любопытством спросила она, когда он заставил ее откинуться назад, чтобы живот стал более ровным.

Ее вопрос остался без ответа, когда он распылил мусс в форме маленького сердечка на ее животе. Затем Лука щелкнул зажигалкой, зажав ее между пальцами и заставив пламя плясать.

— Ты доверяешь мне, дорогая?

Глядя на завораживающее пламя, она ответила:

— Всегда.

— Не шевелись, — приказал он, приблизив пламя к муссу.

У Хлои открылся рот, когда пламя заплясало прямо над ее кожей, повторяя рисунок мусса. Это было даже более завораживающее зрелище, чем те трюки, которые он проделывал со своей Zippo. Она догадалась, что именно это он чувствовал, когда прикасался пальцами к пламени. Все, что она могла почувствовать, это небольшое покалывание тепла.

— Тебе понравилось? — спросил он, снова приближая пламя и снова зажигая тот же узор. Только на этот раз он прогорел гораздо быстрее.

— Да, — вздохнула она, когда пламя исчезло.

Вместо того чтобы снова поджечь его, он взял влажную ткань и вытер мусс. Затем он нарисовал муссом еще большее сердце на ее животе. Верхние изгибы сердца были ближе к ее тяжелым грудям, а нижняя точка лежала на ее бритой киске.

— Теперь ты доверяешь мне, дорогая? — Его зеленые глаза вспыхнули, пока он вертел зажигалку в пальцах.

— Всегда, — повторила она без колебаний.

Пламя приближалось, и она уже чувствовала, что практически задыхается. Когда узор в форме сердца охватило пламя, ее голова откинулась назад, прислонившись к стеклу. Она застонала, когда пламя лизнуло ее бедра.

Святое...

Лука продолжал, поджигая мусс снова и снова, пока он не перестал гореть.

Ее сердце бешено забилося, когда Лука вытерся, позволяя холодному влажному полотенцу задержаться на ее разогретой коже. Затем он включил воду после того, как переставил сопло, и подождал, пока оно нагреется, прежде чем вернуть его в нормальное положение.

Внутреннее тело Луки приблизилось к ней. Он поднес руку к ее волосам, освобождая завязку и позволяя ее волосам дико рассыпаться. Затем он скользнул рукой вниз к одной из ее больших грудей, большим пальцем стер струйку воды, попавшую на сосок.

— Тебе все еще нравится это после того, как я поджег тебя?

— Да... — Ее тело стало податливым под его руками. — Я не боюсь ничего из того, что ты со мной делаешь.

— Дорогая... — Он накрутил мокрую прядь ее волос на палец. — Это опасные слова для меня. — Он потянул темную прядь вниз, заставляя ее опустить голову и посылая ей безмолвное сообщение.

Серые глаза Хлои увеличились, когда она уставилась вниз на его увеличившийся член.

— Ты уверена, что хочешь доверять мне? Я никогда...

— Я рискну.

Лука застонал, когда она опустилась на колени и взяла его возбуждение в руку, неумело поглаживая его длину. Он смотрел на нее свирепыми глазами, когда она наклонилась ближе.

— Ты убиваешь меня, дорогая, — сказал он ей на грани рыка.

Прикусив губу, она начала дергаться, но его хватка на ее волосах остановила ее.

— Не смей останавливаться. — Низкий рык наконец-то вырвался наружу. — Открой рот.

Она робко открыла рот и приняла его внутрь. Это было самое прекрасное, что только можно себе представить, видеть, как она доставляет ему удовольствие. Видно было, что Лука думает о том же, глядя на нее напряженными глазами. Она очистила его мир от уродства, как тогда, когда он впервые взглянул на ее лицо со шрамами, лицо, отражавшее шрамы, которые он носил в своем сердце из-за матери.

Лука начал медленно, давая ей время привыкнуть, прежде чем он не сдержался и начал впиваться в ее рот быстрее. Возникшие внутри него чувства были настолько сильными, что ему пришлось выдернуть себя из ее рта, боясь, что он кончит.

Желание и потребность быть внутри нее были очевидны на его лице, когда его руки перешли к ее попке, приподнимая ее, пока он не поместил свое возбуждение туда, куда хотел. Затем, когда он прижал ее к стеклу и одним толчком глубоко вошел в нее, она вскрикнула, чувствуя себя на грани удовольствия и боли.

— Лука!

Толкаясь в нее, он ничего не сдерживал, отдавая ей всего себя.

Его грубость и жестокость напугали ее, но лишь немного, поскольку она позволила бугимену взять от нее все, что он хотел. Он слишком долго голодал, а она хотела еще увидеть темноту.

— Сильнее... — стонала она.

Лука накрыл ее рот своим, проникая языком, а его твердый член все сильнее погружался в ее спазмирующий центр. Затем он прикусил ее нижнюю губу и медленно отстранился, пока не отпустил ее.

— Это то, чего ты хочешь, дорогая?

— Быстрее... — стонала она, когда оргазм начал захватывать ее тело, погружая ее в прекрасный кошмар.

Бугимен сдержал свое обещание, когда она начала умолять его не останавливаться.

Он отправлял ее в прекрасную темную бездну снова и снова, пока прекрасные кошмары один за другим не заменили кошмары дьявола.

Пятьдесят

Цепи, которые держали их души

Лука сжал в объятиях ее бессознательное тело. Он не мог отвести взгляд от ее лица с того момента, как она заснула.

Его убивало то, что ему пришлось усыпить ее. То, что он собирался с ней сделать, убивало его. Она еще долго не поймет, что он должен был сделать это, чтобы спасти ее и освободить души ее и своей матери.

Сев на кровать, он прижал ее к себе еще немного. Это был последний раз, когда он мог прикоснуться к ней в течение долгого времени.

Он начал говорить с ней, надеясь, что каким-то образом, когда она проснется, часть ее вспомнит то, что он сказал.

— Он приходил за тобой. Он собирался забрать тебя. Он не оставил мне выбора, Хлоя. Он пытался забрать тебя в торговом центре, и если бы я позволил тебе пройти на десять шагов дальше, ты бы досталась Люциферу.

Лука встал и положил ее дремлющее тело на кровать, а сам сел рядом с ней, желая, нуждаясь в еще одном мгновении с ней.

Он поднес палец к ее фарфоровому лицу, поглаживая шрам, к которому мечтал прикоснуться семь месяцев. Он провел пальцем по шраму, и тьма в нем зашумела, затем затихла, стала медленной, устойчивой, обретя свою цель.

Он думал, что уже нашел свою истинную цель, когда впервые увидел ее, но это было лишь половиной. Его целью было спасение Хлои Мастерс, но его истинной целью было то, что они спасли друг друга.

С каждым днем он чувствовал, что становится все более ненасытным. Тьма в нем шла по пути невозврата... А потом он прикоснулся к ней, и отвратительное существо внутри, которое было опустошено и одиноко, наконец обрело надежду. Он возродился.

Бугимен нашел другого, которого мир воспринимал как уродца, как чудовище.

Лука провел пальцем по ее шраму еще один последний миг.

— Я люблю тебя, дорогая. Пожалуйста, помни об этом, когда проснешься...

Хлоя прижалась ближе к Луке, желая ощутить тепло его тела, и положила голову ему на плечо. Снег, выпавший в январе, был так прекрасен под освещенной беседкой. У нее каждый раз перехватывало дыхание, почти так же, как когда она смотрела в зеленые глаза Луки.

Она огляделась вокруг, увидев изменения, которые они с Лукой произвели здесь, и изменения, которые она произвела в себе.

Лука взял ее руку в свою, притянув ее к себе на колени.

— Ты знаешь, какой сегодня день, дорогая?

Она подняла голову и посмотрела в его зеленые глаза, и у нее снова перехватило дыхание.

Не найдя слов, она просто покачала головой.

— Ты встретила меня здесь в первый раз... год назад.

Ее сердце заколотилось от того, что он вспомнил.

— Я не могу поверить... — Хлоя перевела взгляд на свою левую руку, на которую Лука

надел кольцо с бриллиантом.

— Оно принадлежало моей матери, — с горечью сказал он ей.

— Оно прекрасно, — прошептала она, и одна слезинка сбежала по ее щраму, когда ее серые глаза впились в сверкающий бриллиант, украшенный замысловатым узором.

— Ты знаешь, что мне пришлось сказать хозяйке магазина, чтобы уговорить ее продать мне музыкальную шкатулку?

Хлоя покачала головой, и из ее глаз покатались слезы.

— В тот день, когда мы впервые встретились здесь, я вернулся туда после того, как знал о твоём существовании всего неделю, и сказал ей, что люблю тебя. — Он сказал это с такой яростью, что она почувствовала, как зазвенели цепи, сковывающие их души.

— Я люблю тебя, — вдохнула она всем своим существом, посылая свое собственное послание их душам.

Лука наклонился, приближая свои губы все ближе и ближе к ее губам, покрытым щрамами.

— Выходи за меня замуж, дорогая.